

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№10 (96), 2021

*Изборская
идеология.
Интегральный
доклад*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Позднепутинское государство
- 8** **Идеология Победы как национальный проект**
(интегральный доклад Изборского клуба)
ВВЕДЕНИЕ. ИДЕОЛОГИЯ ЗДЕСЬ, В НАС, ВОКРУГ НАС (стр. 9)
1. РУССКИЙ КОД И РУССКИЙ ГЕНИЙ (стр. 13)
2. ОТ ВРАТ ХАОСА К НОВОМУ ВЕЛИКОМУ СТИЛЮ (стр. 17)
3. ОБРАЗ ВРАГА (стр. 21)
4. ОЧИЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ (стр. 25)
5. СУБЪЕКТ «МЫ». ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ (стр. 29)
6. В ПОИСКАХ ЗАВЕТНОЙ ФОРМУЛЫ (стр. 38)
7. КОНТУРЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО (стр. 42)
7.1. Образ общества (стр. 42)
7.2. Образ экономики (стр. 44)
7.3. Образ технологического развития (стр. 47)
7.4. Образ и тип носителя культуры (стр. 49)
7.5. Образ мироустройства. Наше послание миру (стр. 53)
7.6. Курсом — на идеологическую экосистему (стр. 55)
ИТОГИ. ВЫВОДЫ (стр. 57)
- 62** Сергей ГЛАЗЬЕВ.
Государство Развития
- 66** Александр АГЕЕВ.
В поиске истинного азимута
- 82** Сергей БАРАНОВ.
**Идеология будущего
и новый социально-экономический уклад России**
- 92** Александр ЕЛИСЕЕВ.
Метаидеология как ответ на вызовы постмодерна
- 98** Сергей КАЗНАЧЕЕВ.
Этажи русской идеологии
- 106** Владимир МОЖЕГОВ.
**Пёрл-Харбор XXI века:
самая масштабная провокация неоконцов**
- 114** Максим КАЛАШНИКОВ.
Окно в будущее
(продолжение, начало в № 5–8)
- 128** Библиотекарь
- 130** Иван КОНОНОВ.
Период полураспада
(поэма)

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** №10 (96), 2021 год

Главный редактор — Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора — Виталий АВЕРЬЯНОВ
Заместитель главного редактора — Андрей КОБЯКОВ
Художник — Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка — Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор — Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации — Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Фрунзенская наб., д. 18, пом. VI
По вопросам распространения: телефон +7(910) 421 92 07
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 15.12.2021

Отпечатано в ООО «ТИПОГРАФИЯ АМА-ПРЕСС»

Тираж 700 экз. Заказ № 1962

/ Александр ПРОХАНОВ /

Позднепутинское ГОСУДАРСТВО

Государство Российское формулирует свою идеологию, ибо только идеология обеспечивает существование государства. Однако создание идеологии сталкивается со множеством противоречий и двусмысленностей.

Валдайский клуб — явление таинственное, загадочное, восхитительное. Кавказские горы, покрытые лесом. Огромные осенние склоны. Высокие поднебесные пики с голубыми ледниками. Струйка водопада. Присевшее на вершине перламутровое облако. И в этих горах — роскошный отель, дворец из дерева, камня, с великолепной охраняемой дорогой с серпантинами, туннелями. И тебе кажется, что ты попал в тибетский монастырь, окружённый горами, среди тайных трепетов земли и неба.

Сюда раз в год со всех концов земли съезжаются мыслители мира: профессора, директора исследовательских институтов, бывшие послы и министры, знатоки экономики, военного дела, культурологи, цифровики — сонм умачей, которые слетаются сюда, в горы, для одной-единственной задачи: исследовать исторический процесс, добыть из этого процесса сокровенные знания, вручить эти знания своим правительствам, чтобы те, обогащённые знаниями, эффективнее управляли историей.

Валдайский клуб — один из элементов управления историей. Исторический поток — это огромная река без устья и истока. И в этой реке плывут рыбы: огромные, малые, совсем крохотные мальки. Осетры и севрюги, акулы, вуалехвосты, щуки, крохотные живородящие гуппи и едва заметные глазом голубые или изумрудные рыбёшки.

Эксперты Валдайского клуба — это экологические птицы, которые уселись на берегу реки, именуемой историческим процессом, и клювами выхватывают из этой реки рыбин — те или иные сиюминутные события, наполняющие текущий исторический процесс. У этих птиц разные хвосты и разные клювы: тонкие и длинные, как у цапель. Тяжёлые и могучие, как у пеликанов. Загнутые, как пинцеты, у кроншнепов. Остренькие, как у куликов. Грозные, как у орлов. И они суют свои клювы в реку, выхватывая то огромную серебряную рыбку, то крохотного малька. Распушив свои птичьи хвосты, добывают из реки истории сокровенные знания.

Нынешний Валдайский клуб, как всегда, разливался своими высокоумными мыслями по древу. Возможна ли в ближайшее время высадка китайцев на Тайвань, что станет прелюдией большой мировой войны. Приведёт ли потепление климата к триумфу зелёной энергетики и разрушению мировых газовых и нефтяных империй? Как меняет мир китайско-американское соперничество,

и где в этом соперничестве место Европы, России, Пакистана и Индии? Победа талибов* в Афганистане есть триумфальное завершение исламской мировой революции, или эта революция будет продолжена в России, в Европе, в Америке? И какие формы в этом случае обретёт мировой терроризм?

Дискуссии клуба, выступления на панели напоминали огромное варево идей, предположений, осторожных суждений, которые вскипали, бурлили в котле Валдайского клуба. Заключительным было выступление президента Путина, который всыпал в этот котёл утончённые специи, интеллектуальные мировоззренческие деликатесы, что и делает валдайское кушанье неповторимым яством.

Было высказано несколько суждений, связанных с ковидным состоянием человечества. Ковид заставил государства закрыть свои границы, обособиться, сосредоточиться на себе, отчуждаясь от соседей и ставя крест на том, что называлось глобализмом, то есть одним громадным мировым государством, у которого нет границ и нет правительств. Государства, борясь с ковидом, вынуждены прибегнуть к насильственным ограничениям, к жёсткой регламентации общественной жизни: с наблюдением и слежкой за социальными группами и отдельными гражданами. Это ставит крест на традиционных либеральных представлениях о свободе, усиливает в каждом отдельно взятом государстве и в мире в целом тенденции централизма, что в сочетании с цифровыми технологиями приводит к новому электронному авторитарному типу управления государствами и обществами.

Удар, нанесённый ковидом по экономикам, ослабил эти экономики, сбил их с толку, привёл к дезорганизации, поставил вопросы об эффективности нынешних форм мирового экономического уклада, о пересмотре этого уклада, породил разговоры о крахе капитализма. В результате всё выше поднимает голову зелёная энергетика. «Зелёные», солнцепоклонники, вступают в схватку с газопоклонниками. Эти две формы хозяйствования, эти два мировоззрения, две неназванные религии порождают новые религиозные войны.

Большинство высоколобых Валдайского клуба и Путин в своём заключительном выступлении констатировали, что в сегодняшнем мире резко возрастает роль государства. Государство становится высшей ценностью. Россия после 1991 года, мучительно преодолевая катастрофу и полное разрушение

государства, последовательно восстанавливает это государство. И российское государство, пройдя несколько стадий своего восстановления, такие как сбережение территориальной целостности, восстановление армии и оборонной промышленности, приходит к очень важному этапу восстановления: Государство Российское формулирует свою идеологию, ибо только идеология обеспечивает существование государства, какую бы роль при этом ни играли армия, институты или экономический уклад.

Идеологией современной России является категория Победы. И той, что была одержана в 1945 году, и той Победы Побед, которую русский народ одерживает на протяжении всей своей бесконечной истории. Победа 1945 года — это одоление ада райскими светоносными силами. Это победа света над тьмой. Это возможность человечества двигаться к своему идеалу, к совершенному бытию, к Царствию небесному.

Категория Победы есть синоним Русской мечты. Идеология Победы, введённая в ядро сегодняшней российской государственности, означает, что в этом ядре утвердилось

представление о Русской мечте. Изборский клуб, в отличие от Валдайского клуба, занят разработкой этой современной победной идеологии государства Российского. Изборяне благодарны валдайцам за то, что те своими изысканиями и суждениями помогают всё отчётливее и яснее формулировать религию Русской Победы.

Ковид давно вышел за пределы медицинских и вирусологических представлений. Ковидная инфекция породила громадное загадочное мировоззрение, что бушует в русском сознании как громадная, огненная, не поддающаяся описанию буря, в которую с каждым днём включаются всё новые и новые вихри, всё новые и новые подземные исторические толчки, загадочные коды, что складывались в народных глубинах. Движение антиковидников — это магма, в которой подчас трудно различить её расплавленные составляющие, ожившее давнее и недавнее русское прошлое, реликты русского язычества, русского шаманизма. В этом движении есть нечто, связанное с биосферным, геологическим и даже космическим.

Слабым и ничённым является объяснение антиковидного протеста недоверием русского народа к своему государству. Само государство не уверено в себе самом. Оно, как и народное сознание, двойственно, тройственно, оно трепещет, оно полно противоречиями, действует рефлекторно, случайно, и ковид, мало того что он поразил множество именитых властных персон, включая премьер-министра, он поразил само государство, само представление о государстве как о всеильном властелине, управляющем народной жизнью и самой историей. Антиковидники не верят государству, припоминая ему длящееся веками насилие над народом: ГУЛАГи, раскулачивание, расказачивание, петровское строительство Петербурга и флота, закрепощение крестьян царём Алексеем Михайловичем.

Ковидная тема расколола и церковь. Православные антиковидные никониане вдруг превратились в раскольников-старообрядцев. Среди них воскресла боярыня Морозова, не желающая осенять себя троеперстием. Вернулся протопоп Аввакум, предпочитающий сгнить в яме или умереть на костре, но не принять антихристово троеперстие. Антиковидники считают, что на человечество наброшена страшная дьявольская сеть. Цифровая реальность — это число зверя. Билл Гейтс со своей

Идеологией современной России является категория Победы. И той, что была одержана в 1945 году, и той Победы Побед, которую русский народ одерживает на протяжении всей своей бесконечной истории. Победа 1945 года — это одоление ада райскими светоносными силами. Это победа света над тьмой. Это возможность человечества двигаться к своему идеалу, к совершенному бытию, к Царствию небесному.

Категория Победы есть синоним Русской мечты. Идеология Победы, введённая в ядро сегодняшней российской государственности, означает, что в этом ядре утвердилось представление о Русской мечте. Изборский клуб, в отличие от Валдайского клуба, занят разработкой этой современной победной идеологии государства Российского.

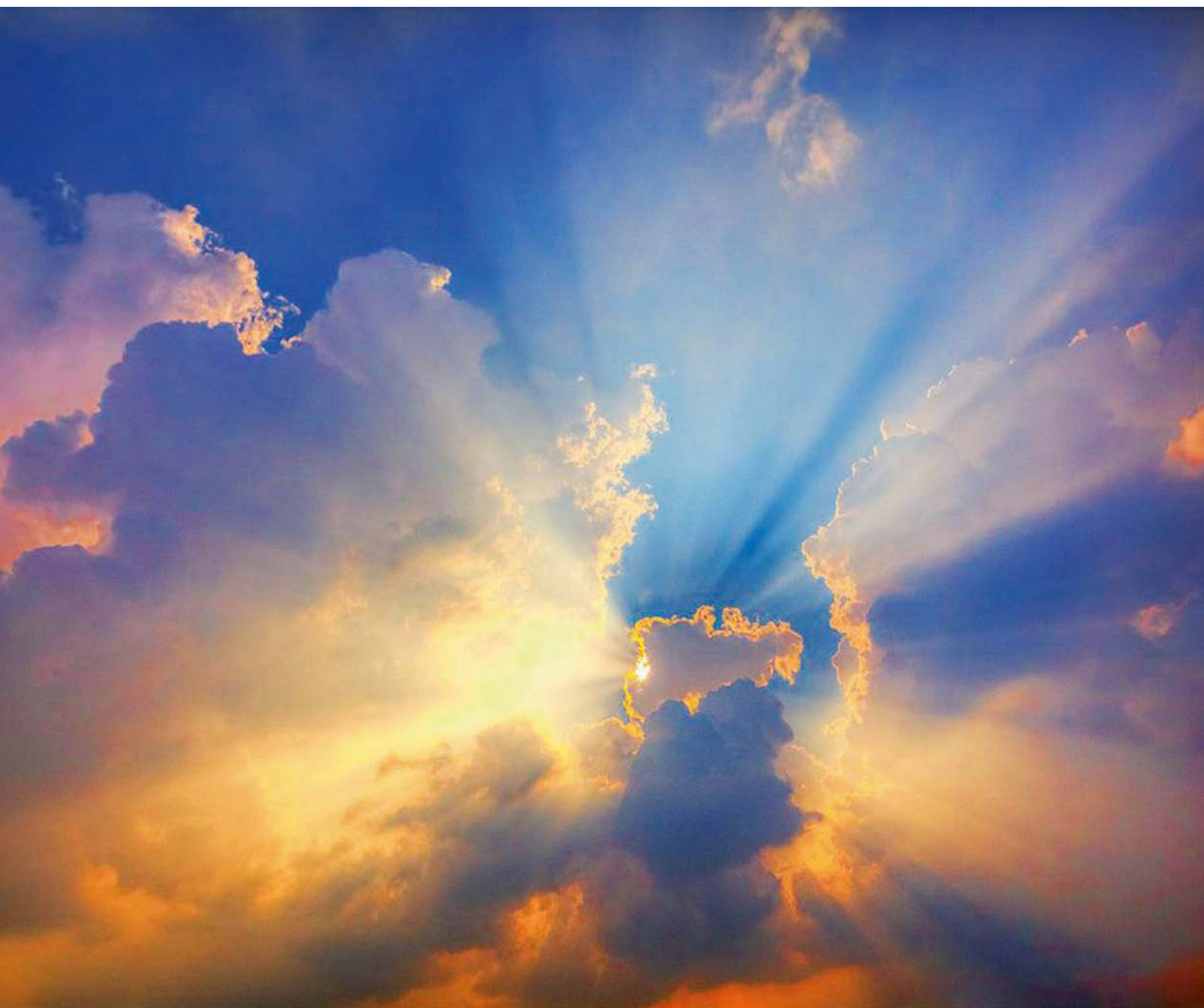
электронной паутиной в каждую дозу вакцины внедрил невидимый чип, маркер, который ставит на мировой учёт всякую человеческую личность, отнимает у неё душу, оставляет от человека жалкую телесную опустошённую оболочку.

Антиковидники, не веря в науку, в том числе медицинскую, которая путается в своих рецептах, в высказываниях своих адептов, предпочитают народную медицину: зелья, снадобья, травы. Предпочитают молитвам заговоры, колдовство, волхование. Среди антиковидников проснулись язычники, древние колдуны, потаённые маги. Быть может, в них проснулись древние культы, казавшиеся давно умершими, погребёнными под вулканическим пеплом истории, но вдруг вернувшиеся в нашу рациональную наукообразную жизнь.

Это культ огнепоклонников, древние религии Ниневии, египетские и вавилонские таинства, халдейская астрология, звёздное исчисление человеческих судеб.

Будь жива Елена Петровна Блаватская, стремившаяся разыскать среди древних восточных манускриптов, египетских папирусов и тибетских пергаментов тайную доктрину, объясняющую мироздание, природу и человека как проявление глубинного абсолютного закона, она, исследуя сегодня антиковидное движение, отыскала бы в нём следы этой тайной доктрины.

Чтобы понять суть грандиозного, именуемого антиковидным движения, мало вирусологов, антропологов, социальных психологов, политиков и представителей спецслужб. Здесь не обойтись без знаний религиоведов,

мистиков и художников, способных своей интуицией вскрыть суть антиковидной бури, среди которой складывается новый мировой порядок, происходит великое всемирное обнуление, зарождаются новые государственные модели, не желающие лечь под гильотину этого вселенского нивелира, стремящиеся сберечь свою суверенность. Движение антиковидников — это **восстание народа против великого обнуления**.

Государственной моделью, стремящейся прорваться сквозь великое обнуление, является позднепутинское государство, восстановление

которого происходит у нас на глазах. Путин соскабливает с государства фальшивую позолоту девяностых годов. Он соскребаёт сажу и гарь, покрывшие государство Российское после великого пожара перестройки и девяностых. Он — трубочист, чистящий дымоход русской истории, закупоренный пеплом и пемзой смрадных либеральных пожарищ. Он даёт ход огню русской истории, он разгребаёт помойки и свалки, обезобразившие русский исторический ландшафт. Множество неправительственных организаций, живущих на зарубежные деньги и занимающихся подрывной практикой, внесено в список нежелательных

организаций. Они ещё получают переводы из Европы, Америки и Израиля, но к их наморщенным лбам приближается раскалённое клеймо с огненной меткой «иностранный агент». Это клеймо напоминает крест на домах гугенотов в канун Варфоломеевской ночи. И такая ночь сгустилась над «Мемориалом»*, которому грозят запрет и закрытие.

Общество «Мемориал» давно перестало быть памятником невинно убиенным и замученным в лагерях. Этим памятником явилась речь Хрущёва на XX съезде партии. Александр Солженицын, неоднократно переиздаваемый в советское и постсоветское время. Бесчисленное количество сериалов и фильмов с ужасными чекистами и следователями КГБ. Фильм Прилепина «Обитель». Несколько волн реабилитации. Государство советское и постсоветское неоднократно воздавало дань мученикам. Им поставлены памятники и мемориальные комплексы, Соловецкий камень на Лубянке. Обществу «Мемориал» этого мало. Задача «Мемориала» — непрерывно вбрасывать в общественное сознание ужас перед своим государством, будь это государство советское или путинское. Сделать напрасными все громадные усилия, направленные на примирение красных и белых, на исцеление страшных рубцов русской истории, на преодоление разрывов, отделяющих романовскую Россию от России советской и советскую Россию от нынешней. Задача «Мемориала» — не дать зарубцеваться ранам, постоянно их расчёсывать, посыпать солью, чтобы ужас и боль не позволяли народу очнуться от пережитых потрясений и двинуться вперёд по историческому пути.

Общество «Мемориал» — это три громадных памятника Эрнста Неизвестного, три чудовищных «Маски скорби», поставленных на Колыме, в Воркуте и на Урале. В этот магический треугольник заключена русская история, и ей не удаётся вырваться за пределы этих жутких исторических бед, пробиться из исторической мглы к солнцу. Закрытие общества «Мемориал» — своевременный шаг государства, желающего уцелеть среди исторических бурь.

Желание уцелеть побуждает сегодняшнюю российскую власть выстраивать идеологию государства Российского, объясняющую смысл русской истории, гарантирующую продвижение народа по его исконному историческому пути. Создание идеологии сталкивается со множеством противоречий и двусмысленностей. Военные парады в День Победы 9 мая, великолепные и восхитительные, продолжаю-

щие традиции двух священных парадов 1941 и 1945 годов, эти парады могучей светоносной армии проходят по Красной площади мимо задрапированного Мавзолея, того гранитного кристалла, на котором стоял Сталин, провожая Парад 1941 года прямо с Красной площади в волоколамские леса, где этот парад лёг костями со своими лыжниками, пехотинцами и знаменосцами.

Здесь стоял Сталин в священный день 24 июня 1945 года, попирая штандарты разгромленных фашистских дивизий. Власть, драпируя Мавзолей, драпирует Сталина, как это делает «Мемориал», превращая Сталина в демона русской истории.

Победа стала огненным содержанием сегодняшней российской идеологии. Победа из события военного, геополитического, идеологического превратилась для сегодняшней России в событие религиозное, мистическое. Знамя Победы, которое проносят по Красной площади 9 мая, — это алая икона. Она сберегла российскую государственность после крушения 1991 года. К этой алой иконе прикладывается вся Россия. Её целуют старики и младенцы. К ней тянется многомиллионный «Бессмертный полк». При её появлении оживают все герои, лежащие в неизвестных могилах от Ржева до Варшавы и Берлина.

Мы славим Победу и молимся на неё, но при этом в российской идеологии присутствует Ельцин, присутствует храм, возведённый Ельцину — «Ельцин-Центр». Ельцин — это план «Барбаросса», перенесённый из 1941 в 1991 год. Ельцин сделал то, что не удалось сделать Адольфу Гитлеру. Он разгромил Советский Союз, он расчленил великую имперскую территорию, он создал вокруг России ожерелье русофобских ненавистнических государств. Он уничтожил российскую армию и российскую промышленность. Он уничтожил российскую культуру с её идеалом солнечного человека, заменив её культурой тьмы и распада. И он присутствует в российской идеологии наряду со знаменем Победы. Попробуйте внести Знамя Победы в «Ельцин-Центр», и вы увидите, как вспыхнут бумажные стены этого центра, и кровля свернётся в свиток, как горящая в печи береста.

День, когда во время победных парадов снимут с Мавзолея матерчатый покров, и Мавзолей воссияет во всём своём кристаллическом блеске, день, когда закроют «Ельцин-Центр», и станет днём, знаменующим создание идеологии государства Российского.

Идеология Победы как национальный проект

(интегральный доклад Изборского клуба¹)

Мы оказались в пересменке истории, на перепутье, и нам не от кого ждать подсказок — ни от Запада, ни от Востока. Секрет нашей Победы — в нас самих.

**ВВЕДЕНИЕ.
ИДЕОЛОГИЯ ЗДЕСЬ,
В НАС, ВОКРУГ НАС**

Народ как государственное целое, как носитель цивилизации должен быть зрячим, представлять, кто он и куда идёт. Лишённый идейных основ, идеологических понятий — народ слеп.

Настоящая работа несёт в себе идеологический посыл, выраженный в концентрированных и ёмких тезисах.

Идеология — система взглядов и установок, которая при определённых условиях становится основой официального мировоззрения ведущего, правящего слоя общества, а через него — транслируется народу.

При этом высокоорганизованные государства не существуют без верховной идеологии. Обратное утверждают лукавцы и лицемеры.

Идеологию можно и не называть идеологией — в таком случае она будет жить под личиной других понятий. Исторически часто так и случается.

В России в условиях «деидеологизации» и конституционного запрета на официальную идеологию в 90-е, а затем и в нулевые годы такая негласная идеология — она же — мировоззрение доминирующего слоя — существовала.

Эта скрытая идеология, нацеленная на демонтаж старого советского наследия в её социальном и духовном содержании, не только не должна была, но и не могла бы быть объявленной во всеуслышание: она явилась организационным оружием против большинства — оружием в руках компрадорского, хищнического меньшинства.

В превращённой форме эта идеология, подобно кривому зеркалу, воздействовала на всё общество, рисуя ему ложный и порочный образ самого себя.

Она внушала инвективы, призванные увековечить состояние Смуты, вовлечь всё общество в качестве действующих лиц в непотребное действо — ритуальный спектакль «Закат Великой России».

Идеологический официоз этой эпохи — классический образчик того, что Энгельс называл «ложным сознанием», то есть неким конструктом или симуляком, средством «околпачивания» большинства, целенаправленно угнетаемого, обворовываемого и развращаемого.

Всё разнообразие идейных поисков и идеологического творчества носители официальных установок старались не замечать, а картину идей сводили к линейной логике: существуют, дескать, либо «прогрессивные» силы, зовущие в безальтернативное царство «свободы», к растворению в объятиях глобального мира; либо силы «реакционные», тянущие назад, в тоталитаризм, в «коммунофашизм», и т.д.

Смысл запрета на официальную идеологию состоял ещё и в том, чтобы избавить власть имущих от необходимости объяснять напрямую свою мотивацию, создавая для них максимальный комфорт безответственности.

Во многом это состояние сохраняется до сих пор, ведь российские элиты из всех сил сопротивляются самой мысли о возвращении в жизнь ведущей идеологии.

Принцип «разделяй и властвуй!» все эти 30 лет эффективно работал в России, подтверждая её квазиколониальный статус как государства и статус её власти как не суверенной.

Власть в РФ исполняла роль «временной дирекции предприятия», обеспечивающей недружественное поглощение активов прежней корпорации-РСФСР внешними хищниками, тогда как внутрироссийские

хищники служили их филиальной сетью.

Такой порядок вещей предполагает искусственно поддерживаемую разрозненность, атомизацию и поляризацию общества, его раскол по многим линиям, в первую очередь — по линии: вины/лузеры — или те, кто «умеет жить»/презренная масса.

Идеология и образ будущего, о которых пойдёт речь в нашем докладе, носят прямо противоположный характер. Мы радуем о консолидирующей, интегрирующей, а не раскалывающей социум системе мировоззрения. Переход к такой системе назрел.

Новая консолидирующая идеология должна выстраиваться как коллективное политическое вероучение, а не как совокупность частных мнений или предписаний сверху. В противном случае она обречена на провал.

Просыпающаяся от травматической спячки цивилизация остро нуждается в интегрирующей идеологии. Эта идеология ещё только проклёвывается в противоречивом и непоследовательном лепете приходящего в чувство имперского сознания.

Её нежный росток пока зиждется, почти целиком и полностью, на категории Великой Победы 1945 года — что, конечно же, неслучайно.

В 2000–2020 гг. власть предприняла определённые усилия к восстановлению традиционного патриотизма вокруг образа страны-победителя. В этом сказалась верная интуиция как власти, так и общества, которое охотно откликнулось на этот образ, на идею Священной Победы.

Можно даже говорить о том, что у современной России уже есть идеология — идеология Победы, но она

¹ В интегральном докладе использовано более 50 работ учёных и писателей, участников Изборского сообщества. Автор-составитель — В. Аверьянов. Автор-составитель благодарит за ценный вклад в работу по отбору материалов и составлению доклада А. Проханова, В. Можегова, С. Баранова, М. Калашникова, А. Кобякова, К. Черемных, священника Василия Литвинова.

пока ещё существует в эмбриональном состоянии.

Нужны уста, которые огласили бы её, вывели из полунебытия на свет, показали связь Победы со всей национальной жизнью.

В нашей Победе действительно слились все имперские тенденции, в ней, по существу, примолкли распри «красных» и «белых», притупились многие предвоенные противоречия. Это была грандиозная, мистическая, религиозная по своему духу Победа.

Но Великая Победа не может быть лишь состоянием бездеятельного торжества или неким благим воспоминанием, тем более мы не имеем права допустить её вырождения в псевдо-идеологическое самолюбование.

Что сегодня значит для нас Победа? Как она связана с другими насущными победами в отечественной истории, в её науке, культуре, повседневной жизни с личными победами человеческого духа, ставшими достоянием всех остальных?

В ответах на эти вопросы — нерв новой идеологии, сущность Русской мечты. И мы будем раскрывать эту тему — наследия побед — в нашем докладе.

И в то же время такое широкое понимание не отменяет острой нужды в фокусировке на том, над чем и над кем нам предстоит одержать в ближайшем будущем новую Победу, Победу-наследницу.

Ложное миролюбие сегодня, в начале XXI века, означало бы не столько благодушие, сколько малодушие и неготовность смотреть правде в глаза.

Поэтому важнейшими для новой идеологии являются образы и концепты Нового Потопа и приближающей его транснациональной антисистемы, а с другой стороны — Нового Ковчега, которым призвана стать Россия².

В построении страны-Ковчега, Государства Развития, обуздания и отражения новейших угроз и заключается

главное наше взыскание, чаемая нами Победа нового поколения.

Параллельно либеральным реформам 90-х и их инерционному продолжению в путинской России у нас не прекращалось биение подлинной общественной мысли, кипела интеллектуальная жизнь, альтернативная господствующим взглядам.

Загнанная в политическое подполье, она прорывалась на поверхность в виде более или менее ярких выступлений, при этом высокомерно осмеивалась как нечто маргинальное.

Как оказалось, едва ли не всё живое в идеологическом поле, что сохранилось в России, развивалось именно внутри этой презираемой в 90-е и нулевые годы среды, оттеснённой от реальной политики.

Изборский клуб возник как раз на почве этих сущностно альтернативных взглядов. Идеология изначально была призыванием всех членов Изборского сообщества, которые могут по праву быть названы идеологической контрэлитой.

Наш клуб начал оформляться в единую силу в тот момент, когда произошёл кардинальный разлом внутри доминирующего слоя, распавшегося на «охранителей» режима и «болотную» фронду.

Будучи контрэлитой, изборцы никогда не могли быть охранителями. Все они так или иначе выступали за прорывное, бурное развитие государства, а не за ложную стабильность, прикрывающую деградацию российского народа и сохранение офшорного рая для олигархических кланов.

Вызов Болотной как риск скатывания страны в новую острую фазу Смуты, в повтор 90-х годов заставил будущих изборцев собраться воедино, чтобы не допустить этого...

У самой власти не оказалось на тот момент в достаточном числе эффективных интеллектуальных кадров, чтобы противостоять пресловутым

взбунтовавшимся «нашим лучшим людям», которых эта власть сама же пестовала и культивировала в течение двух десятилетий.

Вместо убеждённых идеологов и трибунов рядом с властью паслись журналисты, политехнологи и пиарщики, они кормились выборами и партийным строительством, осуществляемым по формалистским шаблонам, а во время прорвавшегося гнойника «московского майдана» оказались бесполезными.

Изборский клуб в первые годы своего существования столкнулся со странным явлением: крупные чиновники, представители так называемых элит, как в центре, так и в регионах, практически все без исключения, в общении с нами заявляли себя как открытые патриоты и признавались, что они долгие годы изучали изборских идеологов, сочувственно следили за ними.

Как бы то ни было, внутри политических элит России, несмотря ни на что, складывается новая генерация деятелей, внутренне готовых к идеологии, созревших для её выдвижения в центр национального бытия.

Историческая функция новой ведущей идеологии России XXI века состоит, на наш взгляд, в том, чтобы стать смысловой конструкцией организационного оружия нового поколения. Это залог выживания страны. Именно поэтому идеология и насущна, и неизбежна.

Мы излагаем эти тезисы, исходя не из того, что они будут разобраны на отдельные элементы, теряющие смысл вне единого целого и затем использованы как риторический декор на уровне сложившейся матрицы политического пиара.

Для нас эта работа никак не связана с выборным циклом, не привязана к таким мертворожденным конструкциям, как «транзит власти» или «преемник», которые в России совершенно не работают.

² См. коллективную работу, вышедшую в свет в начале 2020 года. В отдельном издании: Русский Ковчег. Альтернативная стратегия мирового развития./Под ред. В.В. Аверьянова. — М., 2021.

Речь идёт о стратегических смыслах, о новой системе координат, а не о политтехнологических комбинациях.

Подлинную легитимность придают власти мечта и образ будущего, которые исповедует большинство общества. Это делает нацию субъектной.

Выборы же, Конституция и законы как источники легитимности — вторичны по отношению к ведущей философии государства, его идеологии как формам активной субъектности.

В течение 2021 года наш клуб провёл ряд семинаров и обсуждений, большинство его участников отточили свои предложения и выпустили их в виде авторских статей.

Был напечатан посвящённый этому выпуск журнала «Изборский клуб» (№ 3 за 2021 год), затем был подготовлен ещё один выпуск вокруг этой же темы, и он выйдет в ближайшее время, включая в себя, в том числе, и данный интегральный доклад.

Сегодня, пройдя целый круг сборки идеологического концепта внутри Изборского сообщества, **мы призываем другие патриотические**

клубы России, а также отдельных мыслителей и идеологов к свободному обсуждению и высказыванию своих предложений.

Предложения могут формулироваться как на альтернативной основе, так и в виде дополнений, уточнений к нашей работе, а также как критические замечания.

В идеале нам видится такой сценарий: к работе подключаются творчески плодотворные эксперты, их предложения анализируются и обобщаются, и на основе консенсуса создаётся межклубная рабочая группа идеологов-концептуалистов.

Эта группа и могла бы выступить в качестве коллективного собеседника власти, тем самым возвращая принципы соборности в идейно-политическую жизнь страны.

Цель наших устремлений — консолидация, интеграция, преодоление идейного раскола. В перспективе это позволит преодолеть и расколы: исторический, социальный, экзистенциальный. Это, в конечном счёте, единственно возможный путь идеологического строительства.

Ведь жизнеспособную идеологию, которую приняло бы общество, в которую поверили бы люди — идеологию как вероучение, как символ веры в Россию! — нельзя списать у других народов и цивилизаций.

Ее нельзя разработать в административном стиле, поскольку получится бюрократическая бумага.

Идеология по своему естеству является результатом общих усилий. В то же время интегративная, консолидирующая идеология не предложит взглядов, которые были бы близки всем без изъятия.

Такой системы воззрений, с которой были бы согласны 100% граждан, попросту не бывает в природе. Даже в условиях войны или великих катастроф, когда нация консолидируется, превращаясь в единый фронт по борьбе с бедой, существуют те, кто предпочитает стать предателями, коллаборантами, мародёрами. (В нашем случае речь идёт, прежде всего, об ориентированной на транснациональные центры околополитической либеральной богеме, а также о не совсем вменяемой публике, которую

ранее называли «демшизой».) Создание общего с ними «образа будущего» невозможно, а попытки такого рода компромиссов — вредоносны для будущего России.

Мы предлагаем здесь не план действий, не программу, а идейную повестку. Планы и программы по разным сферам и отраслям национальной жизни тоже понадобятся, но многие из них уже были разработаны и опубликованы в докладах Изборского клуба за девять лет его существования.

Это та телега, которая не должна идти впереди лошади — идеологии³.

Мы исходим из того, что государство уже теперь мучительно возрождается. При этом опасность скатывания обратно в Смуту велика.

Если квазиколониальным элитам удастся вновь заблокировать суверенное развитие — в таком случае Россия обратится в «больного человека Евразии», сильно рискующего быть отданным на съедение.

Стать жертвой, принесённой её конкурентами ради временного смягчения геополитических противоречий и углубляющегося общемирового кризиса.

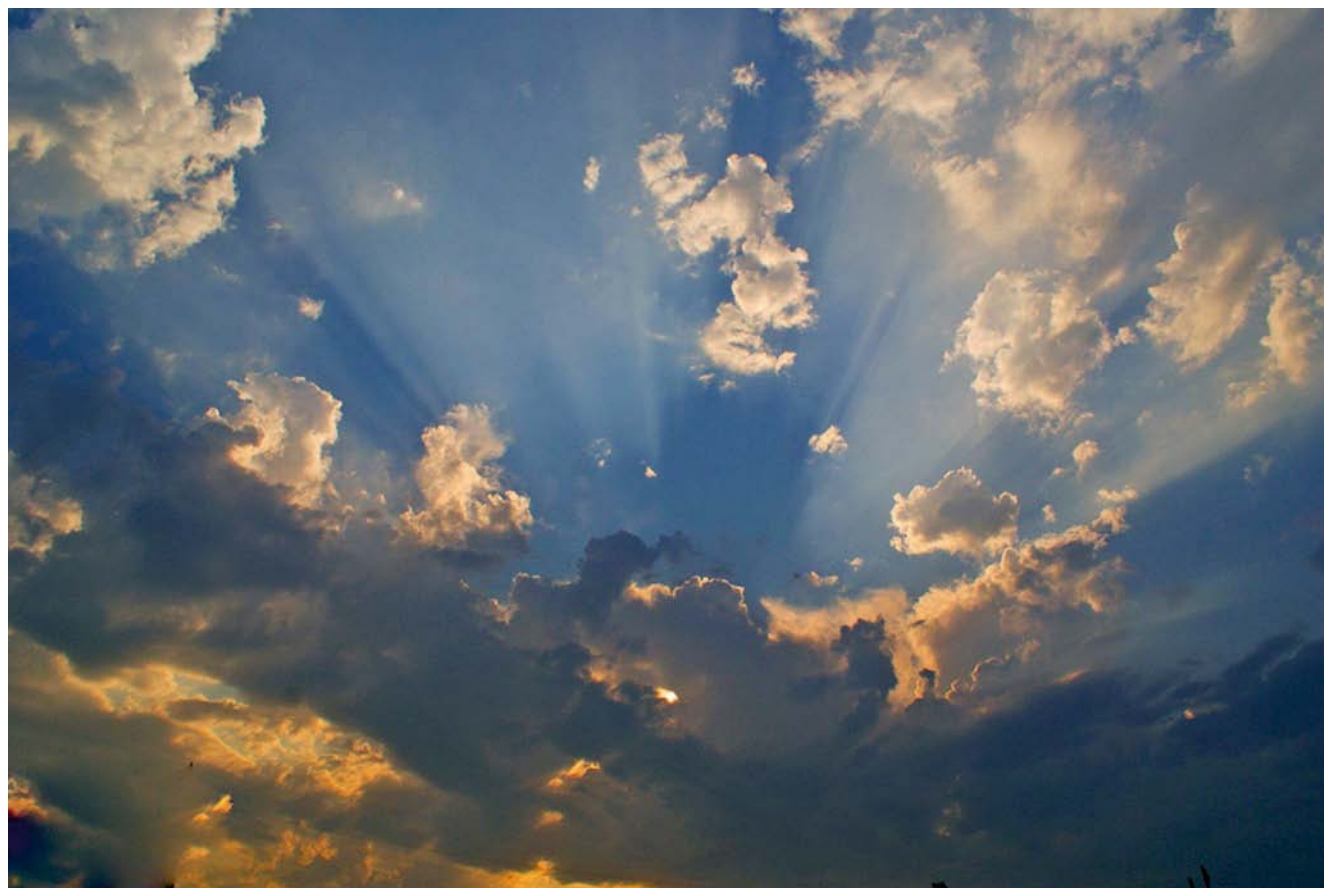
Мы являемся сторонниками скорейшего пришествия Пятой империи в её полноценном, развёрнутом виде. (Первыми четырьмя империями мы называем Русь — Россию киевского цикла, затем Московское государство, далее Российскую романовскую империю и, наконец, Россию в формате СССР.)

Ход истории неумолим, и Пятая империя как новая форма живой Русской цивилизации неизбежна. Но прийти она может либо через революцию сверху, относительно бескровную, либо через катастрофу и сопутствующий ей социальный взрыв.

Речь идёт не об очередной идеологической утопии, но о своего рода «вечной идеологии», которая прорастает сквозь века, проходит через «чёрные дыры» нашей истории как её невидимая ось, преодолевает временные помрачения, с забвением своей сущности либо с её агрессивным искажением...

Что же это за «вечная идеология», как её обрести и распознать?

Она должна отражать вековую Русскую мечту, воплощать в себе русские цивилизационные коды, объяснять

³ Не будем перечислять здесь несколько десятков наших разработок, вышедших на страницах журнала «Изборский клуб» и охватывающих практически все сферы национальной жизни, от культурной политики и развития вооружённых сил до продовольственной безопасности. Есть у нас и своё концептуальное видение, как следовало бы осуществлять переход от нынешней системы к будущей Пятой империи, какие преобразования создадут предпосылки для реализации новой идеологии. См., к примеру: Стратегия «Большого рывка» (первый доклад Изборского клуба). // Изборский клуб, 2013, № 1.; Глазьев С., Батчиков С., Кобяков А. Встать в полный рост (доклад Изборскому клубу). // Изборский клуб, 2014, № 10.

все исторические перипетии народа и формы созданного им государства и объединять всё это в новой смысловой непрерывности.

Идеология должна не только парить над человеком, поднимая его взор в высшие смыслы, но и объяснять человека и указывать его путь в будущее, его место внутри грандиозного целого.

«Вечная идеология» России укоренена в русской и мировой истории, имеет вселенский характер, и ни на какой иной масштаб взываний русская душа просто-напросто не откликнется.

Идеология — здесь, в нас, вокруг нас. Тем, кто сомневается в этом, — надо приглядеться, прислушаться. Перечитать скрижали русской философии, романы и поэмы Золотого и Серебряного веков.

Прошагать с «Бессмертным полком». Промчаться по Крымскому мосту через керченскую лазурь. Увидеть, как в Северодвинске спускают на воду тысячетонный «Борей».

Схватиться в яростном споре с врагами государства Российского. Отправить помощь защитникам Донецкого края, отстаивая право русских республик на воссоединение с Россией, на возрождение большого Русского мира.

Через всё это уже и сейчас приоткрывается нарождающаяся идеология Пятой империи, в которой угадывается всё тот же, что и всегда, дух «континента Россия».

Приоткрывается идеология и в нескольких геостратегических проектах, которые как будто исподволь осуществляются Россией:

- это и восстановление в Арктике полярной русской цивилизации, разрушенной в 90-е годы;
- это и закрепление России на Дальнем Востоке, где она осуществляет ключевые высокотехнологичные производства;
- это и южный средиземноморский проект с военными базами в Осетии, Абхазии, в Крыму и в Сирии.

Призывая вернуть в национальную жизнь идеологию, мы предлагаем не «интеллектуальное изнасилование» общества, которому навяжут новую догму, — но замысел Общего Дела. Мы предлагаем идеологию с опорой не на придуманные или позаимствованные где-то химеры, а на исторически существующий, выплавленный в горниле истории тип человека — носителя великой оригинальной цивилизации.

Внесённые в 2020 году по инициативе президента Путина поправки в Конституцию по многим направлениям явились утверждением суверенитета, цивилизационного самоопределения России. Это был важный шаг вперёд, приближающий возвращение идеологии.

Призывая вернуть в национальную жизнь идеологию, мы предлагаем не «интеллектуальное изнасилование» общества, которому навяжут новую догму, — но **замысел Общего Дела**.

Мы предлагаем идеологию с опорой не на придуманные или позаимствованные где-то химеры, а на исторически существующий, выплавленный в горниле истории тип человека — носителя великой оригинальной цивилизации.

Этот тип человека — читатель, и ты наверняка относишься к этому типу! — является одновременно и основой нашей идеологии, и её главным адресатом.

Для того чтобы «притянуть» на землю и включить в работу мировоззренческую волну вечной идеологии (идеологии России Вечной), власть должна не просто допустить историческое творчество, а впустить его внутрь себя.

Тогда она сможет добиться изменения атмосферы в народе, пробудить его дремотную душу. Расшевелить в нём мощные центростремительные силы через тонкую духовно-эмоциональную сферу, через Мечту⁴.

1. РУССКИЙ КОД И РУССКИЙ ГЕНИЙ

Мировая история есть схватка мифов, схватка видимых и невидимых идей, и русский миф — наше грозное и победоносное оружие, которое не должно лежать в ножнах.

Идеологию Государства Российского в его современном исполнении не выразить без понятия «русский цивилизационный код», который в действительности представляет собой разветвлённое древо, состоящее из множества связанных между собой кодов.

«Русские коды» — это навыки, умения, духовные приёмы, определяющие неповторимость русского человека.

Это способы достижения и воплощения мечты, заветные секреты мастерства, примеры высших образцов, шедевров, добываемые из житий и деяний предков, «военные хитрости» цивилизации, ведущей духовную брань.

Эти коды позволяют народу не изменить своей Мечте, превозмогать напасти и бездны, преодолевая преграды, претерпевая падения и поражения в стремлении к идеалу и победе.

Мудрый правитель, опираясь на знание этих кодов, запуская их, может направить народ на великие свершения. Если же кодами овладеет враг, он может погасить, подавить народ, остановить и разорвать русское время.

⁴ Труды Изборского клуба вокруг темы Русской мечты как источника идеологического самосознания собраны в книге: Вероучение Русской мечты./Составители А. Проханов, В. Аверьянов. — М., 2019.

Начиная с эпохи перестройки противник топчет эти волшебные русские коды, делает всё для того, чтобы они никогда не попали в руки российской власти.

Власть же действует в основном рефлекторно и инстинктивно. У неё многое не получается — оттого что земной ресурс она не умеет сочетать с ресурсом небесным.

Перечислим несколько основных краеугольных русских кодов, потому что без них невозможно понимание сущности нашей «вечной идеологии».

Первый код, ключ ко всем кодам — стремление к мистической Победе — влечение к Мечте, поиск «обетованной земли», где Победа одержана. Это **«Код Взыскания»**.

«Код Труда Священного» делает русского человека самым трудолюбивым человеком земли. И наш труд всегда одухотворён, он несёт высокий смысл.

«Код Воскрешения» объясняет череду русских империй, где каждая новая форма России, новая империя воскресает после смерти предшествующей.

«Код Русского Чуда»: когда у народа не хватает сил и он начинает клониться, его подхватывает чудесная сила и ведёт дальше к Священной Победе.

«Код Общего дела»: артель, батальон, община, собор — всё это формы солидарности, они позволяют совершать невозможное. «Общим делом» выигрывается война. Сибирь осваивается сообща. В космос летим сообща, и всем народом мы участвуем в этом полёте.

«Код Оборонного сознания» поднимает нас на защиту своего государства, божественного идеала, что таится в нём. Враг зарится на русские земли, на русские сокровища, но пуще всего желает затоптать Русскую мечту. Раз-

рушить Храм на Холме, что является для врага невыносимой укоризной.

Россия, обращаясь к заносчивой Европе, как будто говорит: «Ты, Европа, живёшь не по правде. Такая, какая ты есть, ты негодна Богу». И чтобы не слышать укоризны, Европа насылет на Россию нашествия.

Код **«Россия — душа мира»** — это русская всемирность, о которой говорил Достоевский в «Пушкинской речи». Этот код позволяет создавать небывалые по сложности и красоте империи.

Число кодов очень велико, поскольку в национальной памяти и сознании народа все значимые события оставляют своего рода рубцы или отметины⁵.

Наша уникальность в мире заключается сегодня в органичном соединении главных потребностей эпохи: гуманизма, способности к абстрактному мышлению (а значит, и техническому творчеству), мессианства.

Эту культурную матрицу, вне которой любая идеология будет не то что мертва, а попросту не замечена, нам предстоит активировать и направить в верном направлении.

Мы интегральны, едины по своей культуре — отсюда внешние галлюцинации о нашем тоталитаризме, стадном коллективизме, стремлении к уравнительности.

Мы не коллективисты, а солидаристы, высоко ценящие каждую человеческую личность и болезненно переживающие ущемление внутренней свободы человека.

У нас другая судьба, нежели чем у народов Запада. Огромные просторы, грандиозные усилия по их освоению, постоянные внешние угрозы, экстремальные географические условия, рискованное земледелие требуют совместных действий, общественной са-

моорганизации, соборности, согласия по ключевым вопросам.

Именно поэтому у нас общее выше личного.

Конкуренция — императив Запада. Сотрудничество, соработничество, индивидуальное исполнение коллективных обязанностей — свойства России.

Поэтому в «Русском Ковчеге» мы провозгласили такие лозунги, как:

- ✓ *Польза превышает прибыли*
- ✓ *Общее дело превышает выгоды*
- ✓ *Солидарность превышает конкуренции*
- ✓ *Свобода-самостояние превышает свободы-независимости⁶*

Насаждение противных этому западных ценностей у нас является либо глупостью, либо прямым вредительством, стремлением сбить цивилизационные коды, в том числе, сломать уникальное сочетание индивидуализма и коллективизма — этого своего рода двигателя общества, встроенного в нашу культуру.

Так или иначе, есть и вредители, и глупцы. Расчётливые враги используют для своих целей недалёких «западников», «смердяковых», с пеной у рта доказывающих необходимость сделать Россию «нормальной страной».

Кардинальные отличия наши от Запада показывает сравнение двух любимых сказок. На Западе — Золушка; примерная девушка делала всё по правилам и в конце получила желаемое — прекрасного принца.

Наш любимый герой — Иван-дурак. Он не слишком хорош для рутинных дел, но в экстремальной ситуации его смелость, самоотверженность, способность к нестандартным ходам, готовность помочь и принимать помощь решают удивительные задачи. Он готов к Чуду.

Чтобы соучастие в жизни общества не принижало достоинства человека

⁵ Исследованию русских цивилизационных кодов Изборский клуб посвятил большой цикл своих работ, в центре которых стоит роман Александра Проханова «Таблица Агеева». См. журнал «Изборский клуб», 2020, № 8, 9, 10.

⁶ Почему превышает? Потому что первая реальна, а вторая — фикция. Ты можешь быть свободен от чего-то конкретно, но ты не можешь быть независим от всех и вся. А вот самостояние («самостоянье» — неологизм, введённый Пушкиным) — вещь твердая и объективная. Либо ты стоишь сам на своих ногах, либо не стоишь. В отличие от «свободы для», связанной с самоотдачей, — «свобода от» деструктивна, ведёт к саморазрушению; её пропаганда является оружием в руках нашего противника в глобальной конкуренции. Подлинная свобода — «для».

и его свободы, необходимо, чтобы основой общей жизни было доверие между личностями. Религиозные, воинские, творческие объединения в России несут в себе устремлённость к реализации этого идеала — соборности.

Соборность обнаружила себя в таких явлениях, как: фундаментальный для российской государственности архетип «симфонии властей»; крестьянская община («мир», «общество»), традиционная русская артель.

В них был реализован принцип единства согласованности и импровизации. Таково мгновенное образование команд в русской армии во время решения сверхсложных боевых задач; или феноменальный успех русских в синхронном плавании и многое другое.

Русский соборный дух строится на взаимопонимании, братстве, соединении при этом не всех и вся, а избирательном соединении в общем деле достойных лиц, проверенных совместной практикой.

Русские — великие интеграторы, у нас культура заточена на открытое

жадное восприятие чужого и превращения его в своё.

Мы вбираем в себя и «русифицируем» всё (не на узконациональный, а на широкособорный, имперский, симфонический лад), причём, как правило, с высокой пластичностью.

Мы жили с Золотой ордой — ордынское поглотили. Приходим на Кавказ — мы воспринимаем в себя горское.

Мы наследовали от греков православие и при этом сделали его своим, своеобразным, так что оно вошло в нашу плоть и кровь.

В Петровскую модернизацию мы взяли технологии передового на то время голландского цикла накопления капитала и успешно били своих наставников с Запада.

А в СССР в 1930-е переняли электростанции и заводы по проектам США, фордизм, пресловутую научную организацию труда, вертикальную интеграцию, планирование — и вновь били Запад.

Русская культура со стороны кажется парадоксальной.

Готовность к «возделыванию себя», к тому, чтобы «вопрос разрешить» — при некотором невнимании к тому, что под ногами, к обустройству текущего быта.

Но вместе с тем — стремление заглянуть за горизонт, удивительно быстро освоить огромную Сибирь, дойти до океана, открыть Антарктиду, шагнуть в космос.

Русские обращены к концу вещей, видят развитие рода человеческого в свете эсхатологии. Это особенность восприятия мира. Из этого становится понятной истовость борьбы с теми, кто посягает на то, что мы почитаем святым.

Отечественная война у нас всегда священная, потому что Святая Русь лежит не в области «географии», а в области «метафизики» нашего коллективного «я», то есть в высшей реальности.

Русская культура и российское общество основаны на одностороннем симбиозе с государством (мы живём в нём,

как другие народы живут в ландшафте, истории или книге).

Достижения русской культуры, искусств и наук настолько значимы, что русский человек как будто и не рефлексирует по этому поводу, подобно тому, как купающийся в золоте дикарь не ценит золота.

Но в сложившейся исторической ситуации для России крайне необходимо будет развернуть пропаганду русского гения, дабы вернуть наше цивилизационное достоинство, воспрянуть духом, вновь стать первопроходцами.

Особенно важно это для молодого поколения, которому недостаёт чувства гордости за принадлежность к великой культуре и великому народу и стремления быть достойными предков, их побед и достижений.

В целом вызов нашего времени беспрецедентен — никогда ещё наша отечественная культура не стояла перед такой масштабной угрозой для своих первооснов.

Распад культуры является сегодня главнейшим вызовом, и именно распад культуры (причём в условиях

мирового культурного хаоса, который мы наблюдаем на современном Западе) требуется остановить.

Иными словами, России потребна сегодня **диктатура Культуры**. И это не досужие разговоры об увеличении расходных статей госбюджета на музеи и библиотеки.

Речь идёт о совершенно животрепещущих вещах — о пробуждении бодрственного самосознания народа, о целенаправленном культивировании национального мифа и кода.

Крах системы просвещения и воспитания, которая была попросту разрушена и оплёвана в 90-е годы, дал свои результаты. Эстафета поколений должна быть восстановлена.

Одним из главных направлений станет продвижение широкой объединительной платформы целостного исторического сознания — **«Наследники Побед»**.

Другим таким направлением станет возрождение исторического оптимизма, мифологии Большого Развития под лозунгом **«Вернуть народу Мечту»**.

Сама наша цивилизация в её позитивной основе есть не что иное,

как материализованная ткань совершенных достижений, воплощённых упований и одержанных побед. Именно так мы призываем относиться к цивилизации — как к нашему Наследию.

Это означает целую систему мероприятий и кампаний, направленных на переход от противоборства сторонников социализма/демократии/монархии и прочих партийных псевдоидеологий к Общей Теории Цивилизации и к практическому утверждению Единой Русской Цивилизации как высшей национальной ценности.

К примеру, просветительские кампании, восстанавливающие память о «Русском Гении», в Пятой империи вытеснят с телевидения и из интернета так называемую «социальную рекламу» (нынешнюю), ток-шоу, развлекающие и отупляющие зрелища, пошлость «светских львиц», муть фейков и флуда.

Каждый русский подросток 14 лет уже через 10 лет после перехода к новой идеологии, а лучше ещё раньше, — будет хорошо и предметно знать, что его предки стали основателями таких наук и направлений, как: астрофизика, бактериология, вирусология,

геофизическая химия, теория движения ионов, теория жидких кристаллов, звёздная астрономия, иммунология, клеточная биология, теория лесовозобновления, микрооптика, ортобиотика, радиоуправление, сейсмология, трансплантология, физика высоких энергий, эволюционная генетика, теория ядерных ракетных двигателей и т.д. (Список, естественно, далеко не полный.)

Каждый русский выпускник средней школы расскажет о таких русских изобретениях и открытиях, как: гирискосп, двигатель внутреннего сгорания, иконоскоп, лампа накаливания, полупроводниковая электроника, анестезия, ультразвуковые исследования, экраноплан, пулемёт ШКАС, автомат Калашникова, геометрия Лобачевского, теория вероятностей, Периодическая система Менделеева, теория культурно-исторических типов, учение Вавилова, открытие Антарктиды и т.д. (Список, если его продолжать, содержит сотни впечатляющих фактов.)

Наши сограждане должны быть в курсе, что Ломоносов сформулировал закон сохранения вещества и энергии в 1748 году, когда Лавуазье в буквальном смысле ходил под стол пешком, а Мейеру предстояло родиться только через 66 лет.

Что первая паровая машина непрерывного действия была изобретена Ползуновым и работала на алтайских промыслах за 20 лет до Уатта и Стивенсона.

Что Кулибин построил первый лифт за 60 лет до Отиса и его нью-йоркского подъёмника.

Что Столетов изобрёл в 1888 г. фотоэлемент и создал теорию фотоэффекта, за которую Эйнштейн получил в 1922 г. Нобелевскую премию.

Что лампу накаливания придумал в 1874 г. Лодыгин, а не Эдисон, который затем приобрёл патент на это изобретение через подставное лицо.

Что электрический телеграф был изобретён русским офицером Шиллингом, опередившим немцев и англичан.

Что Циолковский создал теорию космических полётов и стал факти-

Достижения русской культуры, искусств и наук настолько значимы, что русский человек как будто и не рефлексирует по этому поводу, подобно тому, как купающийся в золоте дикарь не ценит золота. Но в сложившейся исторической ситуации для России крайне необходимо будет развернуть пропаганду русского гения, дабы вернуть наше цивилизационное достоинство, воспрянуть духом, вновь стать первопроходцами. В целом вызов нашего времени беспрецедентен — никогда ещё наша отечественная культура не стояла перед такой масштабной угрозой для своих первооснов. России потребна сегодня диктатура Культуры.

ческим отцом ракетостроения вопреки мнению американцев, которые называют таковым Германа Оберта, ученика Циолковского по переписке.

Что Олег Лосев ещё в 20-е годы создал первые технологии на полупроводниках, «безнадёжно опередив» своё время.

(Эту особенность русских новаторов опережать эпохи, один из важнейших ресурсов нашей цивилизации, мы ещё толком не научились не то что использовать, но даже и признавать и уважать в самих себе.)

Другой ряд наших достижений — социальное творчество: многочисленные бытовые и организационные преимущества Русской цивилизации, Земские Соборы как опередившие своё время «парламенты» (так их называли иностранцы), опричнина Ивана Грозного, ленинский ГОЭЛРО, сталинский план преобразования природы, технологии мирного атома, технологии покорения космоса, служба скорой помощи и мн. другое.

В числе наших гениев, конечно же, персонально прославляемые русские святые, подвижники, полководцы, писатели, художники и композиторы. В программу войдут как они, так и великие русские предприятия и проекты, победы и триумфы.

В нашем докладе просматривается лишь маленький краешек айсберга русского гения.

2. ОТ ВРАТ ХАОСА К НОВОМУ ВЕЛИКОМУ СТИЛЮ

Уже сама постановка вопроса об официальной идеологии является знаком смены эпох, расставания с иллюзиями и условностями прежних десятилетий.

Но мы не просто прощаемся с «постсоветским» временем, мы вступаем в область, в которой перед нами распахиваются Врата Хаоса, умоножающихся потрясений и страданий.

Потребуются не только разум и мудрость, но ещё и мужество, без которого нельзя будет осуществить волевой переход государства Российского в новое качество.

Мы переживаем крах обманов уходящей эпохи. —

Олигархический капитализм как государствообразующая система не состоялся. Народ беден, дезорганизован, лишён ясных перспектив.

Страна недалеко ушла от того состояния, при котором её окрестили сырьевым придатком более развитых или развивающихся быстрее нас государств.

Элиты дезориентированы, у них нет ясного образа будущего, нет программы развития, потому что их планы «прислониться к сильному и богатому», встроить вчерашнюю великую державу в западноцентричный порядок, а себя лично в верхушку «золотого миллиарда» — провалились.

В глобальном контексте ситуация не менее драматичная. Мы наблюдаем многослойное наложение кризисов, из чего следует, что для оптимизма поводов нет.

Завтра будет ещё хуже, чем сегодня, мир будет становиться всё более взрывоопасным, подверженным волнам «Нового потопа» — многопланового, но, в первую очередь, связанного с крушением коренных основ миропорядка.

Ибо больше нет цивилизации, подерживающей эти основы. Запад изменил им, восточные гиганты Китай и Индия не успели стать таковыми, а Советский Модерн распался, будучи предан собственной верхушкой.

Глобализация де-факто обанкротилась. После того как глобальная капиталистическая экономика подошла к естественным пределам своего разрастания, количественного и качественного, мир вступает в зону затяжной турбулентности.

Мы пробуксовываем в промежутке между технологическими и социальными укладами, когда развитие искусственно сдерживается цепляющимися за жизнь глобальными элитами, отжившими своё.

Налицо лавинообразное увеличение всех информационных потоков, которыми невозможно управлять.

Согласно аксиоме нетократии, главной её ценностью является не свободная информация, а способность избранных властителей нового мира избегать ненужной информации, отфильтровывая для себя важное, «эксклюзивное».

В этом смысле весь мир в его массе свергнут в состояние информационного рабства перед хаосом, цифровым флудом и спамом, наводнением ненужных сущностей, ничего не стоящих пустышек.

При этом наступает и глобальный упадок рационального мышления. Везде и повсюду система образования выпускает деградированный тип, с пониженным порогом критичного восприятия действительности.

Таковыми людьми легче управлять, но на таких людей невозможно опереться в деле Большого Развития.

Старый средний класс высокого модерна и индустриализма уже де-факто ликвидирован, наука ангажирована крупными транснациональными фондами, которые навязывают миру агрессивную повестку пересмотра всех ценностей и истин.

Вместо роста — отрицательный рост, вместо развития — антиразвитие, вместо здоровья и семейного счастья — стерилизация и содомия, вместо культуры — набор контркультурных продуктов и порнократия (эксплуатация человеческого «низа»), вместо свободы — невозможность выбирать средства поддержания жизни в угоду «новой нормальности».

Пандемия COVID-19 с закрытием границ и блокировкой транспортных потоков показала, что в современном мире каждый — сам за себя.

При этом транснациональная клика продолжает спекулировать на глобальных угрозах и пропагандировать введение новых систем всемирного контроля, пуская по этому поводу целое море слюней.

Близок переломный момент, решающий для выживания России.

Приходит осознание, что в ближайшие двенадцать лет стране придётся пережить как минимум несколько сверхдраматических кризисов и, в том числе, коллапсирующий мировой кризис, ожидаемый, по многим прогнозам, в начале 30-х годов XXI века.

России нужна идеология, обеспечивающая быстрое и системное независимое развитие.

Наиболее приемлемая для нас альтернатива — переход к гибкому мироустройству, в котором не будет единого управляющего центра, но будут несколько центров-цивилизаций, автономно развивающихся и взаимодействующих.

Это означает формирование ряда геополитических блоков, компромисс между которыми придёт на смену господству Запада.

При этом можно видеть как минимум два пути дезинтеграции глобального мира. Первый — макрорегионализацию, с утверждением по сути неоимперских и протекционистских

структур, выражающих волю больших геополитических субъектов.

Второй путь — сетевая автономизация кластеров и картелей, которые будут делить мир по принципу доменов, имеющих отраслевой и квазифеодальный характер.

Вместе с тем переход от однополярного мира к многополярному с большой долей вероятности произойдёт через серию катастроф и войн, которые по своему разрушительному потенциалу и рискам, связанным с развитием новейших средств поражения, может привести к огромным, беспрецедентным жертвам и потерям.

Однако и капитуляция во избежание этих потерь перед нынешним монополярным субъектом, стремительно уходящим из мира Модерна и превращающимся в Антицивилизацию, Цивилизацию Потопа, как мы назвали его в «Русском Ковчеге», — недопустима и самоубийственна для нас.

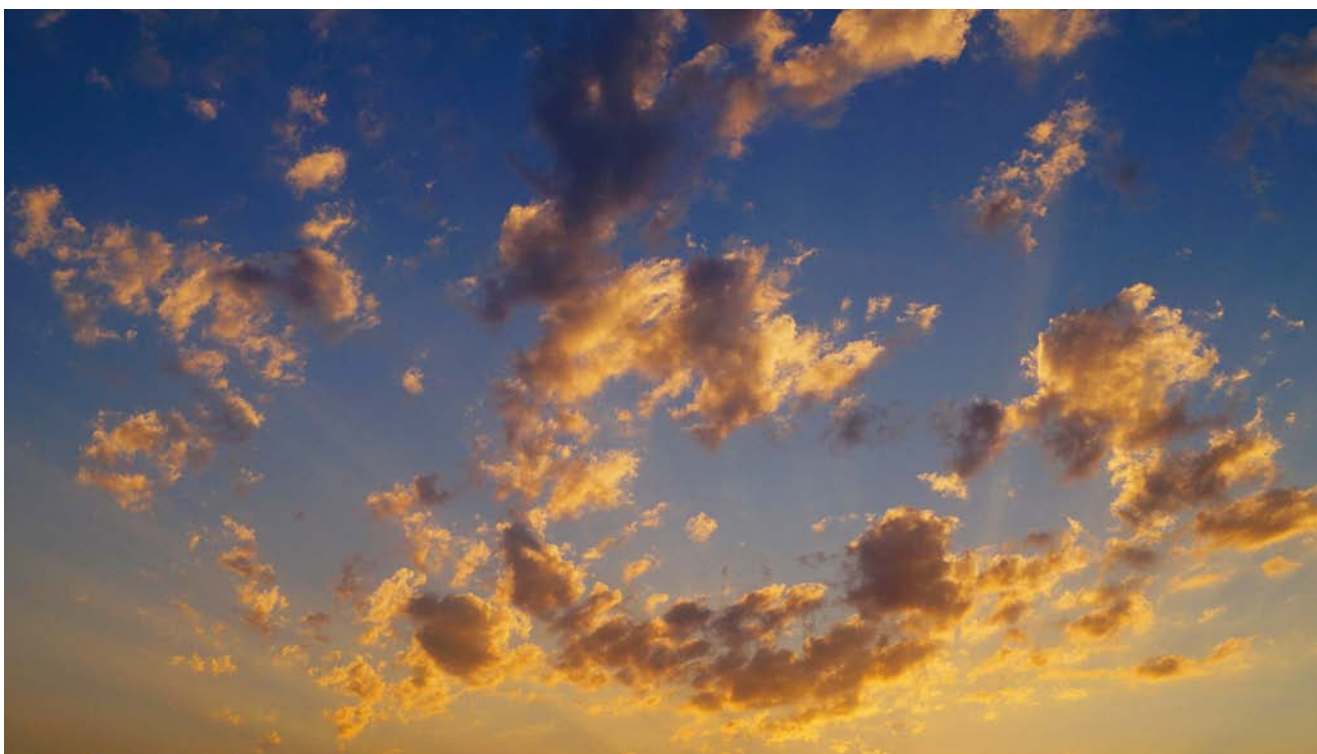
Мы оказались между двумя угрозами: угрозой уничтожения миллионов людей в страшных войнах великого перехода; и угрозой самоуничтожения человечества в связи с потерявшей всякое чувство меры глобальной анти-системой.

Разные регионы мира будут развиваться неравномерно, некоторые будут ускоренно деградировать.

Наибольшая опасность для всех будет исходить из тех регионов, куда не дотянутся новые геополитические центры — лидеры макрорегионов. Эти отдалённые и бесхозные территории могут стать зонами крайнего отчуждения и варваризации.

Мир ближайших десятилетий непредсказуем, жесток, он будет представлять собой поле войн без правил. Традиционные государства должны погибнуть либо существенно трансформироваться.

Многие из них окончательно станут оргструктурами глобального капитала, безвольными исполнителями его решений, другие — жертвами спонтанных воинствующих течений новых варваров, превратятся в вечно клоко-чущую в хаосе периферию.

Миру и России предстоит пережить опасный участок истории. Некоторые считают, что человечество в целом ждёт затяжной регресс, новые Тёмные века.

Система, которая придёт на смену нынешней, будет чем-то напоминать феодальную. Однако понимать эту тенденцию следует двояко, ведь Новое Средневековье парадоксально.

Следует учитывать и такие подходы, как концепция «неофеодализма» Клиффорда Ширинга, согласно которой крупные корпорации всё больше забирают у государств их классические функции.

И в то же время не стоит отмахиваться от понимания ритмической смены циклов в духе Флоренского и Бердяева с их представлениями о Новом Средневековье, изложенными более ста лет назад.

Бердяев, к примеру, исходил из разложения «нейтрального гуманистического царства» и писал о возвращении

в общество сакрального, в том числе, и в формах борьбы религии Бога с религией дьявола, сатанизмом (данная примета времени сегодня уже налицо).

Некоторые из наших единомышленников указывают, что главная проблема не в том, что мы скатываемся в квази-Средневековье, а в том, что мы застряли в квази-Барокко. В состоянии между укладами, в выморочном постмодерновом «постиндустриализме», в режиме искусственно заторможенного развития, блокировки перехода в неведомое будущее.

Сколько ни вливай родниковой воды в болото, оно останется болотом. Нынешнее «Барокко» — это не просто эстетика, это именно тип глобальной антицивилизации, в которой силы торможения, искусственной остановки истории доминируют и навязывают остальным свою волю.

Именно в этом контексте следует трактовать новейшие тенденции — такие как замена старых идеологий

и мировоззрения религиозного типа технотронной псевдорелигией трансгуманизма или провозглашение деклараций вроде «Великого Обнуления» цивилизации.

Невозможно игнорировать, что сегодня в центре глобального мира действительно оказался принцип огромного Нуля, который ничтожит все идеологии, запирает все пути для обновления Большого Развития.

Реальное развитие подменяется цифровым⁷. И здесь просматривается связь Великого Обнуления с Сингулярностью трансгуманистов как момента перелома истории в связи с предполагаемым молниеносным ростом могущества Искусственного Интеллекта.

Это всего лишь очередная утопия, представляющая собой ещё одну разновидность болезненного лжемессианского зуда, и в этом её неадекватность⁸.

В действительности, развитие человечества будет иным. Во многом это зависит от того, какой вектор и про-

⁷ Заметим, что слово «цифра» происходит от арабского *sifr* — «ничего, ноль». Оно родственно и понятию «шифр».

⁸ Неслучайно то, что многие крупнейшие корпорации (такие как IBM, Lenovo, Mastercard, Dupont, State Street Corporation и многие другие) учредили «совет по инклюзивному капитализму». И он подозрительно напоминает «Всемирный совет глобальных корпораций», который известный футуролог Э. Тоффлер предлагал создать в качестве пресловутого «мирового правительства».

грамму развития изберёт для себя Россия. Но также и Китай, Индия, исламские державы.

Нас ждёт событие-метаморфоза, переломное событие кризисного типа, преобразующее мир. И оно должно быть отражено, заложено в идеологии как предвидение и в то же время как важнейшая точка на горизонте наших целей.

Это событие, по природе своей роковое, должно для нас стать как можно более осознанным, и главное — мотивирующим на формирование стратегии антикризисного типа и к волевому переходу России к подобной стратегии.

«Слово превыше цифры».

Это утверждение не означает недооценки нами информационных технологий. Так же как признание того, что слово выше буквы, не означает недооценки технологий книгопечатания или самой письменности.

Цифра не видит и не понимает Слова, но, чтобы победить его, она идет по другому пути — игнорировать Культуру Слова, постепенно вытеснять её, заменяя количественными суррогатами.

Идею развития и идею бесконечности она подменяет идеей множества повторяющихся одинаковых предметов, индивидуальность подменяет

серийным номером. Битву идей — рекламой, мощь которой измеряется суммами вложенных денег, то есть насильственно навязанным человеку присутствием рекламы в поле его зрения.

Соблазняя детей и подростков, втягивая их в своё царство, вбивая клин между ними и традицией их предков, антисистема готовит свою паству, которая уже не учится мыслить вне мира цифр, количеств, обезличенных стереотипов.

Сингулярность трансгуманистов на практике будет означать не какой-то волшебный технологический скачок, но установление общества тотального контроля за индивидом и его мягкого «подталкивания» к действиям, срежессированным невидимыми кукловодами.

При трезвом взгляде в будущее мы должны выдвинуть в качестве ключевого события-ориентира своего рода «антисингулярность», понимаемую как схлопывание глобалистского проекта, рассыпание сооружаемого им общества-голема.

Нам нужно стать не жертвами под обломками этого крушения, а Цивилизацией Ковчега, осуществляющей организованный прорыв-переход к новому историческому этапу.

Цель предлагаемой идеологии — после прохождения точки бифуркации удержать культурный и технологический потенциал XX столетия, высокую культурную классику старых эпох.

Возвращаясь к метафоре нового феодализма и Средневековья — мы призываем к волевому переходу от Хаоса к новому Великому Стилю.

Во главе волевого перехода станет смыслократия и элита людей «длинной воли» — своего рода Новое рыцарство.

В основе его будет лежать кодекс служения, близкого религиозному по своему накалу, включающего такие ценности, как жертва собой за други своя, защита святынь и идеалов от поругания, защиты слабых от унижения и попрания их прав.

Таким будет наш ответ на вызов деградации традиционного человека, становящейся бичом нашей эпохи.

Новое Средневековье не означает автоматически тотальной деградации везде и повсюду техники и утраты индустриальных достижений.

Мы не отрицать новейшие технологические изменения, будем использовать и информационные технологии, и Искусственный Интеллект, и системы социального программирования, адаптируя их под цели Большого Развития и построения Социума Знания.

Волевой переход также может быть определён как «прорыв к себе», к подлинной сущности. Наша идеология возможна и продуктивна на этапе следующих 10–20 лет (2021–2040) лишь как **динамический революционный традиционализм, своего рода кентавр ортодоксальной культуры и технологических инноваций.**

Революционность в данном случае означает новое качество технологического уклада и решительное обновление элит.

Такой подход предполагает производство новой формы цивилизации, с открытостью для прорывных изобретений и так называемых «закрывающих технологий» и при этом с опорой на прежние фундаментальные свойства личности, общества, культуры как драгоценный результат развития человеческой цивилизации.

Великий стиль будет означать не преодоление человека, не пост-человечество, не постгендер, не пост-модерн, — а новый взлёт человеческого духа.

3. ОБРАЗ ВРАГА

Нарождающаяся идеология — не классовая, не расовая, не этнокультурная, не конфессиональная. Она — всеобъемлющая, то есть цивилизационная.

Нам как обществу предстоит распрощаться, прежде всего, с поисками отрицателей Русской цивилизации, тех, кто пытается свести нас к «просто» национальному государству. Либо к какому-то неправильному государству и народу, «историческому недоразумению». Либо к извращению европейского начала. Либо всего лишь к «мосту» между Азией и Европой, некоему образованию, предназначение которого — «влияться» целиком или по частям в чужие цивилизации и т. п.

Опровергать несостоятельность подобных высказываний, дискутировать с их носителями — значит не уважать себя.

В последние 150 лет был подведён доказательный теоретический фундамент под картину истории рода чело-

веческого как происходящую не помимо самостоятельных цивилизаций, а только в их русле. (По справедливой мысли Питирима Сорокина, теории особых цивилизаций стали величайшим достижением социологии и смежных наук в эту эпоху.)

Для нас является аксиоматичным цивилизационный статус России. То есть России не как «одной из многих» культур, подлежащих ассимиляции «глобальной культурой» («срединной цивилизацией») либо конвергенции с ней, но как самостоятельного мира, развивающегося по своим законам и перерабатывающего чужой опыт по своим правилам.

Более того, Россия — уникальная цивилизация, представляющая собой нечто гораздо большее, чем просто «самостоятельный мир». У России есть миссия, которая касается всех людей, а не только её граждан.

Главным же нашим врагом является не столько оперативный военный противник, которого чаще всего лишь вслепую используют против нас. **Главный наш враг — это то, что разрушительно для нашего цивилизационного кода.**

Потому, говоря об идеологии, мы не просто взыскуем каких-то руководящих смыслов. Речь идёт о войне цивилизационных проектов.

Наш враг — враг принципиальный, ведущий войну с нами уже давно и при этом неуклонно воплощающий проект своей «антицивилизации» (вслед за Львом Гумилёвым мы так и называем его — антисистема).

Сегодняшняя антисистема — это уже не тайные еретики, не сидящие в подполье революционеры, террористы и даже не закрытые клубы и ложи. Сегодняшняя антисистема вышла на авансцену истории и открыто претендует на мировое господство.

Зародившись на Западе, она обрела традиционную христианскую Европу в то рыхлое, аморфное, разлагающееся образование, каким мы видим её сегодня.

Немало европейцев осознают это положение вещей, но они лишены воли к сопротивлению. Осознают эту кол-

лизию эпохи и опасность транснациональной антисистемы многие представители других народов и культур.

Острота проблемы «образа врага» для России сегодня связана с тем, что управляющие рычаги Цивилизации совокупного Запада захватила элита принципиально нового типа.

Её можно обозначить как «клир» или «новое жречество», которое постепенно, планомерно осуществляет ползучее проникновение во властные структуры множества государств, в управляющие структуры международных институтов, включая самые влиятельные.

Мировая финансовая олигархия, крупнейшие банковские семьи, мировые корпорации (прежде всего, биг-фарма, биг-цифра) — важнейший источник зарождения этого «нового жречества», основанного на антихристианской духовности гностического типа.

Происхождение данной антисистемы можно усматривать ещё на заре Нового времени, в эпоху «каскада гностических революций», цель которых была разрушить традиционную сакральность.

Новый клир Запада является наследником-продолжателем тысячелетних традиций антисистемных объединений, у которых они заимствуют свои идеи относительно человека и общества, а также своих культовых практик и мировоззрения.

В XX веке нарождающийся клир, создав общность мафиозного типа, утвердился и оформился через организацию нескольких социальных революций и двух мировых войн, через те небывалые сверхприбыли, которые получили на этих геополитических потрясениях транснациональные финансисты.

Завоевав к середине XX века почти полный контроль над ведущими университетами США и Европы, предприятиями киноиндустрии и шоу-бизнеса, масс-медиа, эта общность, обладающая многими признаками деструктивной секты, сумела вложить в головы западной молодёжи контркультурное мироощущение.

На сегодняшний день клир транснационалов уже почти выдавил из элиты Запада представителей классического консервативного большинства, то есть настоящих преемников тех, кем и была построена эта великая цивилизация. Сейчас этот самый клир находится на финишной прямой по захвату всей полноты власти в международных институтах, используя для этого так называемые глобальные проблемы (в первую очередь, пресловутую «климатическую катастрофу», а в тактическом плане — пандемию COVID-19).

Эта так называемая молодёжная и сексуальная революция 1960-х гг. шла уже не под марксистскими, а под фрейд-марксистскими знамёнами, её движущей силой был уже не пролетариат, а молодёжь, расовые и маргинальные меньшинства, её целью было уже не свержение государственной власти в отдельно взятой стране, а тотальное изменение сознания⁹.

На сегодняшний день клир транснационалов уже почти выдавил из элиты Запада представителей классического консервативного большинства, то есть настоящих преемников тех, кем и была построена эта великая цивилизация.

Сейчас этот самый клир находится на финишной прямой по захвату всей полноты власти в международных институтах, используя для этого так называемые глобальные проблемы (в первую очередь — пресловутую «климатическую катастрофу», а в тактическом плане — пандемию COVID-19).

Через мистификацию глобальных проблем, чрезвычайно удобных тем,

что они имеют вид неподконтрольных человеку и носят как будто «всечеловеческий характер», прародители этого нового жречества уже более полувека проповедовали стратегию сокращения населения земли, прикрывая её заботой о демографической сбалансированности и «устойчивом развитии».

Другая их ширма — борьба за чистоту окружающей среды и против глобального потепления, которыми они мотивировали вмешательство в промышленную политику всех стран и навязывание им специально разработанной деструктивной и хищнической повестки.

Одновременно с этим программировался новый антропологический формат и стандарт, связанный с уводом технического прогресса в сторону информационных технологий, а де-факто — технологий управления сознанием и построения «общества тотальной слежки».

Новый клир с его лжемессианским мироощущением абсолютно несовместим с традиционной сакральностью, а потому он нацелен на дискредита-

цию традиционных религий, морали, эстетики, ценностей, в том числе ценности государственного суверенитета.

Нельзя сказать, чтобы глобальных проблем вообще не существовало, однако борцы с потеплением, охранники живой природы и стерилизаторы «лишней» части человечества, наследуя во многом идеологам Третьего рейха, стараются меньше говорить о подлинных причинах дисбаланса мирового развития — сверхпотреблении «золотого миллиарда».

Правда, в самое последнее время сторонники так называемого «Великого Обнуления» и инклюзивного капитализма посягают уже и на «золотой миллиард», сохранение которого в качестве бенефициара глобализации не входит в их планы. Миллиард — это слишком много. Слой господ должен быть гораздо уже.

С другой стороны, антисистеме удалось во многом превратиться из внутрицивилизационной в глобально-сетевую. Она формирует в крупных городах по всему миру пока ещё достаточно тонкую, но стремительно растущую прослойку транснационалов-космополитов, своего рода «нации поверх наций».

Именно эта прослойка уже послужила средой для госпереворотов «Арабской весны», так называемых «твиттерных революций» начала XXI века.

Глобальная «отрицательная цивилизация» всё ближе подступает к своей заветной цели, которая не слишком ею и скрывается: отказу от национальных суверенитетов в пользу верховной власти «Умного Супергосударства»¹⁰.

Классическое суверенное государство якобы нерентабельно, опасно

⁹ Это были леволиберальные нововведения в духе учений Франкфуртской школы, «гуманистического манифеста № 2» Куртца, неомальтузианства, наркотической революции и т.д. — разумеется, не только в интеллектуальной, но и в популярной подаче. После «обработки» в таком духе двух поколений молодёжи элита в Америке и во многом в Западной Европе превратилась фактически в адептов разветвлённой антисистемной сети, исповедующей человеконенавистническое, нигилистическое мироощущение, напоминающее гностицистские ереси Средневековья, подрывные тайные общества — гибрид троцкизма, неофрейдизма и ницшеанства в версии постмодернистских философов.

¹⁰ Описываемый в данной главе «образ врага» не является конспирологическим, даже если в нём и присутствуют некоторые элементы реконструкции предполагаемых целей «нового жречества». Объективных свидетельств об этих планах и целях уже немало. В качестве примера можно привести «Великую шахматную доску» Бжезинского, в которой тот пишет о создании единого сверхгосударства, управляемого конгломератом банков, ТНК и общественных организаций. Власть им, согласно Бжезинскому, будет передана «последним государством», оставшимся на земле, — США. Так наступит новая эра истории.

для здоровья (неправильно борется с пандемией) и окружающей среды (сопротивляется декарбонизации), создаёт риски самоуничтожения человечества («чёрные шары» Бострома). Рентабельно и неопасно сегодня находиться в «мягком рабстве» у формирующейся антицивилизации, быть под её «надзором» и в послушании у нового жречества «великих обнулителей».

Эта стратегия несёт угрозу не только суверенитету государств, но и суверенитету человеческой личности. Она проектирует нечто вроде Общества Антимечты, которое призвано превратить людей в жёстко контролируемых пассивных потребителей наведённой грёзы, каждый шаг которых подсказан Искусственным Интеллектом.

Если эта стратегия увенчается успехом, с традиционным человеком во всех его разновидностях будет

покончено. Это огромная опасность, имеющая общеисторическое и эсхатологическое значение — опасность конца истории.

Именно наступление новой информационной эры, то есть эры контроля над психикой масс и её трансформации через механизмы цифровой среды, делает глобальную верхушку новым жречеством (то есть служителями культа), а не привычным для нас, «старым-добрым» глобальным финансовым капиталом¹¹.

Отсюда следует, что и идейная борьба с ним возможна лишь с позиций мировоззрения и идеологии как культа, причём культа в мире быстрых решений, а не прежнего «медленного мира».

Эта борьба носит характер священной войны, войны за сохранение в людях образа человеческого. Мы

стоим перед лицом настоящей антропологической катастрофы — вот что необходимо понимать.

Импульс спасения от этой катастрофы — секрет успеха новой идеологии России, значительно повышающей её шансы на завоевание мировой роли.

Надвигающаяся катастрофа — плоскость отталкивания для всех здравомыслящих людей, движущая сила будущего развития, причина идеологического ответа на вызов, который невозможно игнорировать...

До сих пор форпостом и силовым орудием антисистемщиков было государство США, самое антиисторическое образование в мире, возникшее из отрицания огромным количеством граждан своих отечеств, а также на основе геноцида американских аборигенов — индейцев.

¹¹ При этом само понятие «жречество» стали применять к ним потому, что они позиционируются не как капиталистическая элита, а как религиозные авторитеты, «непогрешимые пастыри», не терпящие дискуссий и возражений по темам, которые избраны в качестве маркеров прогрессизма и подвергающие выдавливанию-«отлучению» любого (вплоть до президента Дональда Трампа), кто не вписывается в их правила.

Признаком того, что антицивилизация вплотную приблизилась к реализации своих замыслов, стали процессы саморазрушения США, запущенные в последние годы. Это очень тревожный сигнал для всего мира.

Впрочем, первые звоночки для США прозвучали уже давно — таким было использование антисистемщиками и контркультурщиками войны во Вьетнаме для ускорения смены американских элит (отставка последнего условно самостоятельного американского президента Ричарда Никсона); затем кампания прогрессистских фондов, включая Open Society Institute Дж. Сороса, против администрации Дж. Буша-младшего под анархо-пацифистскими слоганами.

Обе эти кампании не шли, однако, ни в какое сравнение с массированным шельмованием Трампа, не начавшего ни одной войны, но бросившего вызов повестке дня «прогрессизма».

Поощряя у себя дома, на Западе, леволиберальную контрсистему — «антифа», ЛГБТ (аббревиатура, к которой прибавляются все новые буквы!), феминизм, экологистов и т.д., в других концах мира антицивилизация культивирует религиозно-фундаменталистские течения с чертами вандализма (джихадисты-сепаратисты от Судана до Кавказа, апокалиптические культы, включая ДАИШ¹², Господню армию сопротивления и др.).

Антисистема целенаправленно осуществляет в обществах «золотого миллиарда» содомизацию и насаждение философии постгендера («небинарности»), виртуализацию и порнографизацию половой жизни, перевод всех интимных чувств человека в сферу инфантильного потребления и развлечения.

Это связано с такими задачами, как подрыв демографического потенциала белой расы, на смену которой

должна прийти ценностно нейтральная метисная, серо-«бесцветная» масса, при этом сексуально закомплексованная, дезориентированная, лишённая гендерной определённости, а значит, легко манипулируемая.

Многие другие сегменты мирового народонаселения в замыслах транснационалов должны быть вообще стерилизованы как избыточная «мусорная биомасса», подлежащая сбросу.

Место России в этом раскладе — разделении на малую расу господ, отбраковываемую расу-мусор и серую расу слуг — особое.

Стал уже широко известным прогноз Д.И. Менделеева, что в России при её благополучном развитии к началу XXI века должно было бы жить не менее полумиллиарда граждан — представителей коренного населения.

Динамично растущая Русская цивилизация в начале XX столетия представляла собой главную и опреде-

¹² Запрещённая в России организация.

ляющую угрозу для тогдашней транснациональной капиталистической системы — как духовно чуждая и трудно адаптируемая под её планы.

Наша держава не вполне осознавала это, но уже тогда верхушка Запада (будущий клир) видела в ней своего главного антагониста.

Россия выступает как цивилизация жизни в противовес цивилизации смерти.

Поэтому демографический упадок России, подрыв её жизненных сил стал важнейшей целью нашего врага, целью двух Смут (1905–1920 гг. и затем 1986–2000 гг.), в разжигании которых Запад принял активное участие.

Ценой огромных жертв, демографического надлома и крушения традиционного для России уклада и образа жизни наша цивилизация сумела в первой половине XX века выстоять и нанести ответный удар, фактически обеспечив разрушение колониальной системы Запада и исключив угрозу нацизма.

В советскую эпоху Россия превращала опасный яд антицивилизации, её орудий и технологий — в бальзам человеческой культуры, спасения жизни, сохранения многообразия человеческих обществ.

Так марксизм был обращён в орудие для утверждения в странах третьего мира местных традиционалистских режимов.

Москва привлекала эти народы не буквой марксистско-ленинской теории, а духом целенаправленного созидания, общедоступностью образования и социальной защиты и, помимо этого, — культурной политикой.

При этом в глобальном геополитическом плане СССР противостоял хищнической капиталистической цивилизации, уже глубоко поражённой бацллами будущего «клира».

Россия-СССР сумела нейтрализовать угрозу мировой ядерной диктатуры, к которой уверенно шла верхушка англосферы сразу после Второй мировой.

Более того: повернула атомную энергию лицом к человеку — запустил проект «мирного атома», создав пер-

вые в мире атомную электростанцию и ледокол-атомоход, предвосхищая тем самым парадигму VI технологического уклада.

Сегодня возрождённой России предстоит, как мы уже убедились, встретить и ответить на ещё более серьезные вызовы. К примеру, связанные с безопасным использованием инноваций, которые антицивилизация рассматривает как своё оружие (технологии управления массовым сознанием; вторжение в геном живых существ и самого человека; новые средства повышения плодородности и т.д.).

Так же как в случае с атомными технологиями в середине XX века, передовые инновации могут быть как опасными, так и чрезвычайно полезными.

Они должны быть поставлены на службу человеку как таковому. Но это зависит от целеполагания элит, которые ими распоряжаются.

России ещё предстоит возглавить переход человечества от «умных» к «мудрым» технологиям (предотвратив угрозу расчеловечивания человека).

Сегодня новые жрецы, эти внуки транснационалов и расистов эпохи Второй мировой, используют высокоточное гибридное оружие против России и её народа, и используют его с несомненным успехом.

Их цели — десоверенизация России, её растаскивание по частям, дележ её природных ресурсов.

Но главной мишенью для противника являются даже не ресурсы и не территория, а сам антропологический тип — тип носителя русской цивилизации как наиболее упрямого и парадоксально устойчивого конкурента.

В их понимании русский культурный тип должен капитулировать перед транснациональным типом. Им недостаточно остановить наше развитие и демографический подъём, им нужно, чтобы мы перестали быть собой.

Не Россия избрала себе этого врага, она была назначена на роль антагониста — чему, впрочем, есть объективные основания. А именно: исторически

уже достаточно проявивший себя огромный потенциал нашего народа, представляющий существенную опасность и препятствие для субъектов глобализации.

В мире нет иной, кроме России и её народа, масштабной силы, которая могла бы последовательно и целенаправленно противостоять той логике развития, которая навязывается «новым жречеством».

Вместе с тем на стороне идеологии «вечной России», которая сегодня просто не может не приобрести глобального звучания, — большинство людей в мире и большинство геополитических и цивилизационных центров.

Все они молча ненавидят мирового хищника, всеми ими востребована идея многополярного справедливого мироустройства. Поэтому у нас есть реальные шансы победить.

Русский Ковчег не претендует на монополию. Но ход истории приводит к тому, что России придётся выдвинуться вперёд, стать своего рода ковчегом-флагоманом.

Вслед за Россией подтянутся другие державы, которые также могут противостоять Цивилизации Потопа, строя свои ковчеги.

4. ОЧИЩЕНИЕ И ОБНОВЛЕНИЕ

Нынешнее государство Российское предельно десаκραлизировано, идея власти как дела чести подверглась профанации и диффамации, по-русски говоря, смешению с грязью.

Кто-то может подумать, что так сложилось само собой. Однако это не стихийные процессы. Делалось это целенаправленно.

Был произведён взлом кода народа-государственника — через внутренние мысли о политике как «порочном деле». Через внедрение идеи о государстве как сервисе, через растянувшуюся на десятилетия попытку государства сбежать от своей архетипной для России сакральной составляющей, от долга социального служения народу и долга служения Высшей Истине (Богу).

Снижение доверия к государству в России является куда более опас-

ным для стабильности и устойчивости страны, чем внешние угрозы или экономические трудности.

Между тем государство в России не просто система институтов или «наёмный управленец», и никогда народом оно не будет признано таковым.

Несмотря на ломку кодов, общество в своей массе остаётся патерналистским и ждёт возвращения к модели государства-семьи.

От власти и государства ждут большого проекта, стратегического видения, обеспечения социальной справедливости и развития. Через возвращение стратегем произойдёт и **ресакрализация государства**.

Ключевым значимым шагом на этом пути должно стать провозглашение национального очищения. Общество жаждет очищения как духовной весны.

Очищение — это первое слово нашей идеологии, если смотреть на неё в практическом плане. Проект «Очищение» несёт в себе рывок, огромный стимул к развитию.

Образ будущего откроется нам, станет до конца ясным в процессе очищения. Нацпроект «Очищение» не только востребован и желанен, но и неизбежен.

Нам предстоит очистить наши реки и озера, наши почвы от загрязнений, очистить предместья наших городов и посёлков от чудовищных помоек и свалок. (Высокотехнологичные решения проблемы мусора и загрязнений

природной среды у Русской цивилизации есть.)

Нам предстоит очистить не только естественную среду обитания, но и нашу социальную среду. Чудовищные диспропорции в богатстве, в общественном положении, неравенство перед законом, господство самодуров и лжецов — всё это должно быть подвергнуто очищению.

Нам предстоит очистить и человеческую душу, в которой поселился зверь. Человек перестал смотреть на звёзды, смотрит только вниз, себе под ноги, надеясь найти на тропе набитый золотом кошелёк.

Душа стала угрюмой, озлобленной, забывшей о лазури. Но душа должна воскреснуть и очиститься.

Перекроем чудовищные мусоропроводы, которые с телевидения льют нечистоты в каждый дом, в каждую семью. На эти телевизионные трубы мы наденем жесточайшие фильтры, поставим на их пути к зрителю «очистные сооружения».

Расстояние, отделяющее нынешнюю РФ от «идеального государства», может оцениваться по-разному, при этом важно осмыслить, какой путь предстоит пройти, какие трудности придётся преодолеть.

Одна из самых острых проблем, великая трудность на этом пути — очищение государства от непригодных для реализации новой идеологии кадров, обновление политических и административных элит.

Преградой для новой идеологии является отсутствие в нынешней элите доминирующего идеалистического компонента.

В конце XX столетия во власть пришли так называемые «прагматики». Эти люди не готовы жертвовать частным ради общего, не готовы поступаться личными интересами ради интересов государства.

Идеи не способны жить полноценной жизнью без своих носителей, тем более что у «старой элиты» были свои идеи, с которыми они во многом отождествились.

Расстаться с установками, сколько бы убогими и неприглядными они ни были с точки зрения народного большинства, очень трудно. Особенно если эти установки привели тебя в элиту и закрепили у кормила.

Очевидно, что в сложившейся обстановке политическая элита должна, согласно концепции Парето, быть «привита» идеологически заряженной контрэлитой. Однако одной кооптации во власть отряда идейных людей недостаточно.

Дело даже не в том, что нынешнему правящему классу всё ещё мерещится, что они могли бы пересадить на русскую почву западную систему.

Дело скорее в том, что они опасаются потерять своё положение и свои преференции, которые им обеспечены именно за счёт лояльности наследию 90-х, по сути этноциду, искоренявшему в России русский дух.

Исторически — чтобы цинично-стяжательские, преклонившиеся перед сытостью и мишурой Запада элиты не устроили саботаж, а переключились в нужное русло, — всегда была нужна либо Большая Беда, либо репрессии. Без этого они никак не приходят в разум.

Новая смыслократическая идеология, новый государственно-рыночный уклад, новые оригинальные технологии, солидарное состояние общества требуют продвижения людей нового типа, способных поддерживать и реализовывать эту новизну.

Черты данного типа: гибкий ум, разносторонние знания, низкая агрес-

Исторически — чтобы цинично-стяжательские, преклонившиеся перед сытостью и мишурой Запада элиты не устроили саботаж, а переключились в нужное русло, — всегда была нужна либо Большая Беда, либо репрессии. Без этого они никак не приходят в разум. Новая смыслократическая идеология, новый государственно-рыночный уклад, новые оригинальные технологии, солидарное состояние общества требуют продвижения людей нового типа, способных поддерживать и реализовывать эту новизну.

сивность, большая активность, мобильность, творческие волевые черты, социальность, духовность и эмпатия.

Данный тип должен составить основу меритократии, перспективную часть новой элиты наряду с существующими ныне капиталистической олигархией, госаппаратом, технократией эффективных менеджеров и богемной буржуазией «креативного класса», постепенно заменяя их.

В Государстве Развития, в Государстве диктатуры культуры элита должна быть культуроцентричной, пронизанной живой идеологией Русской мечты и русских кодов.

Нам нужно также перепрыгнуть межпоколенческий провал между старшими, из которых преимущественно происходят современные руководители, и молодыми людьми, которые сформировались в новой реальности. Интегральная идеология призвана стянуть их в одно национальное целое.

Мы всё ещё остаёмся заложниками элит без стратегического мышления, элит, увязших в текущей злобе дня и собственной корысти, в лучшем случае — занимающихся затыканием пробоев в корпусе государственного корабля, служащих «аварийщиками», а не стратегами.

Итак, главный критерий обновлённой элиты — её идеологическая заряжённость, её способность к высокой мечте, ибо такая мечта есть не что иное как полёт в пространстве стратегических целей и идеалов.

Можно задаться вопросами: насколько необходимо радикальное обновление политических элит? Можно ли взять за основу при внедрении новой идеологии нынешние политически элиты, эволюционно обновляя их, усиливая и поднимая тех из них, кто наиболее пригоден к новой парадигме?

При существующем вопиющем социальном неравенстве сохранение нынешнего правящего класса означало бы всеобщее отчуждение, чувство безысходности и бесполезности напряжения воли во имя достижения общенародных целей, подозрение в притворности самих этих целей.

Вектор здесь очевиден: в любом случае должно произойти перераспределение власти в пользу большинства (не в смысле усиления эфемерных «демократических» институтов, этой игрушки в руках олигархии, а в смысле преследования посредством госполитики реальных интересов общества, а не интересов паразитических меньшинств).

Это исторически неизбежное дело, вопрос лишь, в какой форме оно произойдёт — революция сверху или революция снизу.

Почему именно предлагаемая здесь версия идеологии России наиболее правильна и целесообразна?

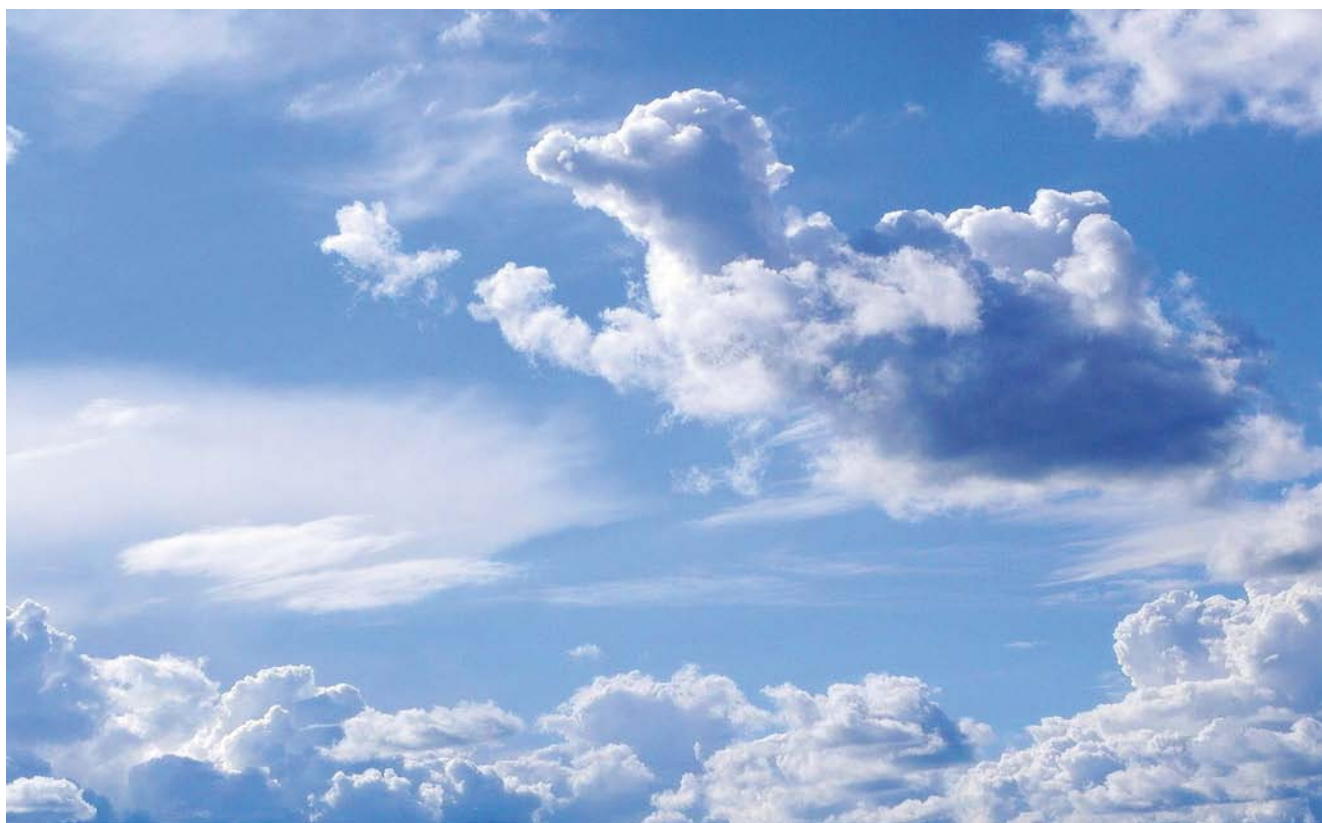
Потому что любое встраивание России в нероссийские, не соотносимые с её цивилизационной сущностью проекты объективно ведёт страну к гибели.

Россия в глобальной системе Запада, Россия постмодерна, Россия племенно-националистическая, Россия капиталистическая, Россия транснационально-неотократическая, Россия технологически неразвитая — в любом из этих вариантов вырисовывается для нас летальный исход.

Всё это версии идеологии анти-России. Соответственно, необходим русский реверс — отсекая эти версии, мы осуществим обратный переход от анти-России к России Вечной, и при этом современной, оснащённой, вооружённой.

Соответственно, детские игры в плюрализм и свободу мнений сегодня уже неуместны, ибо противоречат мобилизационным требованиям момента.

Из элитного слоя России должны быть вытеснены и не допускаться

в новый смыслократический слой те, кто исповедует взгляды следующего типа:

- Убаюкивающие мотивы вроде «внеидеологичности» государства, ворчание о том, что идеи о какой-то глобальной миссии России иллюзорны, что «образ врага» для её развития не нужен; или такой тезис: «России следует сосредоточиться на своих внутренних интересах и не лезть в глобальные разборки» и т.п.
- Дескать, главное — интересы частного человека. Поэтому всевозможные «проклятые» вопросы лишь мешают жить нормальным людям, они и есть зло. Не нужно «изобретать велосипед». Важнее: к чему мы присоединимся, что каждому из нас в отдельности выгодно...
- Якобы Россия не империя и не должна быть империей. Приемлемые варианты для нее другие: национальное государство; государство-корпорация; государство-буфер и т.п.
- Взгляды тех, кто продвигает конформистский образ национального

целеполагания: довольство текущим положением дел, отстаивание устаревшей модели homo economicus, общества потребления и т.п.

- Отрицание необходимости революции сверху, которое обосновывается таким образом: нужны лишь некоторые коррективы; либо: нужна мягкая эволюция; либо: эффективна только революция снизу и т.п. Оба «уклона», по сути, ведут к одному заказчику. Это тот случай, когда, по выражению «отца народов», пойдёшь налево — придёшь направо, пойдёшь направо — придёшь налево.

Чтобы встать на путь исцеляющей и гармонизирующей общество революции сверху, необходим сигнал в адрес народного большинства.

Этот сигнал должен иметь как показательное, демонстративное измерение, с буквальным устранением из элиты ряда знаковых фигур, так и всеобъемлющее социальное измерение, которое можно назвать символической жертвой.

Чем нужно пожертвовать? Со стороны правящего класса — частью ре-

сурсов. Со стороны нового идеологического класса — частью существующего правящего класса, его «офшорной» составляющей.

Первое, чем придётся пожертвовать нынешним элитам, — это отказаться от враждебных русскому цивилизационному коду культов, своего рода антикодов, внедрённых сейчас в нашу жизнь.

Таких как культ мамоны, культ комфортной потребительской жизни «как у них», культ гаджета, культ технических и цифровых новинок и трансгуманистических вождельных, культ гендерной и сексуальной всеядности (проповедуемый вестниками «второй сексуальной», «квир»-революции), культ иллюзорной свободы, который всё более и более разоблачается на самом Западе, откуда этот культ был занесён и настойчиво внедрялся в наше общество.

В каком-то смысле речь идёт о возвращении к советским ценностям: нам нужно возродить господство архетипов воинов, врачей, инженеров, капитанов производства, исследователей — словом, жертвенных, порою

даже самоотверженных созидателей над архетипами барыг, гедонистов, корыстных и эгоистичных потребителей, госслужащих, трактуемых как «работников сферы услуг», и т.п.

Изобретатель в Пятой империи превыше приобретателя!

Но это одновременно и возвращение к традиционным ценностям, крестьянским и православным, ведь советская нравственность основывалась на этике народников, то есть глубинном опыте изучения русской общины и её социального мироустройства, этого исконного народного социализма.

Безусловно, для большей части существующих элит остаётся открытым путь добровольной жертвы частью своей собственности и теми проектами, которые не впишутся в новый идеологический формат.

Главное же для них, — если они намерены жить дальше в России, — открыто принять новую идеологию, разделить её пафос, увидеть в ней выход из исторического тупика, в который занесло их, а вместе с ними всю страну.

У многих из них всё ещё есть шанс на преобразование и превращение из приспешников тяжело больной транснациональной горгоны, время от времени обжигающей их кнутом персональных санкций, в представителей великой цивилизации, которая обязательно поднимется и вернётся на свой путь.

5. СУБЪЕКТ «МЫ». ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ МИССИЯ

Политическая элита обязана ясно сознавать, что у её народа есть базовая картина мира, в соответствии с которой выстраивается культура, политика, возвращаются новые поколения, которым мы вручаем историческое наследство.

Если элита не сознаёт этого или пытается приглушить такое осознание — ей не место на вершине социума.

Секрет России в том, что она является потенциальной Цивилизацией Ковчега уже не одно столетие, и это

тоже наш цивилизационный код. Мы не изобретаем чего-то неслыханного, новоявленного — мы лишь возвращаем русскому самосознанию его исконные параметры.

В условиях разгорающегося противостояния с антицивилизацией Потопа, отталкиваясь от неё, мы быстрее осознаем необходимость смены вектора развития России. Вернее — обретения этого вектора, возвращения подлинной субъектности.

В чём же направления этих перемен? —

От безобидно-примиренческой, беззубо-соглашательской позиции — к самостоятельной и упорной.

К собственной «самости», к роли знающего, кто он и чего он хочет.

К деятельному овладению миром, к познанию его по канонам нашей базовой картины мира.

Обозначение вектора самостояния России не должно быть имитацией, не должно сводиться к риторике и показному бряцанию оружием или игре мускулами, не должно зависеть от «субъективного фактора» власти.

Кроме того, изменение вектора развития никак не сводимо лишь к внешнеполитическим деяниям. Вектор должен быть обозначен системно и комплексно.

Чтобы это возвращение к себе стало возможно, нам и потребна идеология, в центре которой ответ на вопрос: кто мы есть?

Отвечая на этот вопрос, мы обеспечиваем консолидацию для совместной, согласованной деятельности.

А также мобилизацию большинства общества для преодоления угроз и рисков.

Создаём основу для выдвижения слоя смыслократии, хранящего главные принципы и заветы Исторической России.

Итак, кто мы?

Мы — это Русская цивилизация, симфония народов, соединяемых общей судьбой и вырабатываемым в веках общим для всех народов своеобразием, «иоанновским духом», как называл его влюблённый в Россию немецкий мыслитель Вальтер Шубарт.

Мы — это страна-наследница, которая ведёт своё родословие не по одной, а по многим линиям, преемствуя:

- мифической Гиперборее и Скифии
- роду Иафета
- восточному славянству
- православному византизму (рецепция высокой культуры Второго Рима, в которой в «снятом» виде хранятся мощные пласты античности и эллинизма, иудейской и раннехристианской культуры)
- евразийству (наследие веротерпимой государственности Чингисхана, собравшей под собой большую часть Северной Евразии)
- мы наследуем культуры и ценности привившихся к стволу российской государственности мусульман, буддистов, язычников, представителей других вер и культур

Мы — это цивилизационный мир, целый космос народов и культур, сложившихся в живое целое.

По отношению к внешнему миру наш мир не является закрытым, замкнутым на себе. Русский мир не чужд постижению иных культур, даже своего рода увлечению иностранными достижениями.

Однако увлечения — это всё же поверхностная сторона цивилизации. У континента России всё самое важное — своё.

Благодаря подвижничеству наших предков — землепроходцев и воинов — у нас есть свои природные ресурсы, включая самые большие запасы плодородных почв, пресной воды, лесов, полезных ископаемых, почти вся таблица Менделеева (по самым скромным подсчётам, около 22% мировых природных ресурсов).

У нас есть смекалистый народ, умеющий творить в самых неблагоприятных условиях.

Есть отряд смелых изобретателей, исследователей и конструкторов, рождающих парадоксальные и принципиально новые виды технологий.

Есть когорта производственников, сумевших спасти и развить (а то и создать с чистого листа) современные заводы и фабрики, выдерживающие конкуренцию и с Западом, и с Востоком.

У России всё ещё сохраняется колоссальный задел в технологической сфере, плод тех научных и инновационных прорывов, которые были осуществлены советской цивилизацией. (При этом многое из того, что открыли и изобрели русские, и воспроизвести могут только русские.)

Высокотехнологичный ВПК является нашим важнейшим преимуществом, позволяет относительно на равных вести диалог с более мощными державами.

Мало кем осознаётся, что у нас есть нечто более ценное и значимое, чем природно-ресурсные и военные возможности: целый кладёз собственных смыслов, идеалов, ценностей, свои представления о правде и совести, свои цивилизационные коды.

Между тем именно из этого кладёза черпается самое главное — своя логика развития, собственная миссия. Именно этот потенциал при его умелом использовании способен привлечь под сень Русской цивилизации другие народы.

Над вопросом о миссии: зачем мы на земле? — не один век билась русская мысль. Результаты этих усилий наших философов и мудрецов, несмотря на разнообразие их взглядов, как это ни удивительно, сливаются в единое непротиворечивое русло самосознания. (Даже желчно-недоумевающий Пётр Чаадаев с его мыслью о России, предназначенной преподавать миру «великий урок», — причудливым образом подтверждал идею русского мессианства, русского, как он это сформулировал, «особого пути».)

Уникальная Миссия, предназначение Русской цивилизации предстаёт как регуляция мирового развития, удержание мира от глобальной катастрофы, поддержание гармонии, основанное на глубинной эмпатии или, как говорил Достоевский, отзывчивости русских по отношению к другим мирам.

Часть этого предназначения — **миссия обуздания претендентов на мировое господство**, не просто декларируемая, а неоднократно проявившаяся в истории как наше победоносное дело.

Миссия демонополизации мирового могущества совпадает с императивом самой природы истории, можно сказать, что она совпадает с волей Божией. Мирозданию как системе, направляющей его Высшей Силе неуютны претенденты на тотальное владычество...

И Россия является стражем многообразия, орудием этой высшей воли. Осаживать «наполеонов», срывать их с тронов и помещать под замок или в психиатрическую лечебницу — это одна из сияющих граней русского предназначения.

Важнейшим элементом идеологической картины мира является ответ на вопрос, куда мы идём, или образ желаемого будущего. И это тоже часть миссии России. (Образу будущего посвящена 7-я глава нашего доклада.)

Здесь же отметим, что, символически отражаясь в таких символах, как «Храм на Холме», **миссия России состоит в создании справедливого и гармоничного общества**, которое согласуется с божественным, богоподобным достоинством человека, в строительстве из всех нас и из каждого соборной вертикали.

Этот идеал, призывающий и привлекающий к себе иные миры и культуры, наряду с обузданием агрессоров-монополистов, которые так или иначе попирают справедливость, достоинство и разрушают мировую гармонию, — фактически две стороны одной миссии.

Имеет смысл прямо сейчас, ещё не углубившись в прорисовку деталей образа будущего, остановиться на органичных для Русской цивилизации своеобразных версиях понимания и разрешения наиболее обострённых и актуальных вопросов нашего времени, его критических разломов.

В частности, по таким направлениям, как:

- своя версия прогресса и свои критерии «развитости»
- своя версия сбережения природы
- своя версия демографического развития
- своя версия развития информационных технологий

Своя версия прогресса и свои критерии «развитости»

Учёные сходятся на том, что мир постепенно переходит из V в VI технологический уклад. Однако даже подробное и ясное понимание, что представляет собой новый уклад, описание его технологической парадигмы не даёт полноценного образа развития для всех.

Это связано с тем, что потерпела окончательный крах инфантильная идея неуклонного линейного общечеловеческого прогресса. Новый уклад сам по себе не может создать единообразную цивилизацию, он неодинаково воспринимается разными цивилизациями.

Таким образом, открыт вопрос об образе развития — куда развиваться, в какую развитость расти. Судьба VI техноуклада — в перехвате самого вектора развития и в том, что старый вектор уже отброшен историей.

Конкретно этот кризис целеполагания выражается в смене гегемонов развития, уходом с арены совокупного Запада, выродившегося в антицивилизацию, и выходом на арену нового лидера — Китая.

Однако это не значит, что образ нашего развития для нас уже сейчас должен продиктовать Китай. Многолинейность мирового становления никто не отменял.

Мы оказались в пересменке истории, на перепутье, и нам не от кого ждать подсказок — ни от Запада, ни от Востока.

В чём же выбор Русской цивилизации? На наш взгляд, он в том, что главным критерием прогресса для нас будет **построение общества созидателей, творцов**.

Творчество — это тот ключевой пункт развития, на котором сходятся в согласии просвещенческий, «истматовский» (формационный) и цивилизационный подходы, современные «красные» и «белые» патриоты России.

Такой выбор будет понятным и для других цивилизаций, хотя он предполагает очень высокую духовную планку, которая окажется не всем по плечу.

Чтобы государство справилось с такой сверхзадачей, должна быть вы-

строена обязательная система защиты от деградации (так, деградационным и разрушительным был «кризис свободного времени» в период позднесоветского застоя).

Спасти от деградации могут только общественная культура и мораль, выросшие на жёсткой системе государственных стимулов и приоритетов, которые, в свою очередь, должны служить общему делу.

Под общим делом в предельном смысле слова мы и понимаем прогресс справедливости в обществе в целом и прогресс творчества в жизни конкретного человека, его **духовный рост**.

А это предполагает преобразование человечества при динамическом сохранении (расширенном воспроизводстве) классической культуры и цивилизационной традиции, а не их отбрасывании.

Расти духовно может только человек-наследник, а не человек — ниспровергатель своих предшественников.

Отсюда вновь актуальным становится тезис о диктатуре культуры, о том, что Пятая империя России должна быть культуроцентричной, а не экономоцентричной.

И хотя люди в большинстве своём слишком инертны для высокого творчества, тем не менее цивилизация может и обязана организовать ток общественной энергии в восходящем направлении, против энтропии.

Таким образом, государство выступает главным источником прогресса.

Однако при этом творчество — тонкий и во многом интимный процесс.

Государство как институт не может гарантировать творческий бум, оно может лишь способствовать ему, создавать условия для него, учась обходить «подводные камни» истории.

Увеличение свободного времени, о чём мечтали марксисты, — далеко не главный критерий создания таких предпосылок. Гораздо важнее целенаправленное человекостроение, научно-культурно-образовательное и воспитательное взращивание новых поколений с упором на творческий дух.

Подлинное творчество является продуктом не только таланта, но и воли. Воспитание воли предполагает самоограничение, преодоление низших импульсов, усложнение и совершенствование навыков, мастерства.

Массовое воспитание воли происходит в атмосфере общего дела и угасает, когда идеал правды и совершенства замещается стандартом утилитарного потребления.

Потребитель не может быть победителем, не может быть творческим гением, не может быть даже по-настоящему квалифицированным работником.

Прогресс означает восхождение на новые уровни могущества человека как в его отношениях с природой, так и в его способности управлять самим собой, в том числе, гармонизировать социальное мироустройство.

Критериями духовного роста выступают любовь к ближнему и му-

дрость, которая отличается от ума, в первую очередь, способностью преодолевать и гармонизировать противоречия. —

Не нагнетать напряжение внутри общества, а «носить бремена друг друга» так, как если бы люди были органами одного организма.

Может статься и так, что «обкормленные» поколения, обеспеченные всем необходимым, в том числе доступом к высшим духовным образцам, — несмотря на всё это, будут терять интерес к жизни, утрачивать инициативу, разлагаться.

Подлинное творчество воспитывается в борьбе, в неустойчивом равновесии, отчасти даже в страданиях.

Костыли техники и изощрённо устроенный быт сделали человека гораздо менее живым и гораздо более уязвимым перед внешними вызовами судьбы и внутренней самоуязвленностью.

Научная и промышленная революции стали новыми шагами отчуждения человека от Природы и Бога, в конечном счёте — от самого себя.

Цивилизация потребления закалила его, сделав рабом комфорта, который она ему дала, и тех тонких страстей, удовлетворению которых она послужила.

Техника, сделав достижения высокой культуры и высоко оснащённой цивилизации доступными для масс, — вместе с тем отлучила их от самой Культуры, от её огненной полноты, откуда творец и первопроходец чер-

пает вдохновения, озарения, научные открытия.

Самым важным условием для реального духовного прогресса оказывается эстафета от поколения к поколению: от творца к творцу, от учителя к ученику. Когда преемник перенимает искру сверхличной мечты, стремится сначала освоить доступные ему высоты культуры и познания, а затем повторить подвиги и превзойти шедевры предшественников.

Все это нужно иметь в виду при проектировании модели развития Пятой империи, ведь развитие является одним из самых трудных, «проклятых» философских вопросов.

Однако этот разговор в рамках идеологического строительства является стратегическим и даже футурологическим. А сегодня главная проблема в другом: подлинному развитию мешает действие механизма социального и исторического регресса.

Регресс сегодня воюет под личиной «другого прогресса», это «прогресси́зм»

антисистемной цивилизации, которым она инфицирует другие культуры, сбивает с пути неискушенную молодёжь.

Для антицивилизации прогресс — это **рост свободы** «от», свободы вождельний, освобождение и раскрепощение, понимаемое просто как снятие всех и всяческих запретов и табу, тогда как в них, в сущности, и заложена основа человеческой культуры.

Для нас же прогресс — восхождение человека в развитии его способностей как созидателя, **рост его свободы «для»**, то есть его творческой энергии.

Эти два «прогресса» абсолютно несовместимы.

И встает вопрос: как обратить ложный прогресс вспять, как положить пределы этому извращённому, болезнетворному «прогресси́зму»? Как выветрить его из податливых умов наших детей?

Своя версия сбережения природы

По экспертным оценкам, Россия, обладая огромной долей мировых при-

родных богатств, имеет лишь 1,8% в мировом глобальном продукте и 0,3% в сфере высоких технологий.

Получается, что наши огромные ресурсы, а также всё ещё значительный интеллектуальный потенциал при существующей системе мирового распределения труда и собственности не работают на Россию.

Сложившийся на данный момент расклад сил и взаимоотношений должен быть изменён таким образом, чтобы российская природа являлась основанием российского цивилизационного прорыва.

Очевидно, что без перераспределения природной ренты, без корпоратизации, без сдвига от кланово-капиталистического к солидарному обществу здесь не обойтись.

Очевидно также, что от аномалии, закреплённой на конституционном уровне — частной собственности на природные ресурсы, — необходимо отказаться. Надо вернуть существовавшее в советском правовом

лексиконе понятие «общенародная собственность», эквивалент собственности государственной.

Доходы от сырьевого экспорта должны стать источником новой индустриализации страны и средством — как это ни парадоксально — ухода от сырьевой зависимости.

Именно этот вопрос является ключевым и главным для современной российской идеологии, а вовсе не насаждаемый извне дискурс «зелёной революции», которая есть не что иное, как значимая, а на данном конкретном этапе, пожалуй, и основная часть плана по мафиозному захвату «новым жречеством» власти в ведущих международных институтах.

Другой острейший вопрос, стоящий перед Русской цивилизацией, — необходимость отказа от модели мегаполисов, перехода к новой модели расселения в малоэтажном «городе-саде», к усадебной урбанизации наших пространств, к новому освоению брошенных территорий, спасению от обезлюдения провинции и регионов Дальнего Востока.

Антисистемные силы, используя и нагнетая фобии климатической катастрофы, внедряя квазирелигию вокруг идеи неискупимой вины человека перед беззащитной природой, лоббируя новейшие, в основном весьма несовершенные технологии «зеленой энергетики», — преследуют несколько целей.

Одна из таких целей ими уже достигнута: создана эффективная система по «выдаиванию» госбюджетов на программы экологических «лоббистов». На момент избрания президентом США Трампа масштаб «экологического спрута» в этой стране был уже настолько велик, что де-факто основная масса взносов в организации типа Planned Parenthood шла от правительства.

Другие их цели, ещё не достигнутые — остановка технологического развития, сокращение населения Земли, перевод большинства человечества на регулируемый сверху «экологичный» образ жизни, на синтетические «заменители еды», на использование

Для антицивилизации прогресс — это рост свободы «от», свободы вождельний, освобождение и раскрепощение, понимаемое просто как снятие всех и всяческих запретов и табу, тогда как в них, в сущности, и заложена основа человеческой культуры. Для нас же прогресс — восхождение человека в развитии его способностей как создателя, рост его свободы «для», то есть его творческой энергии. Эти два «прогресса» абсолютно несовместимы.

заведомо маломощной «чистой» энергетики и т.д.

Касается это и текущей политики, и конкретных денег. К примеру, недавнее введение Евросоюзом нового экологического налога (так называемого «углеродного налога») — более вопиющий пример колониалистского произвола, чем любые санкции Казначейства США.

У служителей мирового экологистского культа аргументация не сходится ни с физикой, ни с химией, ни с геологией, ни с астрономией. Так, они манипулятивно используют понятие «невозобновляемых» ресурсов — при этом умалчивая о ещё более редких ресурсах, которые потребляет «зелёная энергетика».

Исторически Россия берегает в себе нетронутые массивы дикой природы, это своего рода «лёгкие планеты». И Россия, наряду с Канадой и Бразилией, должна была бы особо считаться «донором хлорофилла», спасительного от якобы опасной для жизни углекислоты.

Однако это невыгодно глобальным «зелёным фондам» с их лицемерием, двойными стандартами и прямым лоббированием коммерческих интересов «своих» компаний.

Наше отношение к природе строится на идеях русского космизма, на учении о биосфере, которую призвана поддерживать и сохранить активно развивающаяся антропосфера, наделённая доброй волей и разумом. На идеале премудрости мироустройства, то есть понимании человека, общества, природы Земли и космоса как одного цело-

го, все перечисленные части которого важны.

Поэтому наша версия сбережения окружающей среды основывается не на предпочтении прав других видов жизни перед правом человека, а на активном преобразовании «дикого леса» в «сад», очеловечении и одухотворении природы.

Образ природной цивилизации в природной среде — органичное развитие, природоподобные технологии. За счёт применения «закрывающих технологий» мы сумеем свести к минимуму потребление ресурсов, за счёт новой индустриализации — решить проблему переработки практически всех отходов производства.

Человек способен помочь природе самой защищать себя. К примеру, чтобы избежать опустошительных лесных пожаров, нужно, чтобы природные массивы были ухожены, прорежены и доступны для людей и пожарной техники, а вовсе не оставались в девственном состоянии, как настаивают экологи.

Если дистанцироваться от Запада и транснациональных фондов с их назойливым экологическим прессингом в адрес других государств — многие народы с облегчением воспримут новую, предложенную Русским Ковчегом повестку **равновесной экологии**.

Эта повестка станет нашей программой по преодолению энтропии в природе, так же как мы будем преодолевать её в самом человеке и в обществе, в конечном счёте, стремясь к бессмертию по заветам Христа и по заветам русского космизма.

Античеловеческие культы подлежат разоблачению — и хотя бы поэтому Русская цивилизация могла бы собрать критические умы со всего земного шара, чтобы создать альтернативную Лигу сбережения ноосферы, которая заменит спекуляции верифицированными диагнозами и прогнозами, а запугивание и шантаж — решениями, достойными новейшего технологического уклада.

Своя версия демографического развития

Демографическая стратегия — это системообразующий фактор для идеологии России на данном историческом этапе. Это критическая задача № 1 — вплоть до того, что имеет смысл ввести в целях борьбы с этим кризисом режим чрезвычайного положения.

К сожалению, как и во многих других вопросах, Россия как государство долгое время послушно следовала рекомендациям демографов-антинаталистов, то есть противников поощрения жизнеродности коренного населения страны.

Западные ученые-антинаталисты постепенно вытеснили из общественного внимания взгляды, альтернативные их собственным. В частности, они скрывали тот факт, что так называемый «демографический переход» (якобы естественная депопуляция «развитых» обществ) связан не с индустриализацией и не с ростом богатства как такового, а с разрушением традиционного, христианского уклада и образа жизни, то есть упадком системы ценностей.

В современной демографической политике как России, так и других стран кардинально недооценён духовный фактор, воздействующий на волевое самоопределение людей.

Как показывают неангажированные исследования, основная мотивация в вопросах рождения детей связана не с материальными факторами, а с вопросом наличия воли к жизни, жажды жизни, наличия витальной силы в людях.

Наше государство и после 1991 года остаётся самой крупной

по территории страной, самой недонаселённой и нуждающейся в человеческих ресурсах. При этом продолжается отток коренного населения с Дальнего Востока в западные регионы страны, а также из провинции — в мегаполисы.

Угроза перенаселённости для России «актуальна» с точностью до наоборот. Программы, разрабатываемые транснационалами для остановки роста населения, — в отношении нас вопиюще неадекватны.

Но даже безотносительно особого положения России «демографическая революция», провозглашённая и защищаемая Дж. Соросом, представляет собой антинаучную, античеловеческую пропаганду Цивилизации Потопа.

Сорос, как и другие представители высшей мировой элиты, отстаивает право выбора гендерной идентичности, снятие всех половых запретов, декриминализацию проституции, депатологизацию транссексуализма, сексуальное образование на основе гендерного равенства, самоопределение и принятие пресловутого «разнообразия», право на аборт, свободу миграции и т.д.

Все это, вместе с пропагандой идеологии «прочойс», «чайлдфри», малодетности, упрощением процедур разводов, развенчиванием классического идеала «любви» и заменой его эгоизмом, — и составляет набор суицидальной «антикультуры» современного Запада.

«Суицидальная антикультура» уже внедрена в России, а на Западе господствует. У нас она воздействует преимущественно на молодёжь через массовую культуру.

Её, эту суицидальную антикультуру, стратегию угасания воли к жизни, стратегию «цивилизации смерти», стратегию «отрицательного роста», — нужно уничтожить.

В существующей сейчас социальной парадигме проблема демографического угасания страны является в принципе нерешаемой. Упущено золотое десятилетие, когда в возрасте материнства находилось достаточно большое количество женщин.

Тем не менее ситуация не является безнадежной, если смотреть на неё через призму новой идеологии, то есть радикальной смены социальной парадигмы.

Дело в том, что в утилитарно-потребительской среде вторичных торговых и финансовых услуг выращивается, как гомункулус в пробирке, типаж человека-одногодневки без индивидуальности, без личного будущего и, соответственно, без признаков пола.

В мелкооптовом мире растворяются и мужские, и женские черты, а личное самоутверждение либо гасится эйфоризирующими средствами, либо прорывается разовым, бессмысленным и также разрушительным эпатажем.

Человека-однодневку не интересует семья, ему неведомы и неинтересны те черты, которые делают человека мужчиной и отцом, женщиной и матерью.

Мужчины вырождаются, окружающая реальность феминизируется — но не к радости женщин. А отсюда — и непрочные семьи, и низкая рождаемость у вчерашнего народа — потрясателя мира.

Секреты возрождения мужчины, а через него крепкой многодетной семьи — новая индустриализация, уход от сырьевой ориентации экономики, открытие принципиально новых путей самореализации и роста у себя на родине, усадебная урбанизация, расселение народа из скученных «человекишек» по необъятным просторам страны вокруг новых инфраструктурных проектов развития.

Другой секрет повышения жизнеродности и органичности культа многодетности, который сегодня необходим России, — новая этика. Ибо, как показывает опыт религиозных общин, семья становится приоритетом и естественным очагом жизни при наличии вертикальных смысловых-жизненных установок.

Институт Семьи в Русской цивилизации будущего, в Пятой империи, вновь обретёт свой сакральный статус, а в плане общественном — получит поддержку и поощрение на уровне государства, в рамках чрезвычай-

ного демографического положения, включая:

- многоступенчатое обеспечение многодетных семей достойным жильём и пакетом льгот, целым комплексом мер по их поддержке как материально-финансового, так и морального, духовного характера;
- продвижение семейных ценностей и запрет на массовое распространение негативного по отношению к полноценной семье, контррепродуктивного мироощущения; и ряд других мер¹³.

Многодетные семьи коренного населения, носителей русского культурного кода должны быть элитой страны, символом цивилизации жизни, а не цивилизации смерти.

Семья является для России фундаментальной и символической моделью трёх космосов: устройства человека (в гармонии с самим собой), устройства общества (семья как его естественная ячейка, воспроизводящая общество)

и большого мироустройства, мироздания, в котором все родные другу другу, все связаны друг с другом.

Поэтому семья для Русской цивилизации сверхценна.

Своя версия развития информационных технологий

Современный человек, как бы ни была напичкана его жизнь хай-теком, деградирует и перестанет быть по сути человеком, если из среды, в которой он обитает (то есть из массовой культуры), вынуть породившее культуру ядро — сакральную традицию и высокую классику.

Такой «человек-оболочка», человек с дупловой картиной мира становится чистым, безупречным объектом. Он уже не представляет никакой ценности в качестве персоны, способной не то что к творчеству, но даже к неожиданным поступкам.

Маловероятно, что он окажется нужен великому Искусственному Разуму в роли батареек (забавная, неправдопо-

добная фантазия бывших братьев, а ныне сестёр Вачовски в фильме «Матрица»).

В своё время Маршалл Маклюэн, вводя разделение на горячие и холодные культуры, выступил вовсе не пророком новой великой эпохи «информационного общества», а жрецом внедрения индустрии попкорна, медиатипноза, массового «расслабления».

Проблема не в том, что технологии имеют собственное содержание и свой месседж, как учил студентов Маклюэн.

«Массируемый» субъект отлучается от того, ради чего существует культура со всеми её орудиями и технологиями, ради чего явился на свет он сам.

Субъект погружается в пассивную прострацию и превращается в абсолютный объект. В этом и заключается скрытый пафос идеологии новых жрецов массовой коммуникации.

Для России цифровые технологии не самоцель. Мир преобразуют технологии научные и инженерные, цифровизация же в качестве надстройки наделяет их новым качеством.

¹³ Подробно этот комплекс мер представлен в документе «Сбережение, развитие и приумножение нации» в сборнике трудов: Мы верим в Россию: От Русской доктрины к Изборскому клубу./Автор-составитель В.В. Аверьянов. — М., 2019. — С. 90–166.

Но высокотехнологичная надстройка может быть совершенно другой по своему содержанию и посылу, чем та, что нам подсовывают. Нам не нужен мир иллюзий! Нам нужна Мечта как творческое преобразование реальности!

Россия дала миру плеяду талантливейших программистов, значительная часть которых, к несчастью, работает теперь на глобальных интернет-гигантов и нарождающуюся инфраструктуру нетократии.

Сегодня мы переживаем критический момент в переходе к импортозамещению IT-продукции в госсекторе, что даёт надежду на создание масштабного рынка для IT-отрасли в России.

Русские таланты в этой сфере должны быть мобилизованы и консолидированы государством сообразно новой идеологии — нам нужен полный цикл суверенного информационного производства: от компьютерного «железа» до самых изощрённых операционных систем и интегральных программ. От инноваций в области телекомму-

никаций до «цифрового Транссиба», соборной сети, связывающей Россию в единый информационный организм не только территориально, но, в первую очередь, проектно, в духе Общего дела.

Для Русской цивилизации неприемлемо использование цифровизации как средства утверждения монополизма, как метода для смены суверенитетов государств на власть транснациональных информационных экосистем («государств поверх государств»).

Но это неприемлемое для нас и есть стратегия антисистемы, Цивилизации Потопа, стратегия, направленная на закрепощение человека и ограничение его возможностей, замену традиционной культуры цифровым суррогатом.

Чудовищность этого тренда в том, что если у людей в результате цифровизации исчезнет способность к образному и символическому мышлению, то они превратятся де-факто в биороботов, в придатки Искусственного

Интеллекта, даже оставаясь Homo sapiens по формальным признакам.

В позднем капитализме (так называемом «финансиализме»), с его господством спекулятивных денег и деривативов, поведение массового человека направлялось через индустрию рекламы и нормирование потребительского общества. Критерием успеха всё ещё оставалось обогащение.

С переходом на цифровую основу финансиализм превращается в так называемое «общество доступа», или «эксизм», в котором предпочтения человека, его выбор всё больше заменяются на автоматизированную привычку поступать по определённой алгоритму, то есть на нечто вроде искусственно сконструированного инстинкта.

Это мир не знания, а псевдознания, мир неявного, но при этом чрезвычайно эффективного управления поведением. И его принципы уже внедряются на Востоке и на Западе. В Китае эти тенденции просматриваются в системе социального кредита — возникшего,

что характерно, на базе систем по отслеживанию «кредитной истории» клиентов банков.

На Западе эти же тенденции проявляются в так называемом капитализме слежки и «алгоритмическом обществе».

Причём пока мы видим установление этого нового строя лишь в его первоначальной стадии, когда модель «искусственного инстинкта» как основы поведения человека ещё только намечена, но не реализована. Мы ещё только приближаемся к новой всепроникающей сетевой парадигме так называемого «интернета всего» (IoE).

Тем не менее уже сейчас заметны такие пугающие черты нового строя, как сбор подробнейших идентификационных данных о поведении человека, подавление его «скрытности», вторжения в пространство его свободного выбора («карты искренности», штрафы для нелояльных, ограничения для них, «чёрные списки», наращивание прозрачности всех жизненных отправок, поощрение доноительства, порождение «роевых коллективов», направляемых Искусственным Интеллектом, и т.д.).

Конечной целью такого развития видится всемогущий субъект социального программирования, который не только сумеет управлять поведением масс, но легко и безболезненно урегулирует все проблемы развития цивилизации, в том числе, так называемые «глобальные проблемы».

Уровень и качество потребления при этом будут зависеть от того, как решит управляющая система. В перспективе 5–10 лет, а затем, может быть, и меньше, общество будет утрачивать «память» о форматах потребления и образа жизни, какими они были раньше.

Из такого общества, как из мягкой глины, можно будет лепить всё что угодно. И «Великое Обнуление» новые жрецы рассматривают именно как средство дрессировки массы людей, превращения её в покорного и довольного жизнью коллективного болвана без исторической памяти, без представления о путях и целях развития.

Дупловитый человек, человек-голем не будет способен возражать или сомневаться, он будет свято верить в своё счастье и идиотической радостью радоваться жизни такой, какой ему позволяют жить.

Является ли такой сценарий «конспирологией» и наговором на транснационалов? Судя по очень многим признакам, а также откровенным признаниям некоторых из идеологов нетократии — он не является таковым.

К тому же времени сомневаться в этом и выяснять, насколько страшна эта угроза, у нас нет. Пока мы убеждаемся в её серьёзности, сама эта угроза из замысла и плана стремительно переходит в реальность.

Знаком наступления эпохи доминирования социальных платформ и информационных экосистем стал сюжет американских выборов 2020 года, борьба Трампа и Байдена. На этот раз власть сетевых медиа приобрела уже тотальный характер, перевесив на чаше весов все остальные, кажущиеся традиционными и классическими орудия политики.

Однако вопреки Маклюэну технологии не добры и не злы. И мы не собираемся выступать в роли цифровых луддитов XXI века.

Информационные инновации и Искусственный Интеллект в Цивилизации Ковчега, которой мы призваны стать, позволят сделать государство дешёвым, невидимым и при этом гармоничным, избавят управление от ошибок, вносящих в общественную жизнь дисгармонию.

Реальный суверенитет уже в самое ближайшее время обеспечивается не только военной силой и суверенной финансовой системой с валютной эмиссией, но и наличием собственных интегрированных информационных соцплатформ.

Острым и тонким местом нашей идеологии является как раз этот пункт: суверенитет Русской цивилизации будет базироваться на ином русле информационного развития, в том числе, на создании технической альтернативы нынешнему интернету.

У России уже есть свои социальные сети, что делает её положение уникальным: мы имеем технологические предпосылки полноценного суверенитета и теоретически можем его достичь.

Для этого надо превратить соцсети в соцплатформы, то есть начать системно использовать их как инструмент управления, и постепенно, не мешкая выстроить собственную цивилизационную IT-архитектуру.

У большинства других стран таких технологических возможностей нет, и поэтому они, чтобы не оказаться на обочине VI технологического уклада, будут вынуждены присоединяться к чужим экосистемам.

На решающем этапе перехода к новой идеологии, возможно, придётся вступать в войну с глобальными соцплатформами, поскольку вопрос о суверенитете является главным и определяющим и для нас, и для них.

России на этом переходном этапе придётся как блокировать интернет-гигантов, не соблюдающих наши за-

Новые жрецы рассматривают «Великое Обнуление» именно как средство дрессировки массы людей, превращения её в покорного и довольного жизнью коллективного болвана без исторической памяти, без представления о путях и целях развития. Дупловитый человек, человек-голем не будет способен возражать или сомневаться, он будет свято верить в своё счастье и идиотической радостью радоваться жизни такой, какой ему позволяют жить.

коны, так и самой осуществлять частичный выход из глобальной сети, которая в новых условиях всё больше напоминает «данайский дар» для тех держав, которые являются её пассивными клиентами.

Нельзя игнорировать и такой вопрос, как формирование мировых альтерглобалистских платформ — разветвлённая сеть антитранснационалов могла бы развиваться под покровительством Цивилизации Ковчега по всему миру, в том числе и на самом Западе.

Ресурсы и возможности Империи, государства-цивилизации, даже с учетом падения доли ВВП России и стран СНГ внутри мирового хозяйства, огромны и несопоставимы с ресурсами самых крупных ТНК.

Во всяком случае, пока это всё ещё так. Необходимо лишь проявить политическую волю — не пожалеть средств, не поскупиться на обеспечение безопасности наших платформ.

Задачу эту будет ещё проще решить в содружестве с другими мощными геосубъектами, такими, например, как Индия.

Партнёрами такого содружества, а также его политическими попутчиками в данном конкретном аспекте информационного развития, то есть его монополизации, — станут очень многие народы и государства.

Польза для всех сторон — участников подобного союза будет огромной — измеряться она будет, в частности:

- неуязвимостью перед ключевыми методами современной гибридной войны
- самостоятельностью на рынке систем информационной безопасности
- независимостью от монополизированных соцсетей, внедряющих повестку, чуждую странам-мишеням и подвергающих инакомыслящих по всему миру всё более жёсткой цензуре
- способностью создать «чистые» экосистемы, без засилья спама, флуда, порнографии, контента, неприемлемого для детей, пропаганды низменных и деструктивных культов Цивилизации Потопа и т.п.

- созданием конфигурации платформ на языках держав-союзников с избытком ценной информации — начиная от крупнейших мировых библиотек, фонотек, видеотек и заканчивая специальными программами по поиску необходимой в практическом плане деловой, научной и технологической информации

Словом сказать, Русский Ковчег призван поднять знамя цифрового антиколониализма.

Если этого не сделать сейчас — транснациональные гиганты через сравнительно небольшое время могут действительно превзойти по своей реальной ресурсной мощи государства-цивилизации, а значит, и запретить для них возможности прорыва к Большому Развитию — альтернативе «цифровому потоку».

В конце концов, нам предстоит построить не информационно-цифровое общество, а **Социум Знания**, использующий все самые совершенные технологии.

Для того чтобы информация превращалась в знание, необходимо осуществлять целый ряд преобразований, обеспечивающих не только равный и эффективный доступ к данным, но также и их критическую оценку, содержательную сортировку и фильтрацию.

Важным элементом информационной контрреформации станет ставка на сакральное ядро картины мира — то есть определяющим для нового типа общества будет не научно-кибернетическое мировоззрение, а мировоззрение с духовной культурой в своём стержне.

И системы управления, и основные институты общества, и его хозяйство в культуроцентричном русле развития преобразуются в **синтетическую инфономику**, функционирующую на новых принципах, радикально отличающихся от капиталистических.

Главным и определяющим принципом инфономики станет замена в управлении информационными потоками целей иерархических — целями кооперативными, симбиотическими.

Инфономика быстро станет фактором международного геостратегического влияния.

При этом, вероятно, ей придётся бросить вызов транснациональной нетократии как своего рода мутанту позднего капитализма, адаптирующего новый информационный уклад под свои прежние паразитические установки.

О построении инфономики как базиса будущего солидарного общества см. главы 7.2–7.3.

6. В ПОИСКАХ ЗАВЕТНОЙ ФОРМУЛЫ

Нащупывая образ-идею того государства, построение которого объявит своей целью наша идеология, мы вбрасываем в общественное сознание следующие формулы:

- имперский национализм с ключевым лозунгом «Один народ — одна судьба — одна победа»
- социальная правда и солидарное общество с лозунгом «Совесть — соборность — будущее»
- социальный или динамический консерватизм как идеология Общего дела.
- Государство Развития как перспективная модель организации жизни в XXI веке
- в нашу идеологию включаются существенные элементы христианского (православного) социализма
- а также идеи русского космизма и тесно связанного с ним ноосферного социализма
- значимой для идеологического самоопределения цивилизации становится в наше время, в условиях резко обостряющегося эпохального мирового кризиса, символика построения Русского ковчега

К концу XX века, после крушения «красной империи», у нас фактически не было государства.

Но были живы два праведника — старцы Иоанн (Крестьянкин) и Николай Гурьянов. В разгар Смуты выдвинулись полководцы Владимир Шаманов и Геннадий Трошев.

Дух России перебарывал Смуту, народ «переваривал» её в лице своих святых и героев.

Так, несмотря ни на что, началось сотворение Пятой Империи.

Ядовитая гипотеза о смерти всех империй, этот своеобразный аналог мифа о «конце истории», будучи удачно применённой как инструмент демонтажа восточного геополитического блока и СССР, оказалась сама по себе мимолётной иллюзией.

Чаще всего понятие империи выступает как политический псевдоним самостоятельной цивилизации. В этом смысле империи могут быть и монархическими, и республиканскими, и демократическими.

Вопрос не в том, нравится ли кому-то именоваться империей, или не нравится. Вопрос в другом: в том, что цивилизация при её нормальном развитии не может не быть «некоторой» империей, поскольку так или иначе объединяет вокруг себя разнообразные культурные миры.

Тезис о «конце всех империй» был справедлив по отношению к западным колониальным империям Нового времени, поскольку западный человек разочаровался в них, убедительно продемонстрировав себе и всему миру свою «имперскую несостоятельность».

Наша историческая система подтягивает другие народы до уровня культуры титульного имперского этноса. Это признак высокой, благородной империи.

Напротив, «варварские империи», к которым вопреки принятой сегодня терминологии относились центры работорговли позднего Средневековья, колониальные империи Нового времени, Третий рейх или нынешние США, бесцеремонно эксплуатируют народы периферии в интересах метрополии.

В Русской цивилизации многие народы образуют симфонический народ — Народ народов. Имперский ступок обладает колоссальным запасом исторической энергии, наделяет этой энергией все составляющие его народы.

Отдельные народы могут уходить из империи, вновь возвращаться. При этом имперский ствол остаётся незабытым.

Россия собрала и сплотила многие этносы в многоликую евразийскую общность. Все они приобщились единому цивилизационному потоку.

Их основные нормативы, культурные и этические, сегодня близки, созвучны, а сами народы испытывают взаимное притяжение, взаимное проникновение и познание. В этом отличительная черта евразийской цивилизации.

Без евразийского вектора Русский мир был бы обречён на ту или иную форму этнокультурного и религиозного изоляционизма. Без Русского мира евразийская общность представляла бы собой в течение многих веков «пустое множество».

Россия представляет собой сверхнациональную общность — в этом смысле она выработала мировую модель сосуществования культур, более того — не просто сосуществования, но неслиянно-нераздельного их симфонизма, братского соцветия.

Не все народы России в равной мере и не все с одинаковой скоростью, но однако же они соединялись в единый сплав, в симфонический имперский народ.

При этом сами их культурные миры внутри **многонародного сверхнарода** не нивелировались, не унифицировались в нечто безлико-деэтнизированное, как это происходило бы в пресловутом «плавильном котле».

Залогом востребованности этой модели в будущем является именно имперская, политическая гарантия сбережения и воспроизводства входящих в неё народов, их культурной и нравственной идентичности, их традиционных ценностей, их права на самобытность и своеобразие.

Однако целью и реальным интегратором русской сверхэтнической нации, состоящей более чем из 190 этносов, может быть только Общее дело, Большое Развитие с участием всех и во благо всех.

Отсутствие же Большого Дела, консолидирующей идеи и задачи, подмена их частными интересами и мнимыми свободами личности способны разрушить не только симфонический многоэтнический народ. Без Общего Дела рассыплется даже этнически однородный народ. В прозябании, разобщённости, в мироустройстве, где каждый сам за себя, все перессорятся, отвергнут и проклянут друг друга.

Существование пульсирующего, растущего симфонического народа, сверхнациональной нации, создающей мощное поле тяготения, гравитацию Русского мира, — и есть историческая форма бытия России.

Важнейший идеологический постулат государства Российского в его росте, в его подъёме — **Один Народ**.

В нашей великой и трагической истории отсутствуют периоды, которые надо вычеркнуть, искоренить из памяти. История непрерывна.

Единственное, что надо исключить в будущем, — это сами Смутные времена, «чёрные дыры», смертоносные воронки самоотрицания, в которые падает государство, а вместе с ним и нация.

Для России как империи и как народа такого рода погружение в небытие до сих пор было временным, мы вновь и вновь выныривали из собственной смерти и воскресали в истории.

Разным языком, созвучным каждой эпохе, провозглашалась наша Мечта. Сберегать её, нести как путеводную звезду — было судьбой народа, и народ переносил эту Мечту через все провалы истории.

Эта волевая творческая Мечта с целями и образами Общего Дела была воскрешающей силой, творила из праха новое государство. Пролетала русский путь, чтобы «свеча не погасла». Мечта и тяга к будущему сращивала исторические разрывы, сберегала единый световод русской истории.

Судьба — проносить свою мечту через все невзгоды, судьба — принимать историю всю целиком, с её победами и поражениями, плахами и космическим взлётом Гагарина...

Всё это наше, неотъемлемо для всех и во все века. Таков второй идеологический постулат в имперской триаде — **Одна Судьба**.

Мечта — это Победа. Царствие Небесное — это Победа. Недаром на Распятии, попирающем ад, греческими буквами выведено слово «Победа».

Эта высшая Победа, Победа побед, складывается из бесчисленных одолений, из побед, одержанных народом на пути к Мечте.

Это и военные победы, самые малые, уже забытые. И великие победы на священных полях России.

Это и освоение льдов и пустынь, строительство великой цивилизации: заводов, городов, космодромов, научных центров, создание «ядерного щита».

Это победы, которые одерживает отдельный человек, одолевая в себе зверя, запечатывая тьму, открывая дорогу к свету, побеждая в «невидимой брани». Преподобный Сергей Радонежский, Лев Толстой, Николай Фёдоров, все они — победители.

Все победы вливаются в Победу побед, становятся одной лучезарной Победой. Третий постулат русской идеологии — **Одна Победа**.

Так звучит **сакральная триада русской идеологии, формула которой разработана Александром Прохановым: «Один Народ — Одна Судьба — Одна Победа»**.

Другой значимой триадой нашей идеологии является: **«Социальная правда — достоинство человека — развитие цивилизации»...**

Три этих компонента принципиально совместимы. Идеологи, уклоняющиеся от такого синтеза, стремящиеся его обойти, — лицемерят. Близка этому по смыслу и удачна по звучанию формула, предложенная Георгием Малинецким: **«Совесть — соборность — будущее»**.

Социальная правда включает в себя в качестве стержневого идеал справедливости.

Общество, построенное на принципах справедливости и солидарности, вовсе не предполагает запрос на тоталитарный уравнилельный коллективизм, что часто приписывают русским несведущие «эксперты». Напротив, это идеал народа, нации как Большой Семьи.

Справедливость почему-то многие относят к «левым» идеям. Однако узурпация здесь невозможна.

Русский консерватизм, основанный на духе православной цивилизации, на общинном строе народа, на понятии русской правды, также видит в справедливости стержневое понятие бытия.

Социальный консерватизм — это идеология общего дела на общее благо. Сопряжённый с идеей развития, идеей будущего цивилизации социальный консерватизм становится динамическим.

Идея и формула **динамического консерватизма** всесторонне разработана в философской теории Виталия Аверьянова.

Это не воспроизведение того, что происходило раньше, не самоповтор, а регенерирующая сила цивилизации. На практике это означает, что преобразование России противоположно «стабильности» или стагнации.

Такое преобразование возможно на основе соединения русского культурного кода и представлений о социальном и технологическом прогрессе.

Кроме того, динамический консерватизм — это свойство цивилизации не только сохранять своё «я» в истории, изменяться, не изменяя себе, — но и учиться выживать и развиваться в сложных, неравновесных, хаотических условиях, в режиме от-

крытых и скрытых вызовов, временных смут и подмен.

Ещё одно из имён такого синтеза, который является необходимым и насущным для России, — технократический традиционализм.

Новая идеология изначально является интегрирующей, синтетической.

В качестве наглядного и поучительного аналога подобного синтеза можно привести новый социально-экономический уклад, вырастающий в Китае, Юго-Восточной Азии, Индии.

Этот уклад сочетает постиндустриальную экономику, капитализм и социализм.

Будет ли новый строй России, Русского ковчега повторять в чём-то опыт современного Востока? Это наверняка так. И в то же время русская версия развития будет отличаться от версии Китая или вырвавшихся в технологический авангард «тигров» Индокитая.

Однако пока речь идёт о другом: мы ещё не вступили на путь создания своей парадигмы нового интегрального строя, мы, по выражению академика

Глазьева, застряли в качестве сырьевой периферии сразу двух мировых центров — уходящего старого и формирующегося нового, между которыми идёт мировая гибридная война.

В обобщённом виде этот новый интегральный строй может быть определён как **Государство развития**.

Его главные черты — сочетание плана и рыночной самоорганизации, пресечение активности тех агентов рынка и финансовых отношений, которые дестабилизируют экономику, чтобы получить сверхприбыль за счёт всех остальных.

То, о чём мы сейчас говорим, — это именно идеология, то есть принципиальный регулирующий общество механизм. Идеология Государства развития предполагает не ущемление прав собственников само по себе, а контроль за устойчивостью социально-экономической системы.

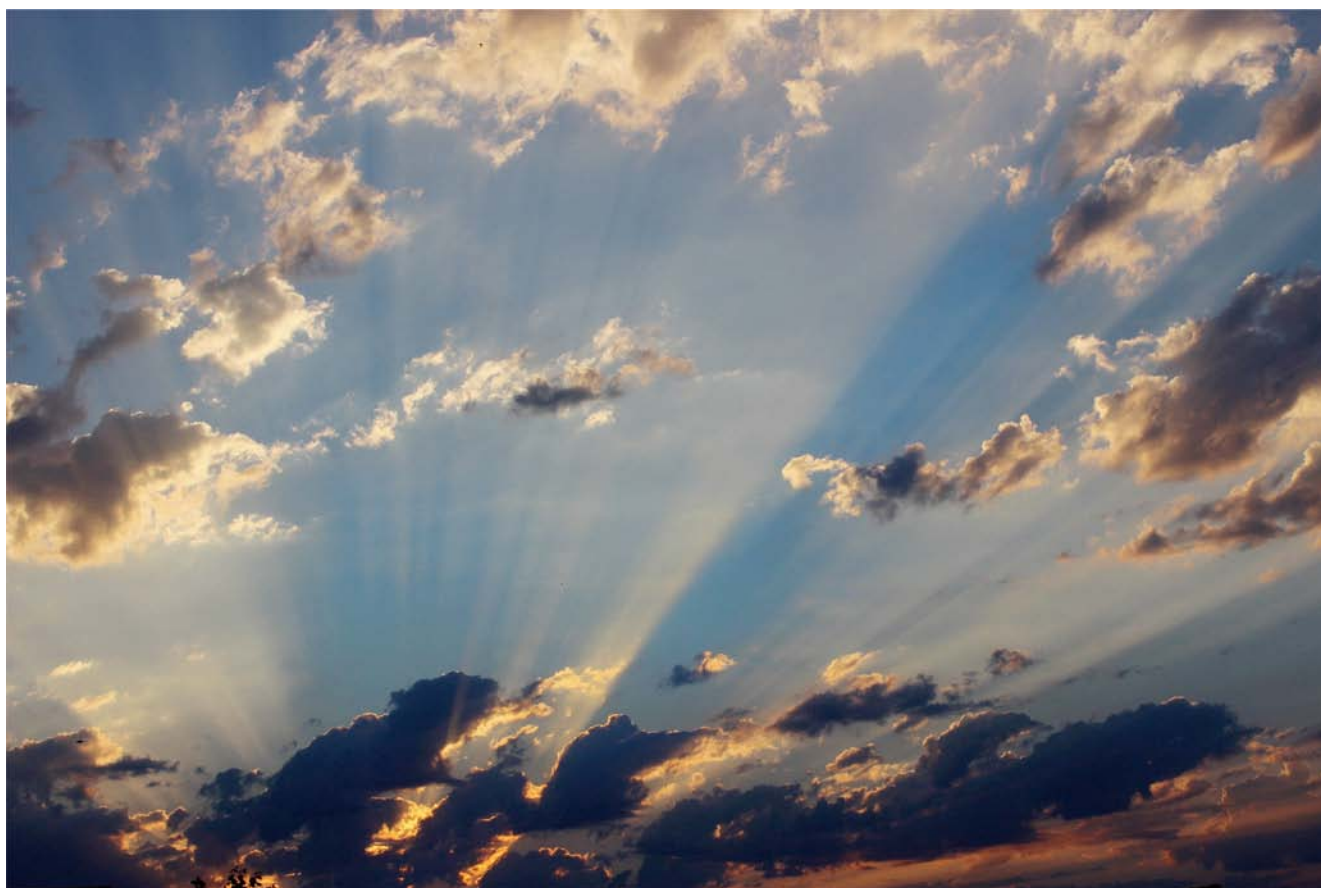
Для добросовестных собственников, развивающих производство и технологии, а также обеспечивающих занятость, в рамках интегральной модели

нового мирохозяйственного уклада предоставляются неограниченные ресурсные возможности, гибкая система кредитования, другие льготы и преференции.

Государство развития — это принципиально новый тип государства, которого не было в предыдущую историческую эпоху, ни в советской редакции, ни в американской, ни, тем более, в предыдущих формациях.

Данный интегральный строй, — некоторые предлагают называть его «ноосферным социализмом», — имеет колоссальное цивилизационное многообразие. У каждой цивилизации будет свой, уникальный вариант Государства развития, своя версия VI технологического уклада. И это кардинально отличает его от складывавшихся ранее мирохозяйственных укладов.

Многие из наших экспертов справедливо указывают на глубокие корни создаваемой новой идеологии, уже проросшие в нашей исторической традиции. Обращаясь к этим идеям,

мы осуществляем собирание себя в истории и в культурной памяти.

Это такие идеи, как:

- национал-большевизм, с его «синтезом левой экономики и правой политики», как это представлено в теории Александра Дугина
- соединение социализма и православия (христианский социализм)
- идеи русского космизма, выросшего из учения «общего дела» Николая Фёдорова, — авангардная философия, имеющая огромный жизнестроительный потенциал
- исторические идеи и символы, такие как Третий Рим, Удерживающий, Священный союз Алек-

сандра I, ялтинский миропорядок Сталина, — всё это можно рассматривать как звенья единой цепи, своего рода эстафету Русской цивилизации, которая должна быть продолжена

- высоким воплощением этой плеяды «русских идей» является сакральный символ России как нового Ноева Ковчега, выходящий, впрочем, за цивилизационные границы, — способный стать знаменем для всех людей, руководствующихся в своей жизни законом совести и доброй волей. (Подробнее мы коснёмся миссии России как ковчега в заключение нашего доклада.)

7. КОНТУРЫ ОБРАЗА БУДУЩЕГО

7.1. Образ общества

Глубокий раскол современного российского социума во многом обусловлен явно гипертрофированным, уродливым уровнем неравенства, когда одна часть общества погрязла в бесконечной гонке гламурного потребления, а другая — в борьбе за физическое выживание.

В России построено «общество двух третей наоборот», уже устоявшийся непотребный уклад, в котором две трети населения — бедняки¹⁴.

Теневая занятость и теневые доходы, скрытые факторы выживания

¹⁴ С 1990 по 2018 год индекс Джини (показатель распределения доходов по всем группам населения) вырос в России с 0,24 до 0,401, а децильный коэффициент (соотношение доходов самых богатых и самых бедных) возрос с 8 до 14,5. Индекс Джини по накопленному богатству в РФ совершенно запределен и составляет, по разным подсчётам, от 0,83 до 0,88. По данным Global Wealth Report за 2019 год, на долю самых богатых 1% россиян приходится 58,2% всех личных активов в России. Это позволило маркировать Россию как страну с самым высоким имущественным неравенством среди 40 наиболее экономически значимых государств мира.

лишь усугубляют отчуждение — делают лицемерие и двойные стандарты своего рода регулятором и негласным законом социальной жизни.

Как мы уже говорили выше, наш идеал прямо противоположен этой модели — мы призываем построить солидарное общество, с сильными социалистическими элементами.

Такое общество будет ориентировано не на утилизацию человеческого «материала», а на его прогресс и развитие.

К принципам солидарного общества (по определению белгородского экс-губернатора Савченко) относятся: общее дело; общая собственность; контролируемая государством финансовая система; духовность, понимаемая не чисто конфессионально, а как признание всем народом, что Бог один у всех и, посредством совести, говорит с каждым человеком.

Главным механизмом формирования солидарного общества является корпоратизация, призванная разрешить противоречия между частной и государственной собственностью — при сохранении многоукладности.

Это **солидарное рыночное государство-корпорация**, где все граждане являются ассоциированными собственниками значительной доли национальных активов (основного массива активов данного государства-корпорации).

Капиталистический уклад не будет уничтожен, но станет частью большого уклада, в котором ведущее место займут солидаристские формы.

Это будет корпоратизм не отдельных семей (что означало бы клановость и квазимафиозные структуры), а корпоратизм большинства.

Институционально солидарное общество строится через развитие форм «народного предприятия», через «участие в прибылях» работников¹⁵.

Второе направление развития солидаризма — государственное — должно будет выразиться в полити-

ке по снижению цен на товары регулярного потребления. Через низкие цены все граждане станут участниками общенародного процветания.

Резко возрастёт роль учёных, педагогов, экспертов, то есть ведущим в обществе станет меритократическое начало. Знания и способность к полезной кооперации внутри социума станут критерием социального статуса и мощнейшим политическим фактором.

Специально создаваемые из компетентных экспертов общественные органы смогут осуществлять аудирование всех без исключения действий и решений чиновников, судей, корпоративных управленцев и должностных лиц.

Слой управленцев будет находиться под смыслократическим «народным контролем» — это приведёт к регулярной ротации кадров в системе управления, а также к резкому повышению качества принимаемых решений.

Структурно меритократия может формироваться на основе общенациональной системы Сообщества Университета как институций, охватывающих все области знания (государства, культуры, науки, религии) и воплощающих идеал бесконечного образования.

На первый её уровень сможет взойти любой человек, невзирая на возраст и статус, начав формирование своего персонального профиля образованности по любой из программ по любому из заданных направлений.

Ступенчатая организация Сообщества Университета позволит осуществить отбор и мотивацию специалистов и профессионалов высокого класса во всех областях производства, экономики, техники и науки, обеспечить лучшими кадрами весь средний уровень руководителей.

Высший же уровень этого Сообщества — орденский — станет институтом воспитания элиты общества, что, соответственно, потребует не только тщательного отбора, но и определённого самоотречения каждого гражданина, готового на него взойти.

Самый высокий уровень общества — уровень непосредственно элиты, руководителей высшего звена государства, организаций религиозных, а также науки, культуры — может именоваться Академией.

Вероятно, на первом этапе Сообщество Университета будет эволюционно прорастать сквозь существующую систему образования и кадрового отбора управленцев, и оба контура будут существовать параллельно. Но постепенно, начиная с высших ступеней организации, вся страна, всё общество начнут обращаться в единый организм всеобщего образования и человекостроения, которое в нашем понимании не сводится к педагогике детей и подростков, но соотносимо с жизнью и судьбой человека на всём их протяжении.

Ротация внутри Сообщества Университета, связанная с критериями

Солидарное общество, с сильными социалистическими элементами будет ориентировано не на утилизацию человеческого «материала», а на его прогресс и развитие. Это солидарное рыночное государство-корпорация, где все граждане являются ассоциированными собственниками значительной доли национальных активов (основного массива активов данного государства-корпорации).

¹⁵ Здесь возможны и модель акционерного общества, и модель русской артели (трудовые паи и доли), и модель М. Чартаева (работники как собственники-совладельцы), и др.

продолжающегося самообразования и неусыпного творчества, не позволит академической верхушке застояться и превратиться в замкнутую обособленную среду, постоянно рекрутируя в неё новые, в том числе молодые, таланты.

Таким может быть подлинно справедливым и духоподъёмное утверждение меритократии как нашей альтернативы западным планам построить новое кастовое общество нетократии, или в китайском варианте — иерархическое общество «системы социального кредита».

Предъявив образ будущего, отвечающего народным чаяниям, и связанный с ним Большой проект развития, государство создаст основу для формирования нового общественного договора.

Корпоративно-солидаристская модель гораздо больше отвечает грядущему технологическому укладу и соответствующему ему типу хозяйствования — инфоэкономике, — нежели известные до сих пор социальные модели.

Старый уклад исчерпал себя на социальном и этическом уровнях. Прибыль как цель общества при современных технологиях делает людей лишними и требует самоуничтожения человечества. Этот уклад и его система ценностей должны быть преодолены.

Ориентиром развития дела в солидаризме будет не прибыль, а польза — как польза конкретных лиц, их благосостояние и успех, так и польза коллективов, предприятий, всего социума.

В солидарном обществе существенная доля богатства будет относиться к общенародной собственности; системообразующие отрасли и экономические структуры будут государственными; при этом государство будет всячески поддерживать инициативы в других сферах экономики и общественной жизни.

Ещё не до конца ясным для нас свойством нового высокотехнологичного солидарного общества станет своего рода сращение социальных и экономических институтов в единые гибридные формы.

(Почему и сама идея инфоэкономики не является чисто экономической или чисто социальной, но объединительной для этих сфер, преобразующей их.)

7.2. Образ экономики

Навязанную России модель открытой экономики, равно как и идею о встраивании в чужие цепочки создания стоимости, следует отринуть как ложные и вредные для нас.

Россия имеет шанс вырваться вперёд в своём технологическом и экономическом развитии, если отвяжется от порочной модели позднего капитализма и не сползёт на путь слепого следования по стопам новых моделей нетократии и так называемого инклюзивного капитализма.

Образ будущей России — самодостаточная, многоукладная экономика с максимально замкнутым воспроизводственным циклом и ставкой на высокотехнологичный сектор, для подъёма которого в качестве его инфраструктурной и производственной базы необходима реиндустриализация.

Россия в силу своих размеров (и территории, и набора ресурсов, и численности населения) — одна из немногих стран мира, которая должна в большей мере ориентироваться на квазиавтаркию, развитие с опорой на собственные силы.

В последние годы эта идея становится всё более актуальной (санкции, пандемия, усиление протекционизма развитых стран, торговые войны и пр.).

Делать это надо в рамках развития евразийской интеграции, методами гибкого, но последовательного протекционизма, то есть через создание защищённых, гарантированных рынков

сбыта для российских производителей и их партнёров по объединению¹⁶.

Сами рамки евразийской интеграции необходимо значительно раздвинуть за пределы постсоветского пространства, имея в виду включение в объединение других крупных игроков, таких как Иран, Индия, а также, возможно, Япония, Турция, отдельные страны Индокитая, Латинской Америки и т.д.

Сегодня среднемировые темпы развития экономики упали. И теоретически, при правильной политике, Россия вполне может в течение длительного времени устойчиво обеспечивать свой экономический рост темпами, значительно превосходящими среднемировые.

Как мы уже отмечали выше, системообразующие отрасли экономики должны быть государственными, госсектор внутри преимущественно двухсекторной экономики будет преобладать.

(Под госсектором понимаются и государственно-частные партнёрства, и акционерные общества с преобладающей долей государства.)

Роботизация позволит смягчить последствия разразившейся в России демографической катастрофы (нехватки рабочих рук) и создать у себя как можно больше производств товаров и изделий самого широкого спектра.

Производство, в том числе и автоматизированное, выступит конечным заказчиком для образования и науки. Вокруг новых предприятий всегда расцветают культурные, торговые и транспортные структуры, развивается сфера досуга.

Производя по максимуму всё у себя в стране, мы максимально обеспечим работой собственных граждан. И при этом мы не вывозим рабочие места в тот же Китай, чтобы тем самым не импортировать к себе безработицу и угасание.

¹⁶ Протекционизмом нас долгое время пугали либералы, и можно уверенно сказать, что это делалось намеренно, во имя внешних, чужих интересов. Ведь ещё никто в мире не сумел подняться как великая промышленная держава, не используя покровительственного курса — «экономического национализма».

Важным элементом новой модели — Государства развития, о котором мы говорили в 6-й главе, — является госконтроль за денежным обращением, при котором деньги являются инструментом авансирования экономического роста, повышения конкурентоспособности, финансирования инвестиций.

Денег создаётся ровно столько, сколько нужно для экономического развития, и их создание не вызывает инфляционного эффекта, поскольку их вложение направлено вдоль производственных линий.

Оптимальным методом разрешения противоречий между частной и государственной формами использования национальных богатств является корпоратизация, позволяющая максимально справедливо (в равной доле) распределять их между всеми гражданами страны, где дольщиками могут быть как граждане, так и их объединения, а также уполномоченные органы государственной власти.

В современных условиях национальные финансово-экономические системы государств должны быть организованы так же, как организована система обеспечения безопасности государства в отношении военных угроз.

Необходимо осознать, что страны, использующие в международной торговле валюты, подконтрольные мировой финансовой олигархии, являются латентными колониями.

В солидарном обществе будет подвергнут ревизии неоправданно раздутый функционал денег, для того чтобы ограничить их спекулятивные функции. Такие функции денег, как кредит, накопление и «мировые деньги», могут быть существенно ограничены с помощью введения так называемого «демерреджа» (плата «за простой» финансов, налог на деньги, находящиеся вне оборота).

Экономику нового технологического уклада и передового интегрального строя неверно называть «цифровой» —

именно поэтому мы называем её информационной, сетевой экономикой (инфономикой).

В грядущем укладе передовой станет сила, которая первой создаст полноценную инфономику, в том числе, научится формировать на её основе финансовые активы, тогда как государство с её помощью сумеет создавать сверхдешёвые финансовые капиталы.

Инфономика будет базироваться на реальном секторе, а не паразитировать на нём — воображение, знание, изобретение будут конвертироваться в реальный продукт, а не в спекулятивные «пузыри» и финансовые пирамиды.

Инфономика будущего коренным образом связана с солидарно-корпоративным укладом, поскольку она будет направлена на пробуждение творческой активности широких масс, возрастание нового инновационного класса.

Капитализм по своей природе несовместим с инфономикой, поэтому

ему позарез необходимо не допустить её пришествия, для чего он ускоренно внедряет технологии управления сознанием и тотального контроля («умные цифровые технологии», «умные города» и т.д.).

В оптике крупного капитала цифровая экономика строится на торговле человеческим вниманием к воображаемым сущностям — то есть обслуживает паразитирование капитала на глобальной системе управления и регулирования.

В существующей ныне системе отношений цифровизация направлена, в первую очередь, на перераспределение, а не на производство ресурсов.

Один из секретов инфономики состоит в том, что главным заказчиком её продуктов будет вовсе не потребительский рынок, а быстрорастущий рынок систем управления и распределения.

Так называемый Искусственный Интеллект, который как философская

категория представляет собой фикцию, вместе с тем является не чем иным, как программно-аппаратной реализацией функции управления, то есть своего рода высокотехнологичным аналогом узлов человеческого управления, замещаемых информационной машиной.

Социальное программирование, в том числе, планирование, распределение, насыщение и удовлетворение потребностей в инфономике позволит обойти огромное число ненужных издержек, лишних звеньев и посредников, перекупщиков, коррупционеров.

Потенциал экономии на транзакциях и поиске контрагентов, на избавлении производителя и инноватора от паразитической нагрузки делают инфономику сопоставимой с тем, что Карл Маркс говорил о хозяйстве коммунизма.

Главным для экономики в целом станет не денежная прибыль пред-

приятий, а постоянное и планомерное снижение себестоимости продукции.

Снижение себестоимости неминуемо приведёт к бурному развитию науки и технологий, а также станет условием для снижения цен при росте покупательной способности денег.

Система государственного и муниципального управления подвергнется автоматизации и будет включена в расширенную (в пределах — общенациональную или даже международную) экономическую экосистему.

Своевременный переход на принципы инфономики позволит добиться рекордных темпов роста и переломить ситуацию с пока ещё неуклонным падением доли России в мировом хозяйстве.

Создание же торгово-экономических и технологических союзов с другими державами (см. главу 7.5.) ускорит наш рост.

В отличие от капиталистических методов конкуренции победа передовой инфономики будет зиждиться на принципах симбиоза и партнёрской взаимодополнительности; поглощение вчерашних конкурентов на рынке перестанет быть делом войны, а превратится в дело целесообразной кооперации.

Однако, несмотря на такой оптимизм, следует помнить и о том, что доминирование в будущем гармоничной, созидательной инфономики не гарантировано.

7.3. Образ технологического развития

Для начала дадим определение того, что мы понимаем под Большим Развитием.

Большое Развитие — это такое развитие, которое в опоре на мощнейшую технику не снижает, а исторически постоянно увеличивает возможности человека как субъекта антропосферы, в том числе, каждого отдельного человека в качестве гармоничного и ответственного хозяина созидательных процессов в культуре, экономике, социуме, а также в природе и космосе.

Иными словами, речь идёт о постоянном комплексном совершенствовании человека и общества, направленном на уменьшение социальной и физической энтропии в окружающем мире и внутри самого человека.

Такое понимание развития соответствует и идеям христианского социализма, и идеям русского космизма, а также ноосферного социализма.

Каждая цивилизация имеет свою политэкономиию, политэкономические формации специфичны в связи со спецификой культурных типов. Поэтому и ответ на вызов зарождающегося VI технологического уклада у разных цивилизаций будет неодинаков.

Если Цивилизация Потопа сумеет удержать инициативу, на смену капиталистическим монополиям придёт транснациональная нетократия, которая навяжет всем свой формат «информационного общества» и ввергнет мир в парадоксальную реальность эпохи «цифрового неокOLONиализма».

Если Цивилизация Потопа сумеет удержать инициативу, на смену капиталистическим монополиям придёт транснациональная нетократия, которая навяжет всем свой формат «информационного общества» и ввергнет мир в парадоксальную реальность эпохи «цифрового неокOLONиализма». Зловещие же измышления в духе Жака Аттали о создании благоденствия для меньшинства при новом кастовом порядке, манипуляции массами и тотальном контроле, остановке индустриального и технологического развития — окажутся пророческими. Без активной России (России как Ковчега) мир рискует скатиться именно на такой путь.

Она заблокирует развитие той естественной модели (инфономики), о которой мы говорим.

Зловещие же измышления в духе Жака Аттали о создании благоденствия для меньшинства при новом кастовом порядке, манипуляции массами и тотальном контроле, остановке индустриального и технологического развития — окажутся пророческими.

Без активной России (России как Ковчега) мир рискует скатиться именно на такой путь. Соответственно, и судьба VI технологического уклада зависит от субъектов развития — больших цивилизаций, от расклада их сил на мировой арене.

Тема инфономики, как это очевидно следует из предыдущих глав, неотделима от темы технологического развития.

Проект «цифровой экономики», продвигаемый транснациональным капиталом, следует рассматривать как его попытку остановить развитие человечества, цепляясь за жизнь и сохраняя свои монопольные позиции.

Поэтому тонким местом в деле реализации новой идеологии России является ближайший по времени переходный период, когда мы будем развиваться в условиях доминирующей в мире цифровой экономики при ещё слабых ростках инфономики в других странах.

При этом объективно, по своим свойствам и параметрам, общество информационного типа управления содержит в себе гибель капитализма и его остаточных проявлений.

Сами соцплатформы синтезируют в себе модели рынка и планового хозяйства и тем самым заменяют и то и другое, превосходя их на новом качественном уровне.

Тем не менее мощь нынешней транснациональной элиты, её огромные ресурсы могут позволить ей надолго застопорить процесс перехода в новое общество, сделав свои соцплатформы не зонами Большого Развития, а квазифеодалными доменами, монополистическими кластерами нового угнетения.

Стратегическая задача — определение собственных русских направлений прорывного развития в отрасли, вокруг которых технологически и должна быть построена инфономика. А именно:

- срочная поддержка соответствующей отечественной научной школы с привлечением передовых специалистов из-за рубежа;
- приоритетное развитие науки и систем безопасности в области информационных технологий, языков программирования, Искусственного Интеллекта, интернета вещей;
- собственное производство продукции, как программной, так и «железа».

Построение суверенной сетевой инфономики может быть начато с изменения внутренних правил игры для вытеснения с отечественного рынка крупных интернет-монополий.

Однако конечной целью инфономики является выход и на те рынки, которые остаются вне зоны политического контроля России и её союзников.

Инфономика должна стать базой для инновационного бума.

Нынешняя ситуация, в которой «бухгалтеры победили инженеров», неприемлема. Нам предстоит строить высокотехнологичное общество, идущее по собственному пути и следующему завету И.В. Курчатова: «Обгонять, не догоняя».

Иными словами, в области технологий, чтобы достичь хороших результатов, следует идти вперёд, а не повторять давно сделанное другими странами.

По мысли Михаила Делягина, наше абсолютное конкурентное преимущество — так называемые закрывающие технологии, сверхпроизводительные, дешёвые и основанные на непривычных принципах.

Такие технологии позволяют закрыть целые отрасли старой экономики и составить альтернативу крайне дорогим и далеко не всегда оптимальным западным инновациям.

Хотя закрывающие технологии подавлялись и подавляются монополиями, но в глобальном кризисе последние слабеют, и тем самым открывается историческое «окно возможностей» (пока ещё не вымерли специалисты, способные развивать или хотя бы применять инновации из советского задела).

В каком-то смысле предстоит повторить прорыв СССР 50-х годов, который в качестве ключевых направлений опирался на космический и атомный проекты.

На этот раз прорыв может быть осуществлён в области биологии и медицины (каждая третья научная работа сегодня выполняется в этой области), энергетике, электронике, телекоммуникациях, создании новых материалов

и веществ с принципиально новыми качествами.

Не отвлекаясь на обманки трансгуманистов, мы поведём реальную борьбу со старением и дряхлением человека, продлением его активной, созидательной фазы жизни.

По заветам русских космистов мы направим развитие цивилизации к открытию сверхспособностей и к совершенствованию уже имеющихся способностей и талантов (многогранное «человекостроение»).

Мы не оставим в стороне «железные» технологии, что ныне объявляются чуть ли не архаичными. Здесь возможны фундаментальные прорывы. Приведём в качестве примера транспорт. Так, самолёты и вертолёты могут быть дополнены гиропланами-винтолётами и циклолётами, новыми дирижаблями (гибридными летательными аппаратами). Новую жизнь получают и экономичные турбовинтовые самолёты.

Мы вернёмся к созданию стратопланов и стратосферных планерных «поездов», к доступной сверхзвуковой пассажирской авиации. А по мере появления мощных и компактных источников новой энергии — перейдём и к электролётам разных видов.

Мы разовьём гибридные формы скоростного транспорта, те же экранопланы, включая эстакадные Бартини — Серьёзова, реальную наземную альтернативу «Гиперпетле» И. Маска.

Мы станем развивать прорывные космические и воздушно-космические транспортные системы. Развернём массовую авиатизацию, построим малую авиацию, в том числе, с новыми видами летательных аппаратов.

Новые виды скоростного наземного и наземно-морского транспорта как бы стянут пространства Большой Евразии сетью своих трасс, создавая перспективное стратегическое целое.

В деле реиндустриализации мы не можем избежать такого трудного и важного направления, как возрождение отечественного станкостроения.

Мы совершим революцию в конструкционных материалах, создадим их чрезвычайно лёгкие, прочные и долговечные виды.

Мы считаем перспективной не остановку развития атомной энергетики, тем более не замену её неэффективными и сверхдорогими «зелёными технологиями», а её дальнейшее развитие в соответствии с парадигмой VI уклада (подход С.П. Капицы).

При этом нам предстоит внедрить новые — чистые и недорогие — источники энергии. От термояда до использования выходов природного водорода на поверхность планеты.

Мы выстроим систему полной переработки отходов, и развивающееся национальное производство жадно востребует вторичное сырьё, а закрывающие технологии позволят нам решить задачу обеспечения почти полной безотходности и восстановления ранее загрязнённых вод и земель.

Уже сейчас в России наблюдается первоначальный бум развития и применения нанотехнологий. Это многообещающее направление, так же как нанобиоинжиниринг, аддитивные технологии (выращивание материалов и предметов), развитие традиционно сильных в России лазерных технологий.

Попытка загнать человечество в мир электронной сетки должна получить альтернативный ответ, который и призван дать новый уклад, что не отменяет развитие NBICS-технологий в России.

России чужды идеи ESG-трансформации (углеродной нейтральности), хотя с этим трендом, заданным транснационалами, какое-то время, возможно, надо будет считаться.

Русская цивилизация в будущем должна будет воплотить мечту XX века о космонавтике в Большом космосе, за пределами околоземной орбиты; хотя на первом этапе технологического бума огромное значение будет иметь освоение солнечной системы и изучение её пока ещё до конца не известных нам ресурсов.

Будет продолжен и вектор развития, связанный с исследованиями океана (приматерикового и более глубокого подводного пространства), строительство мощных плавучих платформ и станций, подводных и надводных судов нового типа.

Для успешного инновационного бума государство может использовать принцип своего рода «опричнины» как инструмент поддержки быстрого развития прогрессивных укладов, объединяющих страну против устаревших, разъединяющих её укладов.

В современной России опричнина будет иметь, в первую очередь, позитивный экономический смысл (питомники инноваций), а не репрессивный. При этом нельзя исключать и обострения политической борьбы, ведь смена укладов никогда не протекает безболезненно.

Не лишним будет подчеркнуть, что «русский техношторм» станет возможным только в опоре на интегральную координирующую научную сеть, по заветам Богданова и Глушкова — на тот самый единый университет меритократии, о котором мы писали в главе 7.1.

Мы вернёмся к разрешению проблематики оптимальной организации труда, управления временем, издержками рабочего времени, управления быстрыми процессами в обществе, хозяйстве, технике, природе, человеческом организме с целью «замедления»

времени и повышения его эффективного использования.

Мы создадим наши лаборатории будущего. Свою «машину открытий» и мощные институты ускорения научно-технической революции. Благо для того есть не только богатейший опыт разных стран, но и великолепные идеи отечественных провидцев — наших учёных, философов, творцов научной фантастики.

Технологизация будущего в инфоэкономике выходит далеко за рамки одной только техники и средств технического обеспечения цивилизации.

Образ будущего в этом отношении таков: технологии в новом укладе расширяются, в том числе гуманизируются, одухотворяются.

Поэтому главным механизмом при подходе к инновациям (техническим, социальным, творческим, гуманитарным) необходимо сделать **«Мечтократию» — власть конструктивных мечтателей как личностной движущей силы инфоэкономки.**

Планирование в духе Мечтократии — программирование будущего, технологизация мечты, введение мечты в план.

Здесь мы подходим к интеграции всей инфоэкономки, а через неё и всего общества в категориях культуры.

7.4. Образ и тип носителя культуры

Цивилизация — это не что иное, как тип личности. Из личностей, как из кирпичиков, в свою очередь, складываются малые группы общения, затем всё более крупные группы (симфонические личности, по учению Н. Трубецкого), и таким образом определяется тип всего общества.

В Пятой империи возникнет культ человека-наследника и человека-творца, наделённого русскими кодами. Антикоды потребительства и пассивного движения по течению, наведённые нынешними «хозяевами денег», будут вытеснены из общества.

Наш идеал — это созидатель, семьянин с большим числом детей, но и не лишённый возможности уединения.

Существенным жизненным противоречием (не антагонистическим, а конструктивным, чем-то вроде мотора развития общества) должно быть гармоничное взаимодействие

позитивных типов, по одной оси — производителей, управленцев, по другой — гармонически развитых середняков, более односторонне развитых специалистов.

Середняк в Русской цивилизации — вовсе не бюргер и не жлоб, не Номо есopomicus и не квалифицированный потребитель, а человек достатка, который трудится на своём месте не механически, а с подлинным интересом.

Он не лишён сильных идеалистических мотивов — он может выступать как защитник своих святынь, «добро с кулаками», поборник воинствующей справедливости.

Именно так он и будет воспитываться в Пятой империи.

И хотя с такими людьми нелегко в плане управляемости — зато на них можно положиться в трудностях и испытаниях.

Мораль, мотивация и культура у общества в целом могут быть только трудовыми — в широком смысле слова, включающем творчество и «труд над собой».

Это должно быть общество, в котором, по выражению Сергея Черняховского, стремление к труду является основным латентным образом, а стремление к созиданию и познанию

является основным адаптивным механизмом.

Как уже говорилось, в солидарном обществе значительно возрастёт роль учёных и педагогов. Это будет естественным выходом из современного глобального кризиса цивилизации «покорителей природы».

Важнейший, решающий дело акцент в Большом Развтии — это новый кластер творческих людей, изобретателей-неoантропов; их придётся подбирать и культивировать «поштучно» (персонально).

Часть из них выдвигается сама, поскольку уже сейчас одержима идеями своих инноваций; другую часть надо будет отыскать, для чего предстоит создать специальный институт по подбору творческих кадров; наконец, наиболее важным механизмом прорыва в Большом Развтии станет специальная система по отбору талантливых школьников и студентов.

Образование и воспитание в Русской цивилизации — личностно ориентированная система, которую мы именуем человекостроением.

В центре человекостроения — идея личности. Поскольку действительной жизнью живут не идеи, науки и искусства, не цифровые имитации или «когнитивные архитектуры», а сам

носитель и создатель всех этих феноменов — человеческая личность.

Именно она предстоит перед Богом, осуществляет связь с Ним и с другими личностями.

Личность — это развитие. Важнейшим свойством личности нового человека, который «вытягивает» всё остальное, является волевой компонент, понятый как умная, совестливая и творческая воля, подчинённая высшему Творцу, знающая своё место внутри общества и природы как их работника.

В Пятой империи будет организовано воспитание трезвого взгляда на себя и свои возможности и одновременно с этим дерзкого духа пыливости и искательства.

Первая задача Русской цивилизации — повернуть вспять процесс атомизации общества и выхолащивания личности, вернуть разрозненным массам лицо, чтобы они вновь стали народом.

Сегодняшняя «культурная элита», которую мы имеем, является скорее антиэлитой. Без выдвижения культурной контрэлиты и воспитания новой «служивой» культурной элиты первая задача — воспитание народа, возвращение ему культурного лица — окажется невыполнимой.

Внутри системы образования должен быть восстановлен контекст высокой культуры, искусства и науки — с внесением в центр воспитательного процесса критериев Мечты.

Только так можно будет преодолеть нынешний разрыв поколений. Дети должны гордиться предками, стремиться воплотить их мечту и императивы нашей цивилизации, при этом быть пытливыми и открытыми к «золотому фонду» зарубежной классики, опыту других цивилизаций.

Обновлённый и постоянно пополняемый научный тезаурус и корпус переводных текстов будут интеллектуальным и культурным стержнем системы образования, способствующим взаимопониманию и глубинному проникновению русского образованного класса в его отношениях с другими культурами.

Как мы уже отмечали, идеологическим принципом всей политики станет культивирование национальной чести и достоинства, самоуважения носителя великой цивилизации, воспитание общественного вкуса, предполагающее, в том числе, поддержку национальной школы в искусстве и творчестве.

Часто воспроизводившийся в нашей истории дух преклонения перед чужеземным должен быть искоренён как неадекватный (см. по этому поводу часть 1 нашего доклада).

Идеология Пятой империи предполагает вытеснение из зоны общественного внимания деструктивных контркультур, низкопробщины, порнографии, русофобии, морально уподочных направлений.

Будет введена квазицензура, осуществляемая специальными группами представителей творческой элиты, — не запретительная, а направленная на регуляцию деятельности субъектов вещания, массовой информации, лидеров мнений.

Присутствие идеологии в сфере культуры должно стать комплексным (включая бытовой дизайн, музыку, развлечения, видеоигры и т.д.), при этом не ограничивая права творческого субъекта на эксперимент и свободу самовыражения.

(Однако художник или разработчик не вправе рассчитывать на поддержку, если действует наперекор стратегии государства, не стремится нанизать свою новизну на цивилизационный код России, тем самым утверждая и возрождая этот код.)

Идеологическое влияние должно осуществляться не прямо, а при помощи «мягких» механизмов, через управление стандартами и процедурами, что обычно не воспринимается как ущемление индивидуальной независимости человека.

Виртуальное в культуре грядущей инфономики должно иметь смысл и оправдание только как модель реального. Так же как научная фантастика в СССР рассматривалась не в качестве пустой игры воображения или путешествий в области иллюзий — но как стратегическое мышление, пусть и нацеленное на отдалённую перспективу.

На самом сложном, переходном этапе, когда наша идеология будет внедряться и утверждаться, — важно будет избежать эффекта опускания «железного занавеса» в культуре.

Прямая конкуренция с медиамашинами Цивилизации Потопа, с её киноиндустрией, шоу-бизнесом и другими фабриками массовой культуры вряд ли будет эффективной.

Однако её монополия должна быть разрушена через постепенное, но уверенное утверждение и расширение зон влияния наших социальных платформ и сетей, информационных агентств, телеканалов и продюсерских корпораций.

Кроме того, доля культурной продукции Запада внутри России должна быть существенно снижена за счёт справедливого, то есть пропорционального увеличения доли культурной продукции других цивилизаций (дальневосточной, индийской, исламской, латиноамериканской и т.д.).

Также наше культурное пространство должно быть открыто для альтернативных, не мейнстримных направлений и течений в Европе и Северной Америке (Ковчег станет маяком не в последнюю очередь и для них).

В отношении самого Запада с его великой классикой важно понимать: крупный капитал в XIX–XX вв., а теперь его наследник — «клир» постепенно подчинил себе Европу и пожирает её тело, создаёт для своих разрушительных целей антикультуру.

Высокая классическая культура, в ядре своём христианская, — не нужна «новому жречеству», для которого она является фундаментальным идеологическим врагом, а врага, как известно, уничтожают.

Именно этот процесс мы и наблюдаем сегодня на современном Западе. Мейнстримная деятельность в этой сфере порождает по большей части продукцию контркультуры, то есть служит постепенному «растворению», уничтожению культурной традиции Европы в «кислотной среде» новейших антисистемных тенденций.

Россия, по нашему глубокому убеждению, остаётся сегодня единственным миром, ещё способным не только сохранить свою самобытную культуру, но и стать убежищем для высокой западноевропейской традиции.

Нам предстоит создать свой идеал качества жизни, новый индекс человеческого благополучия, не совпадающий с теми критериями, которые навязывают глобалисты.

Помимо здоровья, трудоспособности, долголетия наш идеал подразумевает обязательно семью и детей (у тех, кто может по здоровью их иметь) как продолжение человека, его «живые инвестиции» в будущее человеческого рода.

Следующие критерии благополучия — радость жизни, удовлетворённость материальным достатком, который растёт от поколения к поколению. В наших людях будет воспитано понимание, что «изобилие» всегда исторически относительно и в каждую эпоху оценивается по-разному, а «пресыщенность» вредна и заземляет дух.

Далее, этот идеал качества жизни подразумевает низкий уровень нравственных аномалий в обществе — маркеры здесь: количество убийств,

самоубийств, брошенных детей и разводов. Человек, помеченный такими маркерами, по определению уже не благополучен.

Следующий важнейший пункт в наборе счастья: удовлетворение положением своего народа и культуры, реализацией их чести и достоинства, а также торжествующей в мире справедливостью.

Русская культура, такая, как она сложилась, обладает высоким преобразовательным потенциалом, что, конечно, отражает и сущность самой цивилизации, и её носителя — русского антропологического типа. Неслучайно Томас Манн называл европейские литературы «великими», а русскую литературу — «святой».

Расцвет Пятой империи породит в культуре новый Большой стиль, предугадать тональность и краски которого мы, конечно, не можем.

Однако мы и теперь усматриваем его приметы, чувствуем его первые «толчки»: такие как мистерия «Бессмертного полка», значительно превзошедшая свой первоначальный замысел, ставшая всенародным произведением; удивительная эстетика открытия Сочинской олимпиады, прозвучавшая как предвестие крымского ликования; величественный и вдохновенный Собор Воскресения Хри-

стова — Главный храм Вооружённых сил России...

Исходя из исторического опыта мы можем предвидеть, что Большой стиль будет напрямую связан с ядром той идеологии, о которой мы здесь говорим, прежде всего, с русскими кодами, а также с теми пластическими образами нашей архитектуры, дизайна, музыки, живописи и литературы, которые уже выявили эту связь, воплощают русские коды.

В общественной жизни Большой стиль выльется в палитру национальных мистерий. Удивительным намеком на такие новые мистерии стал тот же «Бессмертный полк», этот своего рода эмбрион Пятой империи.

Крайне важно, чтобы национальные мистерии не превращались в мероприятия бюрократического или партийного толка. Они должны оставаться народными, смыслократическими, открытыми для людей и для новых идей.

Должна произойти трансформация Парада победы в Парад русских побед — стать чем-то вроде праздника (или серии праздников) солидарности граждан и их духовного единения и ликования.

Большой стиль помимо развернутой парадигмы решений в области декоративного и прикладного искус-

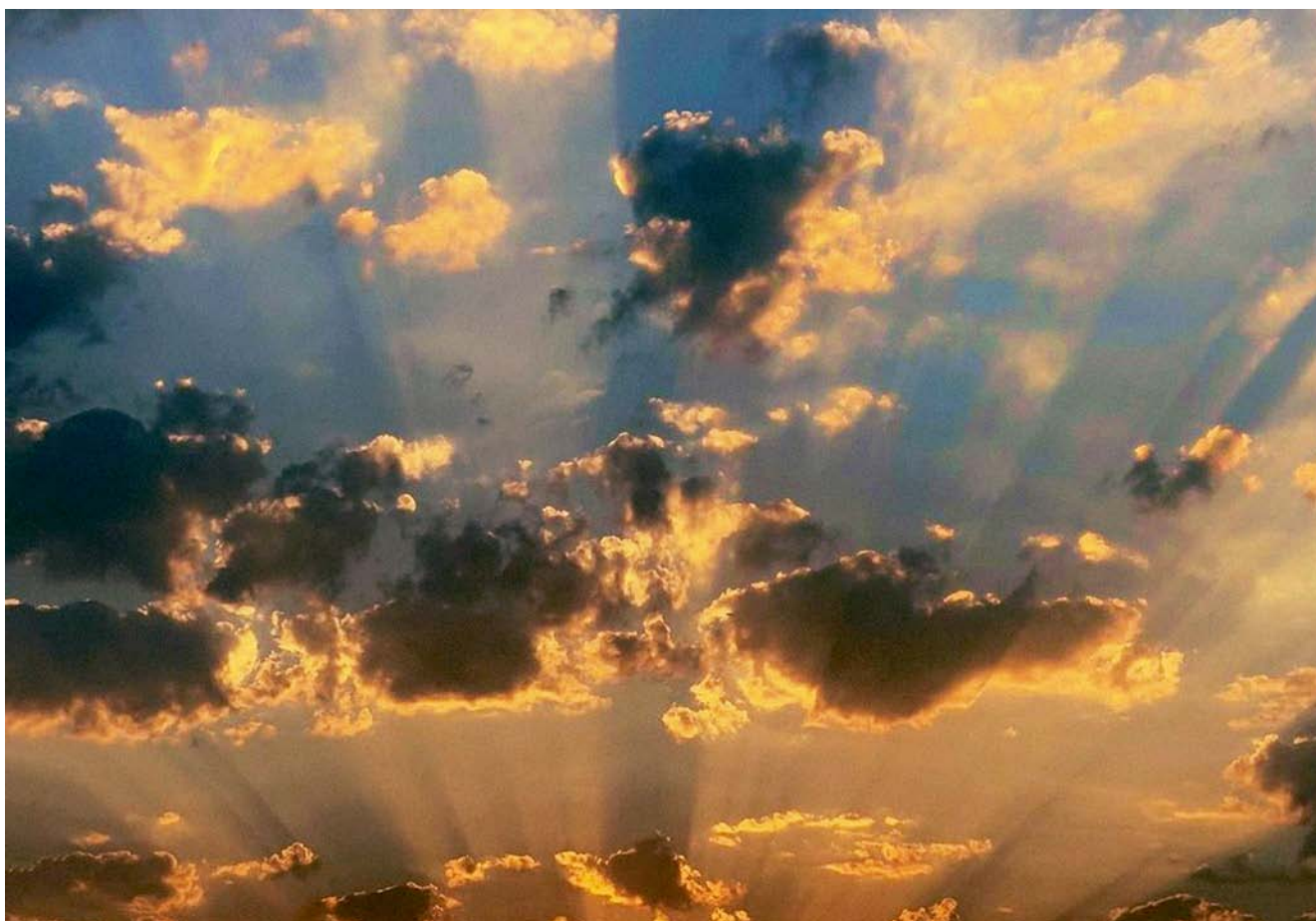
ства, моды в одежде и дизайне, новых стилевых тенденций должен воплощаться также и в таких жанрах, как:

- светские «храмы» (музеи) и мемориалы, посвящённые конкретным цивилизационным кодам;
- поклонные и соборные горы и площади с артефактами монументальной пропаганды, произведениями скульптуры и архитектуры, а также регулярно проводимыми на этих пространствах праздничными и ритуальными действиями;
- несколько специальных общенациональных зон-парков с большими галереями монументов и несколькими музейными комплексами. Эти парковые зоны могут стать своего рода полигонами «литургий» (в древнегреческом понимании термина) русских кодов, собирая в главные праздничные дни большие массы народа, проводя помимо мистерийных ритуалов и маршей также и концерты, состязания, выставочные и ярмарочные мероприятия;
- мистерийный формат может быть придан также и целому ряду общественных событий, таких как открытие каналов и трасс, крупных промышленных и научных объектов, старт масштабных полётов и экспедиций, спуск на воду судов, проведение игр, чемпионатов, конкурсов и фестивалей и т.д.;
- по мере возрождения русской космической программы часть мистерий может быть включена и в новые космические ритуалы, с подъёмом в небо икон-образов-символов, нагруженных смыслами русских кодов;
- русские мистерии могут находить выражение в самых разнообразных формах, в том числе, таких как посадка лесов, закладка новых сооружений, форумы, съезды, симпозиумы, телемосты и видео-конференции, крестные ходы и автопробеги, историческо-реконструкторские походы и собрания, связанные с культурной памятью, мифами и символами, значимыми для национальной картины мира.

Мир ждёт от нас не газа и нефти, а Вести.

История уже показала, что вокруг Общего дела русские способны объединить если не всё человечество, то его значительную часть.

Символ России — Храм на Холме, который светит миру, призывает к себе мир, подобно тому, как мать может призывать своих детей. Символ же западной евроатлантической мечты — пуританский Град на Холме, который считает себя избранным народом «сверхлюдей» и при этом предпочитает выменивать чужое золото на свои стеклянные бусы, привлекать сателлитов своими мощью, богатством, сытостью, а если этого оказывается недостаточно — шантажирует непокорных угрозой уничтожения.

7.5. Образ мироустройства. Наше послание миру

Мир ждёт от нас не газа и нефти, а **Вести**.

В своей обращённости к внешнему миру русские предлагают другим народам не просто дружбу, душевное общение и эмпатию, тем паче не подобие рекламного «образа и стиля жизни», состряпанного американским Мэдисон-авеню и Голливудом.

Мы по своей природной склонности способны к созданию стиля общего проекта, русского стиля Мечты, заразительного в силу его особого обаяния.

История уже показала, что вокруг Общего дела русские способны объединить если не всё человечество, то его значительную часть.

Символ России — «Храм на Холме», который светит миру, призывает к себе мир, подобно тому, как мать может призывать своих детей.

Символ же западной евроатлантической мечты — **пуританский «град на холме», который считает себя**

избранным народом «сверхлюдей» и при этом предпочитает выменивать чужое золото на свои стеклянные бусы, привлекать сателлитов своими мощью, богатством, сытостью, а если этого оказывается недостаточно — шантажирует непокорных угрозой уничтожения.

В пределе наше Общее дело — это преобразование человечества в прогрессирующую и всё более справедливую интегральную общественную систему.

Капиталистическая глобализация носила поверхностный характер, не вбирала в себя богатство и разнообразие человеческих культур, а создавала помимо них свою антитрадицию.

Запад эпохи глобализации, в сущности, остался одиноким в мире, его капитализм, несмотря на гигантоманию своих претензий, не вытекал из мирового развития, а был своего рода «отклонением» на фоне большинства других культур и народов, химерой, выдающей себя за венец истории.

Тем не менее он сумел вторгнуться во все концы земли, навязать миру индустриальную формацию и участие в глобальном рынке.

Несмотря на все эти перипетии, не-западный мир так и не принял односторонний культ борьбы как самоутверждения в гобсовском ли, адам-смитовском или дарвиновском исполнении. Мир в лице цивилизаций Востока и Юга отторгает колониализм, расизм, социал-дарвинизм.

Россия как цивилизация в этом плане выступает глашатаем реванша своеобразия — мы отвергаем глобализацию как эволюцию всех человеческих обществ с одним предзаданным финалом для всех.

Своеобразия мы понимаем как типы культуры, каждому из которых свойственна своя «традиция-время» — традиция как особая организация времени по отношению к вечности.

И здесь ценен опыт России с её «евразийским месторазвитием», где

разные религии славили Бога под единым куполом империи, где разные народы и культуры сплетались в богатую полифонию и в братский симбиоз.

Наша идеология предполагает парадокс: мы не выбираем между автаркией своего мира, его самодостаточностью, с одной стороны, и открытостью, обращенностью к внешнему миру — с другой. Мы выбираем и первое, и второе сразу.

Одновременно присутствуют два геополитических контура России. Один — внутренний: интеграция всех русских земель в одно государство. А второй контур — Евразийский союз, расширяющийся за счёт тех государств, которые не могут слиться с русскими и которые мы, в свою очередь, не можем «влиять» в себя.

Этот второй контур не имеет принципиальных ограничений, его масштаб может быть очень велик. Поэтому, говоря о евразийской идее, мы говорим не только о России-Евразии в границах империи Чингисхана, Российской империи либо СССР. Мы говорим о проекте Большой Евразии,

масштабного союза, который может стать когда-нибудь и межконтинентальным.

В «Русском Ковчеге» мы предложили идею интеграции Большой Евразии по линии «Россия–Иран–Индия». Эта идея имеет глубокие экономические, геостратегические, военные и культурно-исторические основания, даёт шанс трём державам выйти из исторической ловушки новой биполярности Запада и Китая¹⁷.

Создание нескольких осей (Запад–Восток, Север–Юг) концентрирует их пересечение на России, тем самым позволяя выполнять ей предназначение центра Евразии, замыкающего на себе стремительно возрастающий потенциал Индии, а также включающей в эту осевую конструкцию исламский мир.

Содружество по оси Север–Юг положит конец любой форме гегемонии в мире агрессивных союзов, создаст возможности развития совершенных технологий — без участия мировой банковской системы, подконтрольной транснациональным центрам.

На такого рода стратегический союз никто не посмеет напасть с применением военной силы. Так же и в плане гибридных войн противник станет гораздо осторожнее. (Даже маломощный, зачаточный и не вполне гармоничный «евразийский союз» России и Беларуси не так давно показал, что подобные конструкции эффективно работают против индуцированных извне «революций».)

Транскаспийский путепровод с новым каналом, соединяющим Каспий с Персидским заливом с одной стороны и Северный морской путь с другой, станут двумя евразийскими альтернативами Суэцкому каналу и прочим дальним морским маршрутам.

Но для того, чтобы мощные державы евразийской оси вступили в полноценный тройственный союз, Россия должна измениться — только целеустремлённая, вооружённая передовой идеологией и строящая новую инфономику Россия, Россия с крепким, стальным хребтом станет настоящим системообразующим полюсом для многополярного мира XXI века.

¹⁷ Кобяков А. Дракон, орёл и медведь (авторский доклад Изборскому клубу). // «Изборский клуб», 2016, № 6–7; Ивашов Л., Олексенко П. Москва–Дели–Тегеран: содружество цивилизаций. // «Изборский клуб», 2017, № 3.

В противном случае все наши союзы, включая ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, останутся слабыми, недостаточно мотивированными, легко раскалываемыми извне.

Все такого рода союзы рискуют сегодня, на пороге нового хаоса, подпасть под подавляющее влияние Китая, тогда как отдельные из «союзников» предпочтут дружить с Западом или выберут дорогу в новый исламский халифат.

Русский Ковчег предложит миру идеологию деколонизации существующего сейчас международного права и постепенно будет формировать со своими союзниками сеть новых международных структур, поскольку спасти от Цивилизации Потопа нынешние глобальные международные институты вряд ли будет возможно.

Идея многоугольной, сложносетевой геометрии сотрудничества является сущностно важной для идеологии Пятой империи.

Возрастание России означает борьбу за подлинную многополярность мира. Такова логика истории. Поднимаясь сами, мы строим тем самым каркас нового, более справедливого миропорядка.

Спасая себя, свою суверенность, мы тем самым защищаем суверенность других держав, даём им шанс остаться самими собой в наступающей жестокой эпохе.

Содержанием послания России в ближайшей перспективе станет лозунг многополярности, многоглавия мира, формирования поля равных возможностей для различных цивилизаций, стран и народов, сохраняющих каждый своё лицо в общей гармонии.

Развитие человеческой цивилизации, человеческая история продолжают до тех пор, пока развиваются диалоговые, субъект-объектные отношения внутри многообразного мира.

Цветущая сложность мира, бесконечность «лица необщих выражений» наций, племён, народов, культур, человеческих ликов, «великое кольцо цивилизаций», утверждённых на идеалах традиции, притом что традиция в разных культурах своя, — такова

формула послания миру от лица Русского Ковчега.

7.6. Курсом — на идеологическую экосистему

Наше новое мировоззрение XXI века кардинально отличается от идеологий XX века.

Будучи светским, в своем фокусе оно содержит ресакрализацию государства и верховной власти, возвращение «мистического чувства», которое нельзя заменить или восполнить ничем другим. Во-первых, это связано с условиями снижения познаваемости мира в современной цивилизационной ситуации, с «постнеклассическим» состоянием нашего знания о законах устройства мироздания, о месте и соотношении в нём порядка и хаоса.

А во-вторых — с тем, что сакральное измерение становится последним пристанищем человеческого духа, островом человечности посреди наступающего потопа цифрового машиноподобного техноабсолютизма и отъявленного нравственного релиATIVИЗМА.

В новой идеологии мы не избежим, даже если бы хотели этого избежать в угоду атеистам, использования понятия «Бог».

Тем самым мы апеллируем к развитию человека как образа Божия в качестве вертикально ориентированного существа, преодолевающего ограничения природы и обстоятельств.

Нам придётся помимо рациональных аргументов опираться на рефлекторную солидарность (взаимопонимание, чувство локтя, взаимовыручку внутри большой общности и малых сообществ — на интуитивном уровне).

Гораздо большую роль, чем в прежних идеологиях, будут играть образность, музыка, игры (мы уже вступили в эпоху «геймификации» как всеобщего способа моделирования возможной реальности), и этим мы тоже воспользуемся.

Идеология будет опираться не столько на монолитные формы самоидентификации нации, сколько на разнообразие внутри неё, в том числе, на сеть субкультур.

Субкультуры, которые нужны нам, не будут разрушать материнскую культуру, а будут помогать ей преодолевать натиск контркультуры, которую вернее называть нигилистической антикультурой, своего рода язвой и «чёрной дырой» по отношению к любой Большой Цивилизации.

Освобождаясь от ложных страхов об ассоциациях нового уклада со Средневековьем, феодализмом, авторитаризмом и т.п. — новая идеология будет проектировать государство параллельно по нескольким принципам:

- мобилизации в целом ряде ключевых отраслей;
- новой опричнины в инновационной сфере и в сфере безопасности;
- «квазифеодальных» союзов вокруг единого образа врага.

Консолидация нации будет происходить не только по традиционным лекалам, но и на базе соцплатформ и экосистем, которые сегодня используются нашими противниками против нас.

Более того, свойство мира социальных платформ — предельный индивидуализм по форме, парадоксально сочетающийся с объективно вынужденным коллективизмом по содержанию, — как ни странно, идеально соответствует русской культуре. И это даёт нам надежду.

Тем не менее угроза развития мира по пути, навязываемому транснациональным клиром, новым антисистемным жречеством, очень велика.

Эта угроза особенно значима для нас ещё и потому, что у неё есть мощные и обладающие большими ресурсами лоббисты и проводники внутри РФ.

Это агенты десоверенизации России, призванные концентрировать реальную власть в кластерах глобального транснационального мироустройства, новых «феодальных доменов».

На исходе горячей фазы гибридной войны, если мы не сумеем к ней как следует подготовиться, может вдруг оказаться, что эти нынешние российские «фавориты» лояльны во все не Кремлю, а мировому клиру, источнику их настоящего суверени-

тета (то есть произойдёт «перехват управления»).

В условиях столь масштабного кризиса, который сейчас переживает всё человечество, запрет на государственную идеологию в статье 13 Конституции России теряет всякий смысл. Запрет этот должен быть либо преодолен, либо обойден (второй вариант означает госидеологию де-факто, но под другим именем).

Решение этой проблемы может быть смелым и уверенным — вплоть до изобретения нового термина взамен «идеологии». Ведь мы строим Ковчег как освобождённую от «псевдоморфоз» своеобразную цивилизацию.

Новая идеология требует и нового слова, которое обозначит спасение и возрождение Традиции—Культуры—Человека.

Означает она культурный ренессанс, Большой стиль в искусстве и мировоззрении, Великий стиль в деяниях и подвигах.

Новая идеология — это переход по ступеням **Мечты—Усилия—Чуда—Победы**. Сейчас мы ещё стоим на ступени Мечты перед порогом настоящего большого Усилия (Взыскания).

Предстоит ввести Россию в состояние Взыскания через коллективную Мечту. В этом, и именно в этом, первая, самая главная задача идеологии.

После её решения живое строительство цивилизационной соборной идеи не закончится, а лишь начнёт набирать силу. Далее идеологическое творчество народа будет уже неостановимо, необратимо.

Действия по формулированию новой мировоззренческой основы общества могли бы выглядеть так.

Отправной импульс исходит сверху, воспринимается в обществе. На этот первоначальный отклик следует ответная творческая реакция власти. Так замыкается первичный контур связи Народ—Власть.

На первом этапе ключевой является идея очищения государства. С опорой на первые результаты Проекта Очищения запускаются программы по высветлению и оздоровлению мо-

рального климата в стране, зарождению широкого оптимизма.

Здесь главное, чтобы возникающий ток энергии (оптимизма, радости, вдохновения) набирал мощь. Именно на это должны быть направлены все вновь создаваемые общественные структуры, вся вновь отстраиваемая архитектура государства.

И уже здесь, на фоне восходящих потоков оптимизма и вдохновения, можно проводить, к примеру, круглый стол, где президент России, первые люди государства могли бы на равных обсуждать новую философию России как цивилизации с лучшими умами страны. Слушать и слышать всех.

Безусловно, это должен быть хорошо подготовленный диалог, построенный таким образом, чтобы прозвучали все наиболее значимые и популярные идеи, наиболее животрепещущие и волнующие людей вопросы и ответы на них.

Затем возможен референдум и далее — принятие закона об идеологических институтах государства, а также решения о неформальных институтах, обеспечивающих развитие идеологии и адаптивно-адаптирующие механизмы её действия внутри общества.

Идеологическая экосистема может включать в себя три главных аспекта:

- идеологию как вероучение («Вероучение Русской мечты»)
- идеологию как широкую линейку ключевых продуктов, ориентированных на основные возрастные и интеллектуальные слои
- идеологию как систему производных прикладных операций, формирующих духоподъёмную атмосферу в обществе и задающих динамику в пульсации общественного мнения

Идеология Пятой империи — это не тяжёлые фолианты, стоящие неразрезанными на книжных полках в кабинетах функционеров. Это должен быть зримый, образный, красочный мир, многообразная «вселенная» русских мечтаносцев и победоносцев.

Входя в неё, каждый увидит то, что ему нужно: вот текст, вот ин-

тервью, вот художественная лента, вот мультфильм. И все они так или иначе показывают мир Русской мечты, отвечают на целую сеть вопросов, раскрывают целую энциклопедию тем и проблем.

Для элиты общества идеология получит воплощение в научных и теоретических жанрах, но и эти формы должны быть переведены на язык обычного человека — в виде катехизисов, цитатников, памяток.

В основе нашей «экосистемы» будет лежать, скорее всего, несколько книг с образом грядущего. А от них «отрастут» яркие киноленты и документальные фильмы-репортажи из будущего, работы футурологов, романы, сериалы и другие произведения искусства, компьютерные игры, разножанровые моделирующие ролевые игры, малые формы просвещения и убеждения, вплоть до полуминутных предельно простых роликов для самой неприязнательной аудитории.

Всё это позволит нашим согражданам (и не только им, а и другим землянам) буквально окунуться в реалии воплощённой Русской мечты, стать «будетлянами» с ярким языком и символами, работающими как пароли и как новейшие жизненные кредо.

В дополнение к тому, что мы писали в 1-й части своего доклада, — для нашей идеологии понадобится своего рода институт тайн русских побед, отвечающий не на вопрос, что было сделано, а на вопрос, как это было сделано. Наши исторические победы должны стать материалом для народной рефлексии, достоянием самого широкого общественного сознания.

Чтобы идеологическая экосистема не давала сбоев, нужен большой отряд новой культурной элиты. Сама экосистема и станет точкой сборки этой элиты — людей, способных противостоять катастрофическому движению «ползучей массы», удерживающих мир от катастрофы.

Как только воспитание молодого поколения перейдёт из рук транснациональных анонимных «дядек», сетевых вивисекторов, подобных «доктору Моро», к новой культурной

элите, — мы получим тем самым не-
суший каркас Русского ковчега, тот
самый элемент нового порядка, ко-
торый и обеспечит спасение мира
от соскальзывания в хаос, сделает не-
обратимым утверждение мировой
вертикальной оси — Храма на Холме.

ИТОГИ. ВЫВОДЫ

Национальная идея — это то, что тво-
рит из разрозненной массы народ,
даёт ему смысл и цель. Идеология —
это национальная идея, выраженная
во времени, здесь и сейчас.

Народ как государственное целое,
как носитель цивилизации немислим
без идеи. А в трудные, критические
времена ему особенно необходима
идеология, которая мобилизует на пре-
одоление собственной неорганизован-
ности, придаёт силы, чтобы ответить
на вызовы судьбы.

Сегодня, после событий 2011 года
с его расколом верхов, после духоподъ-
ёмной Русской весны и затем затуха-
ния её энергии, наступает следующий
этап становления государства — этап,
на котором идеология (даже если стыд-
ливо не называть её этим именем)
становится крайне востребованным
орудием самосохранения и воспро-
изводства России-цивилизации.

Мы хотим приветствовать при-
лив истории, чтобы нынешняя Россия
смогла ускорить и оседлать его. А это
невозможно без того, чтобы изменить-
ся — измениться власти, измениться
элитам, измениться самому обществу.

Речь идёт о переломном времени,
о революции сверху, которая потреб-
на сегодня ради открытия шлюзов
для Большого Развития. Но двигаться
надо поступательно, начиная с малого.

Нация ждёт от власти Большой
инициативы, вокруг которой она мог-
ла бы консолидироваться. Это ожи-
дание обусловлено традиционным
русским отношением к государству
как моральному лидеру, более того,
как к явлению сакрального порядка.

В то же время это ожидание свя-
зано с той высокой степенью разроз-
ненности общества, которая всеми
ощущается.

И когда окажется, что частные и не-
зависимые инициативы людей, не свя-
занные с властью, сливаются с этой
Большой инициативой и во многом
именно они породили, подпитали
ее, — это и будет идеологической
симфонией России, залогом её пре-
ображения.

Государство выступит как мозг
и руки общества — и исполнит свою
многовековую миссию в деле пре-

одоления Смутных времён и их по-
следствий.

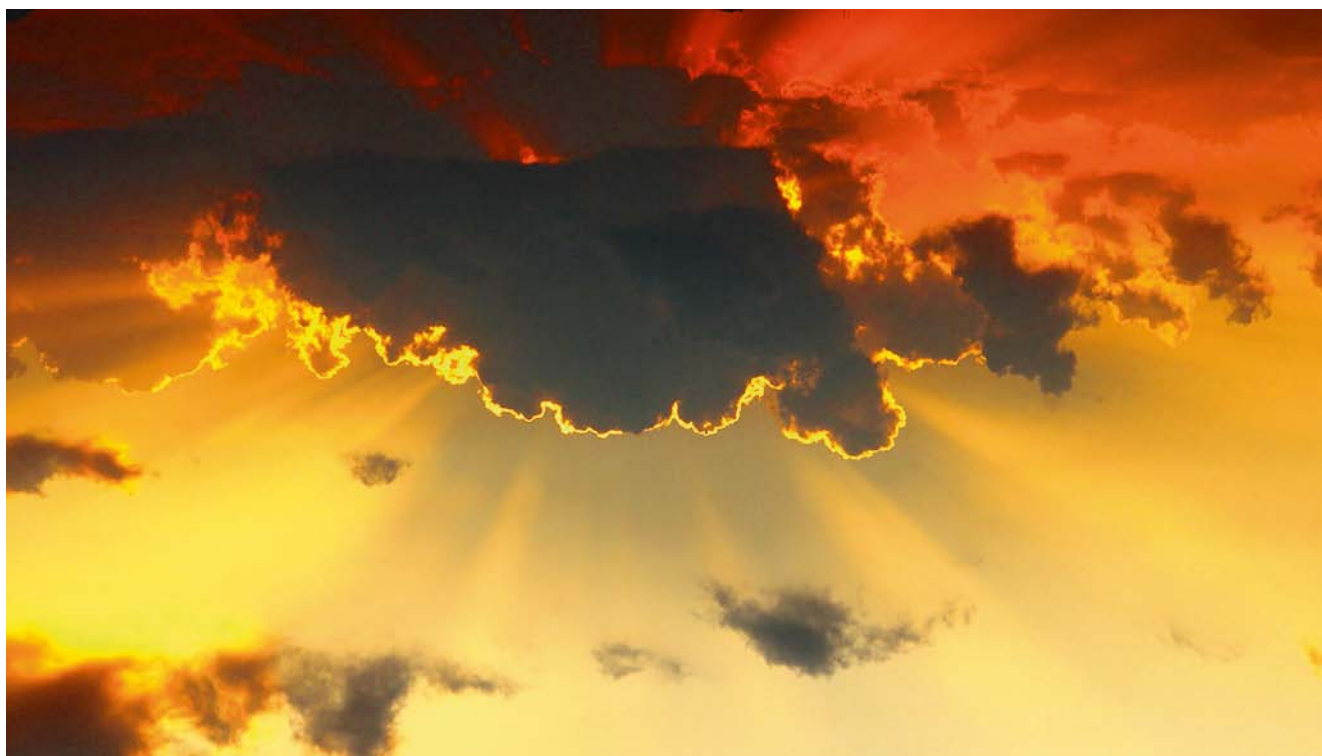
Понимаемая таким образом иде-
ология реализуется по своему содер-
жанию как проекция высшего смысла,
предназначения. А по форме это про-
исходит как восстановление нашего
духовного иммунитета.

Благо людей может быть достигнуто
только двумя принципиально раз-
ными способами: любую проблему
можно решать на пользу человечеству,
а можно за его счёт.

Можно добиваться чего-то со-
вместно с другими людьми в духе
общего дела, а можно — отняв у них,
обманув их. Дилемма эта универсальна,
и она не оставляет большого простора
для дискуссий.

Исходом эпохи, с которой прощает-
ся мир, стал вывод, который ясен уже
очень многим: путь, который избрала
Цивилизация Потопа, разрушителен
для всех.

Выбирая капитализм, в его позд-
не-застойной фазе или уже в следу-
ющей фазе перехода в нетократию,
когда сами граждане мировой сети
превращаются в сырьё для новых
«падальщиков», цифровых и реклам-
ных монополистов, — люди выби-
рают войну.

Причём война эта не ожидается, не предвидится, она идёт уже полным ходом.

В «Русском Ковчеге» мы попытались уловить её сущность в образе Потопа.

Нынешний Потоп — это не водный катаклизм, не огненная стихия, не землетрясения и не пандемии. Он прорывается в нашу реальность изнутри человека.

Потоп — это крайняя степень внутреннего падения, внутреннего растления, причём не просто обитающего среди нас, а нагло навязывающего себя всем, так что от него не отмахнуться.

Впрочем, и библейский Потоп лишь завершился наводнением, а в сущности своей, если судить по доступным источникам, также шёл изнутри человека, из рода «исполинов», угнетавшего весь остальной род человеческий и осквернившего землю всевозможными мерзостями.

Важным результатом нашего доклада является то, что в нём удалось в концентрированном виде вывести образ врага.

Это существенно для новой идеологии. Враг помогает нам понять самих себя. Враг побуждает нас к действию.

В наше время тотального кризиса цивилизации, когда мир пронизан энергиями распада и разложения, — осознание этого подталкивает нас к формулировке ясной, однозначной идеологии, а не отдельных уклончивых условных идеологем.

Из этого же сознания рождается образ Русского Ковчега как нашего цивилизационного проекта в XXI веке, формула динамического консерватизма как боевого, зоркого отношения к социальному хаосу, формула Русской Победы — как предельного идеала, высвечивающего для нас смысл большой истории и смысл ближайшего будущего.

Сегодня на смену горячим войнам XX века пришла глобальная гибридная война. Когда стремятся сокрушить противника, подчинить своей воле — и не важно, какими способами и методами.

Мир завоёвывается не традиционными вооружёнными силами, но средствами организационного оружия.

Это скрытая война, в первую очередь, в области перераспределения финансов, захвата собственности, систем управления, мягкой, вязко-зыбучей агрессии через медиа и культурное сознание.

Противник нашей цивилизации уже и воюет, и побеждает именно в таком стиле — анонимной гибридной войны.

Сегодня при зарождении информационного общества главным ресурсом, за который всё больше будет вестись война, становится информация о массах людей и о самих людях, позволяющая ими управлять.

Живущий спонтанно и бесхитростно человек, то есть «деидеологизированный» человек, — не сможет оставаться *Homo sapiens* в том смысле, который вкладывает в этот термин наука.

В мире идёт новая «гонка вооружений» — не столько обычных военных, сколько связанных с высокотехнологичными системами управления, методами перехвата управления и конструированием в ходе самой этой борьбы асимметричных решений.

Именно сейчас, уже перед лицом беспрецедентных опасностей, затрагивающих само естество человека как духовно-социального вида жизни, — Россия выходит на этап формулирования новой идеологии.

Идеологии всё той же, что и всегда, идеологии «Вечной России»

и тем не менее новой, связанной с грозными предзнаменованиями и ясными сигналами этого времени.

Главное для нас в плане тактики — сброс и разрушение существующих (чужих) правил игры, открытие своей игры, создание иных, наших правил игры.

Основным пространством для нашей контригры должны стать системы управления (системы управления обществами и системы военного, боевого управления — раз уж мы пришли к выводу, что идёт гибридная, проникающая во все сферы жизни война).

Эффективная система управления сегодня важнее ресурсов, важнее средств достижения целей. Поэтому создание такой эффективной системы у себя и разрушение такой системы у противника становятся двумя решающими вопросами.

Иными словами, нужно не ждать очередного цикла нападения и захвата в войне систем финансов, в войне информационных систем, в войне систем управления, а разработать свой план нападения, подготовиться и осуществить его.

Для этого потребуются решительное обновление элит, а не их мягкая ротация, о чём мы чётко говорим в своём докладе.

Перехват инициативы в скрытой войне не предполагает клич «Иду на вы!», он предполагает методы неявного давления, в том числе партизанской, «пиратской», анонимной войны¹⁸.

Как только Россия вступит на путь наступательных действий — гибридная война перестанет быть «игрой в одни ворота». Возникнет пространство для переговоров, для компромиссов, а значит, возникнет шанс на окончательный выход зарождающегося Русского Ковчега из заведомо проигрышного для нас миропорядка, где правят двойные стандарты.

И в этом конкретном пункте мы выходим за рамки идеологии как пу-

бличного текста. (Здесь мы вступаем в область стратегии в её закрытой составляющей.)

К ведущим принципам Русского Ковчега как типа цивилизации следует отнести не просто выдвижение альтернативной программы развития для себя и своих союзников, но обеспечение стратегической сверхзадачи — **изменения самого потока изменений**, который выработан и навязан народам мира со стороны транснациональной сети Цивилизации Потопа.

Для того чтобы сбить с толку другие державы и культуры, воротили этой сети уже достаточно давно подменяют вопрос о направленности изменений (подлинном прогрессе или регрессе) вопросом о скорости изменений. С тем чтобы стремление к преодолению отсталости, стремление «догнать» передовую культуру или хотя бы сократить разрыв в отставании заслонило от держав-мишеней неприглядную правду «ложного прогрессизма» и так называемого зависимого развития, основанного на неэквивалентном обмене.

Именно Русская цивилизация сумела обличить и дезавуировать этот обман: идеологически — в лице лучших своих мыслителей (Н. Данилевского, Н. Федорова, Ф. Достоевского, В. Розанова, Н. Трубецкого и др.), а поли-

тически — сначала в лице царя, затем, ещё более уверенно, в лице советских лидеров.

Как бы мы ни относились к большевикам и несмотря на то, что на момент революции 1917 года они были поддержаны тогдашним транснациональным капиталом с целью подрыва потенциала Российской империи, — тем не менее им удалось, хотя и не сразу, вывести державу из неравной конкуренции с заведомо проигрышными ставками.

Этого нельзя сказать о творцах «революции» 1991 года и деятелях Смуты 90-х годов. И этого нельзя сказать о современных российских элитах.

В конце XX века, после предательства горбачёвской верхушки и демонтажа СССР, очевидный на тот момент обман неравной, несправедливой глобальной эволюции с ложными и деградационными целями вновь стал возвращать себе позиции чуть ли не монополии на истину. И с тех пор эта мировая «кривда», выдающая себя за единственный, безальтернативный путь «свободного развития», пытается диктовать миру правила глобальной этики и политкорректности.

Миссия Русского Ковчега **остановить Цивилизацию Потопа, не дать ей переделать человека по своему образу и подобию** — в первую очередь, защитить нашего человека,

Мировая «кривда», выдающая себя за единственный, безальтернативный путь «свободного развития», пытается диктовать миру правила глобальной этики и политкорректности. Миссия Русского Ковчега — остановить Цивилизацию Потопа, не дать ей переделать человека по своему образу и подобию, в первую очередь, защитить нашего человека, нашу молодёжь, наших детей. А через эту защиту сослужить службу и всему человечеству, его будущему.

¹⁸ Хотя часть американских и британских элит нагнетает истерию относительно «вмешательства» Москвы во внутренние дела западных стран, эти упреки, к сожалению, как правило, далеки от истины.

нашу молодёжь, наших детей. А через эту защиту сослужить службу и всему человечеству, его будущему.

В нашем докладе мы попытались донести и развернуть следующие основные послы.

1. В сердцевине новой идеологии — сокровенное знание русских кодов, ключей к управлению русской историей.
2. Для восстановления высокого духа и гордости за принадлежность к великой цивилизации необходимо развернуть пропаганду русского гения.
3. Консолидирующей и вдохновляющей нацию станут платформы «Наследники Побед» (наполнение высоким смыслом восприятия истории) и «Вернуть народу Мечту» (возрождение мифологии Большого Развития).
4. Пятая империя будет диктатурой Развития — понимаемого как неуклонное наращивание энергии творчества, победа над энтропией.
5. Пятая империя будет диктатурой Мечты — понимаемой как жизнь в пространстве стратегических замыслов и целей.
6. Пятая империя будет диктатурой Культуры — то есть духовного роста как критерия счастья и свободы человека.
7. Пятая империя будет державой наследников, а не ниспровергателей собственной традиции, поколений отцов.
8. Мы будем строить Социум Знания, а не подражание модели «цифрового общества».
9. В его основе будет лежать меритократия, как власть компетентных, высококвалифицированных, увлечённых и ответственных интеллектуалов, которая сменит действующую сегодня власть ставленников олигархических кланов.
10. На первом этапе внедрения новой идеологии существенное значение будет иметь национальный проект «Очищение», и как его часть — кардинальное обновление элит.
11. В стратегической перспективе будет построена всеобъемлющая многоступенчатая общенациональная система Сообщества Университета, постоянно формирующая меритократию (см. главу 7.1).
12. В Пятой империи возникнет смыслократический слой высшей культурной элиты (хранителей цивилизационного кода). Идеология будет транслироваться обществу главным образом не через политику, а через культуру.
13. Государство будет гибко реагировать на новые вызовы времени, оперативно создавая институты решения особо сложных проблем.
14. Нам предстоит на базе реиндустриализации осуществить ещё одну НТР — «русский техношторм», который не только нанесёт удары по монополизму ТНК, но в перспективе существенно скорректирует и само направление технологического развития человечества, внедряя так называемые «закрывающие технологии».
15. Мы не отвергаем новейшие информационные технологии, напротив, в Пятой империи будет осуществлён их бурный рост — однако они будут поставлены на службу продуктивной мечты, а не мира виртуальных иллюзий.
16. Мы создадим инфономику — альтернативу «цифровому колониализму», ускоренно внедряемым сейчас в мире «умным» технологиям социального программирования (слежки, управления сознанием, внедрения искусственного интеллекта в частную жизнь и т.д.).
17. Мы будем строить солидарное общество как ведущий уклад внутри многоукладного социума — в нём все граждане будут ассоциированы собственниками активов государства-корпорации (корпоратизм).
18. Это будет Государство развития, сочетающее принципы плана и рынка, поощряющее предпринимательскую инициативу, при этом пресекая деструктивную, хищническую деятельность на финансовом рынке.
19. России необходимо Чрезвычайное демографическое положение — смена социальной парадигмы, новая этика, новый сакральный статус семьи, новые программы самореализации гражданина-семьянина, усадебная урбанизация, инфраструктурные проекты развития страны, новый идеал качества жизни.
20. При сохранении благоговения перед окружающей средой мы построим свою модель экологии, которая будет настроена на одухотворение природы, будет работать не в ущерб развитию человека.
21. Утверждая в пределах Русского мира имперский национализм как соцветие народов, причастных к общему делу нашей цивилизации, Пятая империя станет осуществлять также и проект Большой Евразии, геостратегию с опорой на множественные точки взаимодействия (многоугольную систему союзов, в первую очередь, по оси Север–Юг).
23. Наш идеал миропорядка — ансамбль традиций, культур, мировоззрений, то есть всеобщая гармония своеобразий. Мы будем способствовать многополюсному развитию мира, реваншу своеобразий народов, — закладывая основы нового миропорядка после схлопывания одиозного проекта однополярной глобализации.
24. Мы будем собирать весь ценный опыт человечества, объявив себя хранителями его классического наследия.
25. В Пятой империи возникнет новый Великий стиль, включающий в себя Большой стиль в культуре и искусстве, героическую стилистику Победы и Мечты в гражданском поведении, специальную идеологическую экосистему, призванную реализовывать и концентрировать внимание государства и народа на выполнении уникальной Миссии — справедливой и гармоничной регуляции мирового развития,

о которой мы подробно говорим в своём докладе (см. часть 5).

В предельно концентрированном виде консолидирующая нацию идеология может быть определена как Победа Побед.

В последние десятилетия ещё отсутствовавшая, но уже предощущаемая, эта идеология интуитивно была уловлена и властью, и обществом в их восприятии огненной Великой Победы 1945 года.

Победа делает наш народ народом, не даёт ему пасть, извериться, возненавидеть, пойти в услужение к тьме.

Однако подлинная Победа обязательно опредмечивается в других свершениях, плодоносит новыми победами.

Так, в послевоенную эпоху она вылилась в невероятные взлёты цивилизационного гения, в создание удивительных передовых отраслей. Советского космоса как апофеоза в познании большого внешнего мира, советского мирного атома — как прорыва в познании микромира

и постановки его на службу человеку, «плана преобразования природы» — как изменения окружающей среды.

Эти проекты стали двигателями Большого Развития на десятилетия, вдохновили миллионы людей на самоотверженный труд и высокие достижения.

Поэтому-то мы говорим не о какой-то одной победе, даже самой великой, но о Победе Побед, которые одерживал русский народ на всём протяжении своего исторического времени. Все военные победы, такие как Куликовская, на Чудском озере, Бородинская и множество других больших и малых скрытых в истории русских военных побед.

Это и удивительная, неповторимая русская иконопись, поставившая русскую живопись вровень с итальянским ренессансом.

Это и несравненная русская архитектура — северная деревянная готика.

Это и потрясающие, небывалые Золотой и Серебряный века русской литературы.

Это и прозрения русских космистов, сулящих человечеству и всей земной жизни, будь то цветок или бабочка, жизнь вечную.

Это и само появление сегодняшнего государства Российского — Пятой империи — среди хруста костей, смердящих исторических свалок, когда Россия в кровавых бинтах встала из исторического лазарета и снова пошла в атаку.

Победа — это и есть сущность Русской мечты, её квинтэссенция.

Русские — победоносцы. Они — солдаты Победы, сержанты Победы, офицеры Победы, генералы и адмиралы Победы, они маршалы Победы. Русский имперский народ — это генералиссимус Победы.

Нарождающееся русское время — это время Победы, той, что была одержана, и грядущей, восхитительной и неизбежной.

Русская Победа сотворена Господом по сотворении мира. Это свет, возникший в кромешной тьме. И тьма не объемлет его.

/ Сергей ГЛАЗЬЕВ /

Государство Развития

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ФОН

На пути формирования олигархического капитализма мы дошли до пределов возможной деградации. Государство сняло с себя всю ответственность за состояние дел, противопоставив благополучие всего народа интересам группы олигархов и связанных с ними коррупционеров. На выходе мы имеем, по сути, феодальный капитализм. Таковым он является по типу взаимоотношений социальных страт и по признаку качества административно-управляющей прослойки.

Ключевой вопрос здесь заключается в наличии у продуктивной элиты энергии и инициативы для формирования образа преодоления сложившейся ситуации. В значительной степени позитивный пример такого преодоления сегодня являет военно-промышленный комплекс, освоивший серийное производство высокоточной техники, включая гиперзвуковое оружие. В прочих сферах деградация, как мне кажется, поглотила и продуктивную элиту.

После того как Украина была отдана под контроль неонацистским силам, всецело контролируемым США, а Россия фактически добровольно сняла с себя функции защиты десятков миллионов русских людей, встал вопрос об адекватной (по отношению ко всему Русскому миру) защите нашего национального суверенитета и духовно-идеологической общности.

Чрезмерная офшоризация российской экономики с ежегодным нетто-оттоком капитала в размере около 100 млрд долл., десоверенизация валютно-финансовой системы и в целом подчинение воспроизводственных контуров зарубежным выгодоприобретателям обнажают наши слабые места. При этом властвующая элита не до конца осознаёт или не хочет осознавать вес фактора экономической самостоятельности в геополитической суверенизации нашего жизненного пространства.

Россия, как никогда в новейшей истории, нуждается в широком общественном договоре между государством, бизнесом и людьми. Не-

обходимо соглашение, посредством которого можно преодолеть социальную дифференциацию и антагонистический разрыв между интересами общества и властвующей элиты. Пока союзничество в этом контексте может быть лишь благим пожеланием, поскольку фактическая эксплуатация труда, недооценка его стоимости, извлечение природных ресурсов без симметричного приумножения общественного дохода — в восприятии российского общества — является явной несправедливостью.

Что касается межгосударственного экономического сотрудничества, должен признать, что развитие интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) продвигается достаточно успешно, хоть и не без очевидных нюансов. Но, не вдаваясь в подробности вызовов и перспектив интеграции, которые являются предметом отдельной профессиональной дискуссии, должен отметить, что одной лишь экономической повестки для формирования целостной, способной к самостоятельному воспроизводству структуры здесь недостаточно.

Требуется актуализация и **созидание евразийской культурно-исторической общности**, без чего долгосрочное взаимовыгодное сотрудничество уязвимо перед дестабилизирующими факторами. Реализация собственно экономического потенциала Союза ограничена макроэкономической динамикой России, которая пока не может удовлетворять ни по каким параметрам. Для качественного приращения потенциала ЕАЭС нам необходимо как минимум его удвоение. Это могло бы дать полноценное членство в Союзе Украины и Узбекистана — за счёт возникающего кумулятивного эффекта интеграции в промышленности. Ташкент хоть и является сегодня активным участником интеграционных процессов, но обладает лишь статусом наблюдателя. Украина, находясь под внешним управлением, выпала из работы по интеграционному строительству, хотя и была инициатором создания Единого экономического пространства в 2003 г.

У России стратегический союз с Китаем, но в этих отношениях многое ещё предстоит прояснить. Непонятна субординация, пакет перспективных и готовых к реализации проектов, в том числе, по сооружению транспортно-логистического каркаса Большой Евразии.

Отдельный вопрос — перспектива сотрудничества ЕАЭС с Ираном. Здесь нужно смотреть на многие параметры, связанные комплементарностью народнохозяйственных комплексов, а также иметь более или менее чёткое представление о пакете совместных кооперационных инициатив и проектов. Но если оценивать потенциально возможное, то присоединение Исламской Республики даёт приращение экономического потенциала не менее чем на 10%. Если в это «тождество» привносить дополнительные параметры, связанные с ёмкостью иранского рынка, его уникальное географическое положение, качество трудовых ресурсов, то эта цифра, конечно, будет больше. Пока ЕАЭС формирует с Ираном зону свободной торговли.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НОВОГО УКЛАДА

Теперь от вводных соображений перейдём к вопросам идеологической поддержки преобразований в экономике, политике, социальной сфере. Говоря об идеологии, к ней необходимо предъявлять два фундаментальных требования, которые в определённом смысле противоречивы. Первое — идеология должна быть современной и апеллировать к будущему, второе — она должна зиждиться на традиционных ценностях. В этой конструкции и кроется диалектическое единство противоположностей. Если говорить о современности идеологии, виднеется образ будущего. Его можно определить как «новый мирохозяйственный уклад». Можно говорить и об «ноосферном социализме». Что бы мы ни вкладывали в эти понятия, так или иначе мы видим примеры формирования принципиально новой системы организации институтов и производственных отношений,

соответствующей целям развития социально-экономической архитектуры.

В Китае, Индии, в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе утвердилась социально-рыночная модель управления с приматом общественных интересов над частными. Экономика в этой модели является средством повышения общественного благосостояния и удовлетворения потребностей людей, приращения их материальных возможностей. Подчиняясь социалистическим целям и задачам, экономическое устройство в регионе АТР является рыночным по содержанию, использует механизмы рыночной конкуренции и предполагает рыночную самоорганизацию бизнеса.

Вся система управления экономическим развитием при этом строится в соответствии с документами стратегического планирования. Некоторые аналитики называют описанную модель «планово-рыночной». Её характерной чертой является стимулирование частного предпринимательства в той мере, в которой оно способствует росту общественного благосостояния и пресечению тех видов так называемой «деловой активности», которые направлены на дестабилизацию экономики и получение сверхприбыли за счёт остальных. Этот механизм регулирования и контроля за устойчивостью социально-экономической системы — с рычагами недопущения перетока ресурсов в сектор валютно-финансовых спекуляций — достаточно хорошо отлажен в Китае, Индии, Японии и Южной Корее. Механизм отлажен и достигает магистральной цели регулирования частнопредпринимательской инициативы в интересах подъёма общественного благосостояния. Он ни в коей мере не ущемляет интересы частных собственников, если они ответственно и сполна исполняют свои обязательства. Для добросовестных собственников, развивающих производство и технологии, а также обеспечивающих занятость, в рамках интегральной модели нового мирохозяйственного уклада существует система поощрения. В её рамках им предоставляются неограниченные

ресурсные возможности, гибкая система кредитования, другие льготы и преференции.

Важным элементом этой модели является государственный контроль денежного обращения, которое, с теми или иными оговорками, контролируется государством. А деньги являются инструментом авансирования экономического роста, повышения конкурентоспособности, финансирования инвестиций. Денег создаётся ровно столько, сколько нужно для экономического развития, и их создание, замечу, не вызывает инфляционного эффекта, поскольку вложение направлено вдоль производственных линий. Поэтому в государствах, находящихся в парадигме нового мирохозяйственного уклада, обеспечиваются околонулевые ставки кредита и контроль целевого использования предоставляемых ссуд. Это делается в интересах повышения общественного благосостояния. Такой подход предполагает обеспечение устойчивости экономики к спекулятивным воздействиям. Государство здесь является правовым, умным, ответственным, нравственным, справедливым и, по мере возможности, демократическим. Я бы назвал его **Государством Развития**. Это принципиально новый тип государства, которого не было в предыдущую историческую эпоху — ни в советской редакции, ни в американской, ни, тем более, в рамках предыдущих формаций.

ФАКТОР ЦЕННОСТЕЙ

Теперь о ценностной составляющей идеологии. Мы располагаем двумя источниками традиционных ценностей. Это — православная традиция, которая сочетается с мусульманской и буддистской традициями. Есть гипотеза, что все эти три религиозных течения вышли из одного. Но об этом следует поговорить в рамках отдельной дискуссии.

Есть мнение, что идеология должна отвечать на вопрос «как?». «Как» — значит наличие некоего практического приложения, это понятно всем. Раньше

я думал, что такой идеологический подход можно назвать «христианским социализмом», но, с учётом современных тенденций, его всё чаще называют «ноосферным социализмом». Государство при этом должно быть Государством Развития в том смысле, о котором я говорил, а экономика должна быть социально-рыночной, то есть агрегировать в себе лучшие черты социалистического и капиталистического хозяйствования.

В рамках этой универсальности на самом деле может быть большое разнообразие, особенно — в нынешнем интегральном мирохозяйственном укладе. Разные виды этого интегрального мирохозяйственного уклада обладают двумя свойствами. Это социалистическая идеология и рыночная экономика. Идеология, их объединяющая, имеет ещё национальное измерение. Повсеместно мы имеем дело с национализмом, а вернее даже сказать, с экономической автаркией. В Китае сегодня смесь социализма, национализма и рыночной экономики, в Индии то же самое, во Вьетнаме мы наблюдаем похожее явление.

Если брать Восток в качестве образца построения нового мирохозяйственного уклада, то он являет собой пример политико-экономической инженерии. У нас уже есть правящая партия, и называется она, соответственно, правильным образом — «Единая Россия». Но вот как в неё содержательно вдохнуть, так сказать, нужную идеологию, вопрос открытый. Если партия воспримет идеи конфуцианства, то перед нами возникнет модель для сборки в Евразии реальной евразийской экономической интеграции.

Китай реализовал ту философию общественно-политического устройства, которая обсуждалась в позднем СССР, а именно конвергентный путь, сочетающий механизмы как советского планового хозяйствования, так и вполне рыночную самоорганизацию с постепенным раскрепощением частнопредпринимательской инициативы по мере её созревания к этому. Тому пример — формирование концернов и участие трудящихся в процессе

управления предприятиями. Нужно сказать, без экивоков, что Советский Союз шёл по тому же пути, что и Китай сегодня. Нас прервало фактическое самоубийство КПСС. Не случись этого, возможно, мы бы вышли на совершенно другую траекторию, схожую с китайской.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОПЛОЩЕНИЯ

Мы подошли к главному вопросу: как практически воплотить этот идеологический посыл? Концентрированным, если угодно, манифестом наших идеологических воззрений является представленная в 2019 году программа «Социальная справедливость и экономический рост». В ней, напомним, содержится весь набор инструментов и механизмов обеспечения экономического порядка в соответствии с идеологической дихотомией, с которой я начал. Мною и моими коллегами по Российской академии наук разработана и более академичная стратегия опережающего развития, которая может служить весомым подспорьем в практических действиях.

Для достижения ориентиров опережающего развития в последние годы были прописаны даже основы стратегического планирования — например, законы «О стратегическом планировании», «О промышленной политике», которые предусматривают механизмы частно-государственного

партнёрства на контрактной основе. Эти государственные нормативно-правовые акты формируют иерархию документов стратегического планирования, которая может с правовой точки зрения стать основой для формирования реальной государственно-экономической политики. Нам, к сожалению, не удалось принять закон об ответственности федеральных органов исполнительной власти за результаты её деятельности. Если бы этот закон был принят, мы бы обладали полноценным правовым каркасом, обеспечивающим ответственность власти за реализацию целей экономического развития, в том числе указов президента 2012 и 2018 годов.

В контексте сказанного я бы хотел зафиксировать некоторые неразрешимые, во всяком случае — пока, проблемы. Вопрос, как реализовать наши идеологические построения, упирается в реальные механизмы воспроизводства социально-экономической системы, которая характеризуется следующими дисфункциями. Во-первых, существует дисфункция власти. Все ветви власти находятся в состоянии полной дисфункции. Исполнительная власть не исполняет законы. Законодательная власть не принимает законы, нужные обществу, а просто обслуживает интересы властвующей элиты. Судебная власть подчинена конъюнктурным административно-коррупционным интересам.

Наблюдается системная коррупция, которая является следствием полной безответственности власти — по части управления.

Коррупция и некомпетентность — это две стороны одной медали. И торжество этой тенденции пока непреодолимо. Конечно, есть исключения, наблюдаются попытки очистить власть от коррупции и поднять её компетентность, но эти отдельные, я бы сказал, эксперименты тонут в общей безответственности властно-хозяйственного управленческого механизма.

Де-факто мы стали западной периферией и, что печально, не только сырьевым придатком Европы. Наше стратегическое партнёрство и экономическое сотрудничество с Китаем свидетельствует о том, что мы сегодня в ещё большей степени сырьевой придаток Китая, чем остального мира. Это означает, что **мы не интегрируемся в новый интегральный строй**, который формируется в Юго-Восточной Азии, а фактически застряли в качестве сырьевой периферии сразу двух мировых центров — уходящего старого и формирующегося нового уклада, между которыми идёт мировая гибридная война. Хотя мы говорим о необходимости преобразования всей властно-хозяйственной системы, но вместо этого преобразования мы наблюдаем имитацию. И механизмов оздоровления ситуации пока не прослеживается.

/ Александр АГЕЕВ /

В поиске ИСТИННОГО азимута

ПОСТАНОВКА

Идеология будто внезапно вышла в эпицентр общественной дискуссии, не уступая по остроте даже ковидной проблематике, которая, в свою очередь, потянула за собой как минимум ещё три вопроса: климатическую повестку, демографическую катастрофу и «устойчивость экономического развития». Всё это вместе изрядно поколебало устоявшиеся, как многим казалось, метрики текущего и перспективного развития, точнее — эволюции страновых, цивилизационных социумов, даже всего человечества в целом и, пожалуй, каждого индивида в отдельности. Необозримое многообразие проблематики на фоне усугубляющегося информационного потока и расширяющегося применения систем Искусственного Интеллекта для обработки информационных массивов и потоков (от устройства Вселенной и её частиц, дорожного трафика — до исследований человеческого мозга) провоцирует всё больше людей к обращению ради определённости со своей идентификацией в этом спутанном мире к чему-то упорядочивающему и упрощающему эту пёструю реальность: магиям, национализму, футуризму, религиозности или идеологии. Нынешние идеологические дебаты вбирают в себя весь спектр такой тематики, чересчур расширительно накрывая множество вопросов и предлагая приоритет не научного, но идеологически окрашенного и заряженного решения.

Из термина, неприличного в приличных кругах, «идеология» вдруг обрела статус концепта модного и весьма высочайше принятого. Пандемия, связанные с ней информационно-психологические стрессы в обществе и действия органов власти тоже вдруг показала другой мир ценностей за пределами массово

укоренившихся эгоистических, материалистических и гедонистических идеалов. И это не только ценности жизни и здоровья.

Между тем, согласно даже направленной в 2020 г. Конституции РФ, в Российском государстве «признаётся идеологическое многообразие», и «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Однако совместим эти правовые нормы и общепринятое определение идеологии. В результате сравнения получим неудобные вопросы. Есть ли в стране система идей, выражающих «суть социальных интересов» классов, групп и общества в целом? Есть ли общепринятые трактовки прошлого, настоящего и будущего? Есть ли приемлемый для всего общества и ключевых социальных групп образ будущего? Есть ли способы мобилизации всего общества на долгосрочные действия по достижению национальных целей? Эти вопросы вытекают из определения сущности идеологии. И даже начало ответов на эти вопросы вовсе не убеждает в том, что никакая идеология не «установлена» как «обязательная». Как известно, есть зазоры между правосознанием, формальным правом и правоприменительными практиками. Это хорошо иллюстрирует, кстати, информационная и регуляторная политика по стимулированию вакцинации.

Поскольку ядро идеологии коренится в корпусе идей о природе власти, её реализации, а при дисфункциях — идей о смене власти насильственным или ненасильственным путём, поскольку идеология важна не только для достижения прагматических целей, но и утоления «потребности в идеале», поскольку трудно заподозрить наше общество и в отсутствии институтов власти, и в отсутствии хотя бы минимального желания в «существовании со смыслом выше обыден-

ного», то не является ли постулат об «идеологическом многообразии» либо слишком далёкой от реальности абстракцией, либо речь идет о невидимом, по сути — не антиконституционном ли — торжестве некоторой идеологии? И как система идей, она вполне определённо трактует прошлое и будущее, вполне определённо выражает интересы определённых классов, вполне удовлетворительно для них мобилизует общество на жизнедеятельность.

Подобная возможность была теоретически предусмотрена более 100 лет назад. Трактую варианты соотношения между идеалом и действительностью, В.М. Соловьёв обозначил три возможные ситуации противопоставления «высшего совершенства в каком-нибудь отношении» действительности как чему-то несовершенному: 1) признание противоречащего действительности идеала «за пустую фантазию»; 2) отвержение действительности как «бесплодной и призрачной» в сравнении с идеалом как «негодной, неспособной к улучшению»; 3) примирение идеала с реальностью в виде соответствующего её преобразования. «Вся история мира и человечества есть лишь постепенное воплощение идеала и преобразование худшей действительности в лучшую, и когда полагаются произвольные пределы этому процессу — это обыкновенно означает лишь тайное предпочтение дурного хорошему в силу низших интересов и страстей»¹.

Есть ли сегодня такое «тайное предпочтение»? Есть ли сегодня нечто в нашем социальном жизнеустройстве, что тормозит позитивные преобразования действительности? Очевидно есть, но оно вовсе не тайное. Однако ещё более существенно: есть ли сегодня идеалы, которые вдохновляли бы граждан страны на их воплощение в повседневности с достаточной жизненной энергией

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. ХІІА. СПб.: Типолитография І.А. Ефрона, 1894. С. 797–798.

и со значительным для общества результатом? Насколько эти идеалы сильны, распространены и приняты обществом в рамках «идеологического многообразия»? Речь ведь и сегодня идёт о тех идеях, которые «становятся материальной силой, овладевая массами».

Чтобы ответить на актуальные вопросы, имеет смысл приглядеться к недалекому прошлому, в котором конкуренция социально-экономических систем проецировалась в сферы конфронтации идеологических идеалов, за которые оппоненты были готовы умереть и убивать друг друга. О неизбежно примешивающемся к этим дуэлям духе всякого рода отребья, описанного Ломброзо, разговор особый и не здесь.

Важно понять, почему идейные течения, вызвавшие социальные цунами на целый век, сегодня вызывают скорее аллергию, нежели рождают пассионарных последователей.

АЛЛЕРГИЯ

XX век ознаменован пятью основными типами восторжествовавших идеологий и соответствующих им типов личностей (либерализм, коммунизм, нацизм, антиколониализм, анархизм) и множеством их гибридов и иных производных. Самоутверждение и экспансия каждой из них опирались на развитый теоретический базис предшествующих веков и фундаментальные экономические интересы индустриальной эпохи. Результатами экспансии идеологий стали образование и крах мировых систем, политических режимов, их многочисленные конфликты вплоть до череды мировых и локальных войн, горячих, холодных, замороженных и всевозможных революций.

Все эти идеологии и связанные с ними социальные системы в настоящее время основательно скомпрометированы. В этом же и источник распространённой аллергии на конструирование идеологий. Но в судьбе идеологий важны

не только их конструкторы, их талант и пламенная вера. Конструируют идеологии и «вносят их в сознание масс» немногие подкованные теоретики и азартные пропагандисты, но воспринимают, усваивают их — широкие человеческие массы, не всегда — большинство, обычно — активное меньшинство, для которого новое «мировосприятие» даёт значимый смысл жизни и мотивацию поведения в социуме.

Компрометация упомянутых идеологических моделей связана не только и не столько с устареванием самих идей. Из-под этих комплексов идей ушёл базис в виде набора ресурсов их жизнеспособности — парторганизаций, СМИ, профессиональных кадров, в том числе, тех, кто был лицом и локомотивом «проектов». Локомотивом социалистического проекта был СССР, распад которого лишил проект системного ресурса. Но ещё раньше произошла дискредитация ключевых и символических фигур проекта. Компрометации представительских фигур идеологий, независимо от их реальной лидерской роли, уделяется в идеологической борьбе особое внимание. Разрушение образа и авторитета лидера — необходимое, хотя и недостаточное условие подрыва влияния идеологии.

Существеннее то, был ли лидер, основатель идеологии и вызванного ею социального движения «голым королём», всего лишь продуктом фабрикации мифов, «культ личности», кумиром изменчивых симпатий или «калифом на час». Ещё более существенна социальная база идеологии и питающие её социально-экономические, межэтнические, межнациональные и территориальные противоречия. Ещё более существенна «грибница» идеологических систем, а именно — базовая культура общества со всеми её исторически накопленными «кодами». Ещё классики марксизма уловили общность культуры первых христианских общин и социалистических ячеек, что потом было ис-

пользовано в идеологической работе большевиков.

Не менее чем первое, второе и даже последнее, существенны «большие игры» в геополитике и логика геозкономики, дающие внешнюю подпитку внутренним распрям и импульс реализации химерных геополитических проектов вкупе с долгосрочными геозкономическими трансформациями (эволюцией мирового разделения труда).

Все эти обстоятельства сыграли свою роль в компрометации идеологий и социальных движений, ярко заявивших себя с середины XIX в. и в XX в.

«Эффект победителя» исключительно важен для популярности идеологий. Если она не приносит зримых и ощутимых квазиглобальных побед, то все идеологические построения «ветшают, как платья». Все упомянутые идеологии потерпели так или иначе сокрушительные поражения в XX в.

Так, опыт конца XX и особенно первых 20 лет нового века нанес либерализму серьёзный ущерб, он сегодня — не безусловный и не безупречный победитель в полуторавековой битве идей и порождённых ими политических режимов.

Социализм с коллапсом СССР, акцентированием китайской, латиноамериканской, европейской и иных страновых специфик изрядно утратил глобальный размах. Возвышение Китая как новой экономической сверхдержавы всё-таки не воспринимается как развёртывание мировой социалистической системы, как новый «социалистический лагерь», как торжество социализма как идеологии. Было что-то более всеобщее именно в советском «эксперименте».

Пафос национально-освободительных движений теряется с переходом к форматам неокOLONIALИЗМА, с накоплением опыта всевозможных экономических чудес в рамках международного разделения труда, с уходом из активной политики или жизни признанных лидеров в тех

или иных сегментах третьего мира, провозглашавших новые идейные конструкции.

Нацизм принципиально разгромлен, осуждён Нюрнбергским трибуналом и последовавшими затем десятками других международных судов. Но как типовой инструмент авторитарной консолидации ряда государств по-прежнему жив, пусть и без глобальных амбиций и откровенных нацистских крайностей. Хотя следует сделать отсылку к представлениям о наличии «чёрного ордена» и иных националистических моделей и в наше время.

В результате идеологизирование в парадигмах главных идеологий XX в. сегодня стало довольно рутинной или маргинальной практикой, мало напоминая яростную «битву идей» начала и середины XX в. В массовом сознании, в том числе и российском, в настоящее время идеологическая деятельность — это скорее атрибут эпохи динозавров.

Всё это никоим образом не означает, что идеология умерла.

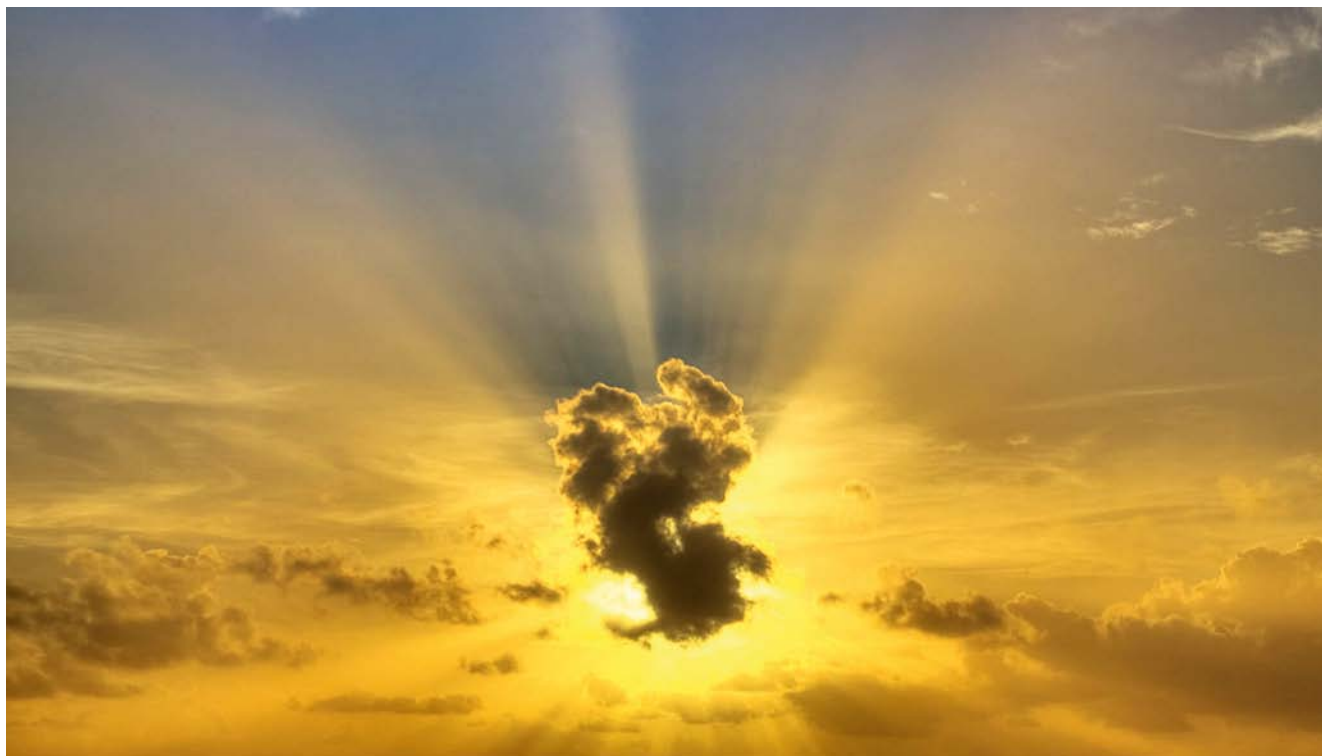
НАКАЧКА

Накачка идеологических энергий растёт буквально на глазах. То, что идеологическая напряжённость в социальной жизни вовсе не архивное достояние, показали недавно США, Европа, Гонконг, а также каскад событий «арабской весны» и на постсоветском пространстве. Эти события вдохновлены, безусловно, идеологическими мотивами. Их происхождение, даже если это явным образом не осознают адепты, восходит к одной из пяти базовых идеологических традиций XX в., теперь манифестирующих себя гибридно. Наиболее популярны идейные модификаты — бинары: «свобода плюс справедливость» или «долой коррупцию и прогнивший режим». Либерализм мутировал в ряде случаев в «европеизм» («евроинтегризм»). Новое дыхание получил анархизм, особенно в движениях криптоанархистов и шифропанков. Довольно причудливые и разнообразные формы имеет современный консерва-

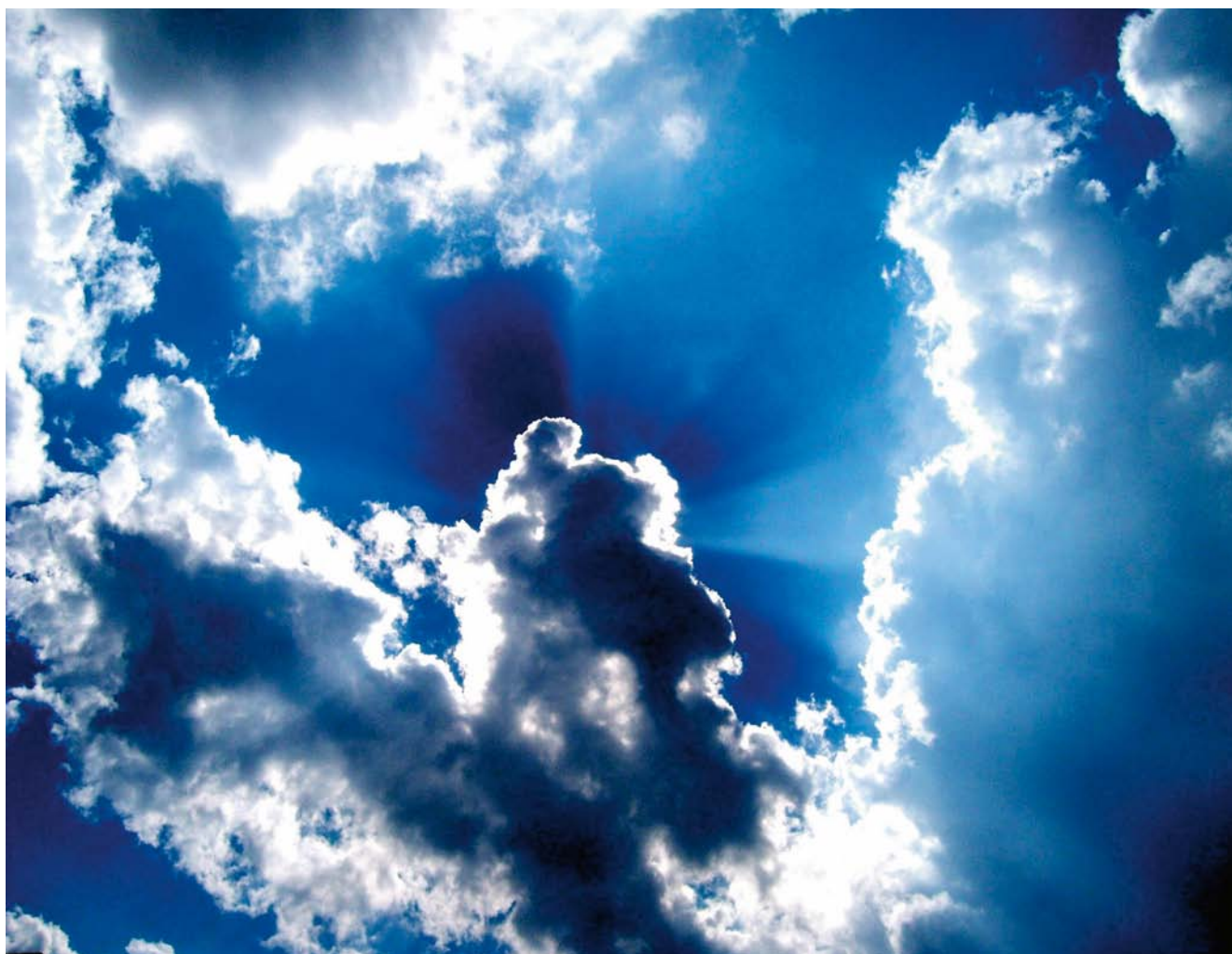
тизм. В ряд мутировавших видов можно отнести ИГИЛизм², воплощающий горючую смесь нигилизма, радикализованного сектантства и жажды социальной справедливости и патернализма.

С 1960-х годов о себе заявили две новые идеологические конструкции, которые разрабатывают тематику глобальную и технологическую, причём обе — в дихотомической растяжке: с антиглобализмом и луддизмом в их актуальных разновидностях. Глобализм в различных модификатах до прихода в Белый дом Трампа представлял как успешная идеологическая формула, отражавшая установление монополярного мироустройства с конца 1980-х годов, после завершения холодной войны. Его, между прочим, подпитывало и произвольное ассоциирование со «всемирной отзывчивостью». В итоге возник специфический идеологический гибрид либерализма, глобализма, якобы благословлённый Достоевским.

Технологические перемены и активная разработка проектов вызвали

² Запрещенная в РФ организация.

к жизни пёстрое ассорти концептов «нового человека» («цифролюди», «ГМО-люди», «трансгуманизм», «служебные люди», «сингуляры», «новые европейцы», «новые кочевники» и т. п.).

Набирает силу также и комплекс идей, связанных с концептом ноосферы, космизма, «лучистого человечества», интегрализма. За ним — содержательная научная основа, восходящая к В. И. Вернадскому и Т. де Шардену, фантастам XX в. (Г. Уэллс, И. Ефремов, С. Лемм, братья Стругацкие), философам и учёным (Н. Фёдоров, К. Циолковский), но важнее — за этим практические триумфы человеческого развития середины XX в. — освоение околоземного и космического пространства, глубин океана, человеческой биологии и психики и т. п. Этот комплекс представлений при всей

их научной обоснованности сложен, опирается на плохо известные в обществе новые научные парадигмы. До манифестации как новой массовой идеологии ему пока далеко. Большую популярность имеют «географические», «геополитические», «экономические» версии идеологий, поднимающие флаг механической близости проживания и судьбы тех или иных народов и государств и обслуживающие прагматические интересы.

Для полноты картины следовало бы рассмотреть воздействие религиозной сферы на идеологическую, но это за рамками данного сюжета.

В целом, тезис об «идеологическом многообразии» зафиксировал обветшание наиболее популярных идеологических моделей XX в. и легализовал новые идейные поиски. Не более, но и не менее.

ДОМИНАНТА

Если законодательство и общественное мнение отрицают свою приверженность какой-либо идеологии, это не означает, что её в обществе нет вообще. Строго говоря, конституционная норма об идеологическом разнообразии и фиксирует сложную амальгаму ценностей в современном российском обществе. Вопрос в другом: есть в этом разнообразии всё-таки некоторая неофициальная и неафишируемая «обязательность» и нет ли в ней предпочтения «низших интересов и страстей»?

Стало общим местом признание в массовом сознании и социологическом мониторинге преобладания материальных и эгоистических мотиваций над идеализмом и солидаризмом. Большинство социальных идеалов страны в 1990-е годы были

скомканы и отброшены в корзину музейных артефактов, осмеяны и ошельмованы. В последние два десятилетия произошло отчасти риторическое, отчасти практическое восстановление ряда традиционных ценностей как из досоветского, так и советского прошлого. Но в целом к настоящему времени в массовом, а ещё более — элитном сознании утвердилось либеральное идейное умонстроение. Либерализм — термин ёмкий. В конкретных условиях современной России он на уровне лозунгов вообрал в себя весьма аморфное содержание из триады «разгосударствления», «прав человека», «антикоррупции» с сопутствующим шлейфом «свобод», прежде всего — «слова». В ракурсе экономических реалий, распределения имущества и доходов, характера конкуренции и вектора госрегулирования он проецирует существенную вынесенность центров прибыли и управленческого контроля за пределы российской юрисдикции. Символом торжества стал золотой Меркурий, с дохристианских времён известный как покровитель торговли, предпринимательства, а также воровитости. По сути, это и составляет догматическую основу текущей экономической реальности.

На уровне политической борьбы к настоящему времени «либерализм» свёлся к набору известных клише, контрпропаганды, действий и противодействий.

На бытовом и частично законодательном уровне это проявляется в мифе и установлениях о том, будто цель экономической деятельности — это прибыль, что именно *money do matter*, что чем меньше государства, тем лучше, что человек рационален, а рынок в результате эгоистических устремлений даёт общественное благо. Чуть утрировано, но по сути точно. От этого заблуждения рукой подать до социальной безответственности бизнеса, коррупции, неэффективности управления, растущей социальной поляризации и многих других социальных патологий.

Не всегда они увязываются в сознании даже теоретически подкованных граждан с этим мифом, кажущимся «естественным атрибутом» рыночной экономики.

Такая квазилиберальная доминанта в идеологической амальгаме отразила характер сложившихся в стране в ходе шоковых реформ и «перехода к рынку» экономического строя и социальной структуры. Она всегда множественна, объективно формируя ряд сословий. В условиях постсоветской России это превратилось в доминанту именно делового класса в социуме. Множество примеров «личной унии» чиновников и бизнесменов, реально чрезмерно высокий уровень влияния деловых интересов на законодательную и правоприменительную практику подтверждает факт этой доминанты. По сути, эти культурные феномены описаны более 100 лет назад А. Н. Островским и А. П. Чеховым. Популярность их пьес и сегодня указывает на резонансы эпох в осознании сути проблемы «прибыльщи́ков».

Это серьёзная проблема — пока ещё плохо осмысленные уроки XX в., несмотря на довольно целенаправленные попытки выдать ему однозначный вердикт каждой полемизирующей стороной. Так или иначе, но сложившийся в РФ строй объективно благоприятствует не только доминанте специфического «либерализма», но и его сосуществованию и довольно вялой борьбе между собой либерализма, корпоративизма, антиколониализма, социализма, а также конфессиональному самовыражению.

Многоукладности экономики и социально-региональной конфигурации соответствует конгломератность мировоззренческих основ общества — от многообразия традиционных и новообразованных религий и сект, атеизмов — до своеобразия архаических и магических практик. Но это разнообразие всё же пронизывает одна идеологическая доминанта не самой высшей этиче-

ской пробы и не самого новейшего образца. Так называемый либерализм на деле — вовсе не о свободе предпринимательства, правах человека, а о приоритете, культе «золотого тельца» в модернизированных этикетках.

КОНВЕРГЕНЦИЯ

В те времена, когда цветовая гамма идеологий была скуднее, а идейные различия очерчены яснее, возникла идея конвергенции двух систем. Это был 1944 г., когда и либеральный, и советский проекты вместе боролись против нацизма. Инициативу выдвинул Питирим Сорокин, высланный в 1922 г. из СССР, друг Николая Кондратьева, ставший основателем факультета социологии Гарвардского университета. П. А. Сорокин убеждённо придерживался антисоветских взглядов, запечатлев в своих научных и художественных трудах трагедию 1917–1922 гг., не только цунами революции, Гражданской войны, интервенции, но и голода, эпидемии, сотрясения всех основ общества. Н. Д. Кондратьева, выдвигавшего более органические, эволюционистские подходы к развитию СССР, репрессировали в 1930 г. Со Сталиным, в своих стихах признававшим свою метафизическую вину как раба «вселенского настроения», «перминавшего миллионов страсть», связано рождение сталинизма как особой разновидности социализма. Её, этой разновидности, смысл до сих пор остаётся столь же нераскрытым для идеологической сферы, сколь и важным для актуального идеологизирования. Это достойно отдельного разговора, как и альтернативные варианты решения назревших проблем советского социума, между которыми шла жестокая борьба в 1920-е годы.

Более глубокие по силе, более изощрённые по мотивации и целям энергии, нежели теоретические гипотезы и игра идеологических вкусов, вели к новой мировой войне от-

нюдь не только идей. Они требовали форсированной индустриализации СССР и инициирования новой мировой войны, направленной на западе и востоке Евразии на установление господства коалиций, мотивированных не только нацистской идеологией, но, прежде всего, целями мировой экспансии и установления контроля над поставками топлива и продовольствия в условиях распавшейся мировой валютной системы.

Доктрина «мирного сосуществования» и интегрального общественного строя теоретически обосновывала продуктивность сотрудничества союзников в борьбе с нацизмом. Разработка ядерного оружия внесла свои коррективы и в идеологическую мировую ситуацию, обострив её до пределов. Экономическая подоплёка после 1945 г., однако, была вполне в духе ялтинско-потсдамских принципиальных намерений и договорённостей: разворачивались две мировые экономические системы, претендовавшие на усиление своего присутствия и влияния в третьем мире, освобождающемся от традиционного колониального ига со стороны прежнего валютно-экономического гегемона — Великобритании, а также других метрополий.

Достижение ракетно-ядерного паритета, космические успехи сверхдержав и появившаяся общая озабоченность ресурсными пределами объективно вели к снижению остроты идеологической риторики с обеих сторон вплоть до появления совершенно новой мировой повестки — глобальных проблем в 1960-е годы, положивших начало новым идеологическим проектам.

Движение к «интегральной идеологии» как попытке объединить в едином многообразии всевозможное дало сильные импульсы эрозии идеологических конструкций того времени, в первую очередь — мировой социалистической подсистемы,

ставшей ключевым геополитическим и геоэкономическим результатом Второй мировой войны. Однако концепт конвергенции оказал асимметричное влияние на свои формально равноправные составляющие. Главное — он лишил социалистический идеал пассионарности, а попутно — и бдительности его идеологов. Одни впали в охранительство с быстро прогрессирующим догматизмом, другие — в подражательный, вторичный по сути ревизионизм, дошедший до провальной перестройки.

Колоссальный ущерб, не только геополитический и экономический, но именно идеологический, нанёс разрыв союзнических, «братских» отношений СССР и КНР. Сегодня серия открытых писем ЦК КПК того времени в адрес советских оппонентов при всей специфической стилистике выглядит весьма пронизательно именно с позиций идеологической правоты.

Однако для современной идеологической дискуссии важно иметь в виду более сложную картину «перестроечных процессов», начавшихся отнюдь не в 1985 г. Как отмечалось в одном важном документе того времени, «истинные масштабы необходимой переделки общества могли выясниться только по мере вскрытия с помощью гласности всех его тайников... Выяснилось, что значительная часть общества не только отчуждена от политики, власти и так называемой социалистической собственности, но и отлучена от инициативы, творчества и даже элементарного дисциплинированного и добросовестного труда. Это едва ли не тяжелейшее последствие катка униформизма, выровнявшего естественный общественный ландшафт под асфальтированный плац, пригодный лишь для военных парадов и пропагандистских спектаклей».³

Так или иначе, конвергенция закончилась капитуляцией.

МНОГООБРАЗИЕ

В эволюции идеологий неизбежны многообразие, полиморфизм. Бесперспективно рисовать упрощённые картины тех эпох, которые и сегодня рисуются одноцветными красками в зависимости от личных и коллективных вкусов, идейных пристрастий и злободневных потребностей. Как период 1917–1991 гг. не был периодом безбрежного доминирования одной идеологии, так и последнее 30-летие отличается сложной эволюцией «идеологического многообразия». Важно помнить о множественных расколах в сложном обществе, каким была Россия в эту эпоху. Закамуфлировать эту сложность немногими лозунгами было бы слишком примитивным интеллектуальным решением, хотя аппарат агитации и пропаганды грешил этим.

Кстати, на подобное упрощенчество власти не решались ни в 1920-е, ни даже в начале 1930-х. «Тихий Дон», «Белая гвардия» — классические примеры стремления понять и представить подлинную реальность социальных трансформаций в их полноте. Позднее жёсткие потребности мобилизации страны накануне Великой войны и внутренняя борьба за власть ужесточили, «окирпичили», сузили приемлемую картину мира, отсекали многие ветви идейного разнообразия, а с ними — и творческого ресурса. Чтобы отчеканились идеологические формулы и штампы к середине 1930-х, потребовалось три десятилетия идейной борьбы нескольких социалистических доктрин, не считая доктрин им всем враждебных. Но в той эпохе были очень большие вызовы, которые были способны консолидировать общество перед лицом чудовищных угроз.

Нечто похожее просматривается и в эволюции последнего 30-летия. Есть одно, правда, исключение. Нынешнее разнообразие идейно-иде-

³ Тезисы А.Н. Яковлева к выступлению на учредительном съезде Движения демократических реформ. <https://alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1024422>

ологического состояния общества отличается тем, что можно называть «разроссияниванием», атомизацией. Общество чем дальше, тем больше в своем ценностном спектре рассыпается на индивидуальные атомы, у каждого из которых своя микро- и наноидеология, своя гибкая, обычно несистематизированная ценностная ориентация, свой аккаунт в сонме социальных сетей, который тем ценнее, чем оригинальнее в смысле эпатажности «креатива». А общей угрозы, тем более сопоставимой с 22 июня 1941 г., всё-таки нет, как бы ни относиться к ковиду, Украине, санкциям и террористам.

Ситуативные виртуальные «кучки» быстро становятся вполне реальными толпами, заряженными поверхностными лозунгами, а толпой легко манипулировать, прививая ей вовсе не идеологию, а настраивая. Ещё опаснее одиночки, идущие на убийство и разбой ради взрыва «лайков». Век назад такой «свободы выбора» для каждого человека всё-таки не было, существо-

вали большие, всемирно значимые ценности, поляризованные «аттракторы», вокруг которых могли сплотиться большие массы людей, смирив свои разногласия по менее значимым поводам. Сегодня ситуация сложнее. Возможность управлять персональным выбором по ситуативным ценностям людей, отражаемым в их цифровых профилях, показала кампания Трампа в 2016 г. Недостаточность этого фактора выявили американские выборы 2020 г.

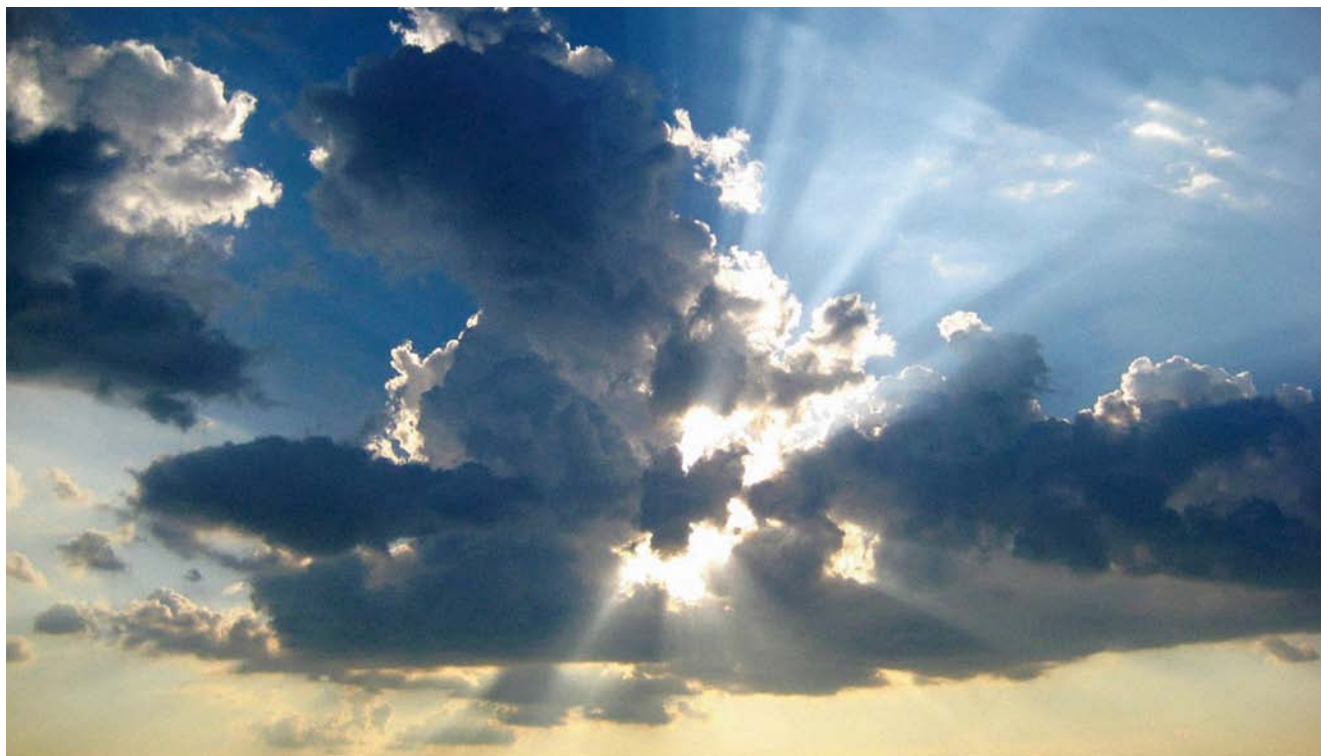
Так или иначе, на текущий момент получается западня. С одной стороны, локализация и атомизация общества; с другой — только сильные средства (события) способны это «многоцветье» встряхнуть и предложить «точку сборки», пусть и ненадолго; с третьей стороны — и то и другое требует усиления государственного вмешательства; с четвертой — само это вмешательство вольно или невольно способно задуть ростки всякой самоорганизации и инициативы, без которой не выдержать международной

жесткой конкуренции и прессинга глобальных проблем с природой, экономикой и демографией. Цугцванг, куда ни кинь взор.

МНОГОУКЛАДНОСТЬ

Многообразие идеологий исходит не только из пестроты социально значимых идей. Неоднородна сама социальная структура российского общества. В современных терминах это называется социальными кластерами, как обозначил академик В.Л. Макаров⁴. Кластеры напоминают сословия. Между прочим, в 1917 г. ликвидация сословий под флагом классовой борьбы входила в число первейших задач Октябрьской революции наряду с законами о мире и земле.

Важный актуальный момент этого подхода в том, что у разных социальных кластеров своё место в обществе и свои культуры, писанные и неписанные кодексы, правила «чести»: у военных, чиновников, деловых людей, в учёном сообществе,

⁴ Макаров В.Л. Социальный кластеризм. М.: Бизнес Атлас, 2010. С. 145, 150.

среди учительства, в сообществе творцов культуры и т. п. Эта тема весьма щепетильная, но никакая идеологическая конструкция её обойти не сможет. В условиях обострения политической борьбы одним из главных вопросов становится не только вопрос о власти, но и вопрос о самом «передовом классе». В уже упомянутом документе перестроечных времён отмечалось: «...в идеологической партийной работе вместо «разыгрывания карты «пролетарского популизма» следует делать упор на необходимость укрепления союза научно-технической и гуманитарной интеллигенции с рабочим классом. Иначе этот союз... будет складываться помимо, а то и вопреки партийным инстанциям». Сама тема «размежеваний» в политических дискуссиях советского периода, по сути, отражала

глубинную борьбу страт, социальных кластеров за место и роль в обществе и определении направлений его эволюции.

Реальная проблема сегодня в том, что никуда многоукладность нашего общества не исчезла, скорее ещё более утвердилась, особенно на полюсах социальной структуры, в форматах, по сравнению с которыми нэпманские эксцессы меркнут. Ещё более сложной темой является то, что вместо полифонии мировоззрений разных кластеров возникла практически монополярная роль кластера коммерческого, затмившего по возможностям и силе давления на весь социум другие социальные группы.

Для идеологических процессов особое значение имеет неоднородность общества с точки зрения способности восприятия и перерабатывания информации, в том

числе идеологически чувствительной. В современном российском социуме насчитывается более 10 таких кластеров, отличающихся по внушаемости и зашумленности каналов восприятия. Эта неоднородность налагается на неоднородность хозяйственной структуры, означающей сосуществование нескольких пространств ведения экономической деятельности, в каждом из которых де-факто и де-юре действуют свои элиты, свои нормы, свои фактически замкнутые контуры инвестиций, финансирования, рынков. Эти предметы являются малоизвестным предметом научных эмпирических исследований.

Ещё А. А. Богданов, едва ли не самый глубокий теоретик большевизма и основоположник системного подхода, упредив теорию систем Берталанди, обосновал в «Тектологии» динамическую неоднородность

социальной материи, появление периодически лидирующей коалиции в социальной борьбе внутри и вне партии.

Неоднородность — характеристика, которую недооценивают в идеологических дискуссиях. Между тем разработан мощный научный аппарат её анализа и в мирохозяйственном разрезе, и в технико-экономическом. С.Ю. Глазьев, например, выявил неоднородность технологических укладов в СССР. Особенность СССР заключалась, в частности, в недостаточной выбраковке отживших укладов, что вело к нерациональному перерасходу ресурсов на их поддержание со всеми вытекающими отсюда социальными последствиями, прежде всего — качеством рабочей силы. Ещё ранее Ю.В. Еременко пришёл к выводу о сосуществовании замкнутых ресурсных, производственных и сбытовых контуров — «массового» и «качественного», что было принципиальной особенностью советской экономической модели, позволившей достичь феноменальных результатов при решении жизненно важных задач страны.

Неоднородность пронизывала и административно-территориальную конфигурацию СССР, в том числе порождая сильные дисбалансы между союзными республиками по сальдо производства и потребления. В конечном счёте, это сдетонировало в идеологическом поле. Это осознавалось в верхах советского руководства: «Дальнейший уход от политического размежевания... влечёт за собой худшее: нарастание во всём обществе усталости, апатии и недоверия (а чем дальше — и более агрессивных настроений), адресованных всей партии, включая её руководство. Тем самым мы своими руками и, невзирая на поучительный опыт сопратив в Восточной Европе и Китае, расширяем реально существующий конфликт общества с партией, который, с учётом масштабов страны,

её многонационального характера и российских особенностей, может принять формы, которые затмят и Тяньаньмэнь, и Румынию... Перестройка добилась главного — она распеленала общество, поставила его на ноги, толкнула вперёд. Ощутив себя живым и самостоятельным существом, это общество уже не готово больше удовлетворяться соской и убаюкивающей колыбельной. Оно требует права распоряжаться своей судьбой — то есть власти (подчёркнуто в первоисточнике)»⁵. Нельзя не отдать должное проницательности автора записки от 10 января 1990 г., ясно осознававшего, что «партию могут смахнуть со стола».

Трансформация силы и влияния внутри экономического базиса различных социальных групп рано или поздно ведёт к трансформациям властной системы и идеологии, далеко не всегда гармоничным.

КОНСОЛИДАЦИЯ

Консолидирующая общество или значимую его часть идеологическая платформа возможна. В неё неизбежно войдёт некая актуальная ситуативная повестка. Ресурс для введения в повестку дня долгосрочной идеологической тематики представляется на сегодня серьёзно растраниженным. Слишком много в памяти нынешних поколений несбывшихся планов. Но идею мало сформулировать, прежде следует обосновать. Затем, чтобы она стала идеологией, потребуется её внедрение, распространение, принятие, укоренение в массовом сознании. А «доставка» идеи в широкие массы заведомо непроста, вспоминая факт сильной атомизации общества и доминирование концепта либерализма с его «золотым тельцом» в элитных (но не только) слоях. Кроме того, распространение идей сегодня не может не учитывать и не походить на тотварный маркетинг, который своей

надоедливостью и примитивом само по себе вызывает аллергию, перекидывающуюся на «нетоварный сектор политики».

Ещё важнее, возможно, даже более чем обоснованность и восприимчивость идей, доверие к идеям, их авторам, адептам, носителям, поступкам. Доверие сегодня — ресурс столь же хрупкий, сколь и редкий. Он в условиях всемирной трансформации, усиливаемой пандемией, неизбежно сокращается, провоцируя «войну всех против всех» и огульное торжество эгоистической гордыни.

Как ни парадоксально, но идеологическое наследие — сама по себе ценная основа для будущего. Не только в его триумфах, но и в поражениях. В конце концов, «опыт — сын ошибок трудных» в дополнение к «другу парадоксов» — гению. В этом смысле имеющееся состояние «идеологического разнообразия» исторически не только неизбежно, но и продуктивно. На практике проверяется истинность и фальшивость тех или иных моделей, их жизненная правда в современности. Те идеалы, которые будут приниматься большинством избирателей, не обязательно будут вновь созданными. У компрометации тоже есть свой срок годности, за пределами которого вновь требуются усилия по минимизации влияния той или иной идеологии и её краеугольных камней. Эффект «вновь открытой правоты» ежедневно демонстрируют всевозможные каналы, приводя цитаты лидеров минувших эпох.

Идеологическая консолидация, потребность в которой возрастает по мере осложнения социально-экономической, демографической, пандемической ситуации, будет опираться на реально значимые и абсолютно не абстрактные проблемы.

Так, можно с почти абсолютной уверенностью предположить, что идеалы справедливости будут сиять в совсем близком будущем

⁵ Тезисы А.Н. Яковлева.

ярче, отражаясь на ключевых экономических пропорциях, прежде всего, в генерации и распределении доходов, всевозможных рент и собственности, особенно в сфере «национальных достояний» — системообразующих корпораций. Можно предположить, что и идеалы творчества будут восприниматься позитивнее, чем сегодня, хотя бы потому, что без мощного рывка в научно-технологическом развитии, и не только оборонного комплекса, шансов быть безопасной для жизни своих граждан державой не мало, а просто нет. Можно предположить, что ценность личности будет возрастать не вопреки, а вместе с идеалами солидарности и развитой этики ответственности. И этот тренд больше всего подорвет узкоутилитарный подход к либерализму с его «правами человека». Между прочим, в этом же направлении работает и ужесточение социального контроля с применением цифровых технологий.

Но два сюжета будут важны фундаментально. Первый из них — то, что уловили некоторые особенно проницательные маркетологи и политики. Одна финансовая группа, суетливо выпустив кредитную карту — «Совесть», или транспортная фирма, взявшая название известной послевоенной марки автомобиля — «Победа», ухватились за важные для общества архетипы, но слишком суетливо и неуместно решили их коммерциализировать. Разумеется, ни Совесть, ни Победа не пострадают, но желание с целью наживы припасть к их мотивирующей силе — налицо.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Что наиболее фундаментально в той консолидирующей идеологии, которая возникнет в обозримом будущем? Фундаментальная идея, которая уже звучит, пусть и не всегда отчётливо по смыслу и терминам,

у многих и верующих всех традиционных конфессий, и атеистов, и претендентов на идеологов — это преобразование. Без понимания смысла и концепта преобразования невозможно сегодня обсуждать идеологическую проблематику, невозможно говорить ни об инновационном подъёме, ни о модернизации, ни о социальном прогрессе. Преобразование как концепция даёт понимание ответственности за природу, за социум, за себя, за близких, за правильное использование данных тебе талантов. Это и идея творчества, но творчества, которое осенено совестью. Люди самых разнообразных культур и верований на принципах и смыслах преобразования могут сложить красивую, непротиворечивую картину мира, матрицу идеологии, позволяющую сформировать конструктивные и многоуровневые смыслы жизни.

Особенность текущего момента — особая значимость именно картин мира, от которых не больше шага до идеологии, для информационно-коммуникационных решений и киберфизических систем. Это касается проблемы онтологий программного обеспечения, когнитивных архитектур технических и организационных систем, которые не случайно на профессиональном сленге называют «идеологиями». Уже известно более 300 «когнитивных архитектур». Без учёта этих фактов идеологическое «строительство» будет перебором реликтов. Технологии, включая системы Искусственного Интеллекта, помогут решить часть нынешних проблем, одновременно создавая и новые риски. Но чем больше развиваются технологии, тем значимее качество интеллекта естественного и качество человека, его мотиваций в жизни.

Преобразование как глубочайшая категория в эволюции человеческого общества имеет мощнейший идеологический потенциал. Но, разумеется, не в стиле кредитных карт.

ВИТАЛЬНОСТЬ

Второй сюжет связывает демографический рост и уровень витальности нации. На это обратил внимание Томас Пикетти: «Самый впечатляющий поворот, бесспорно, произошёл в Европе и в Америке. В 1780-е годы, когда в странах Западной Европы уже проживало более 100 млн человек, а в Северной Америке — всего три миллиона, никому бы в голову не пришло, что баланс между ними изменится настолько сильно. В начале 2010-х годов население Западной Европы насчитывает немногим больше 410 миллионов, в то время как в Северной Америке проживает 350 миллионов человек. По прогнозам ООН, процесс навёрстывания завершится к 2050 году <...>. Этот поворот объясняется не только миграционными потоками, но и более высоким уровнем рождаемости в Новом Свете по сравнению со старушкой Европой — эта разница, сохраняющаяся и по сей день, в том числе и среди лиц европейского происхождения, остаётся загадкой для демографов <...> стоит ли видеть в этом феномене большую веру в будущее, оптимизм, присущий Новому Свету, большую склонность самому добиваться успеха в постоянно растущем мире и подталкивать к этому детей? <...> здесь нельзя априори исключать ни одного психологического или культурного объяснения»⁶.

А что же в России? В начале XX в. были даже прогнозы о численности населения империи в 400 млн человек. Но век беспощадный унёс с собой эти надежды, минимум четырежды изменив вектор жизненных ориентаций общества, что отразилось и на демографическом поведении.

Было бы слишком сильным утверждать, что никакая идеология не стимулирует людей к деторождению. Государство имеет немало инструментов для влияния на демо-

⁶ Пикетти Т. Капитал в XXI веке. / Пер. с англ. А.А. Дунаев. М., 2015. С. 94–95.

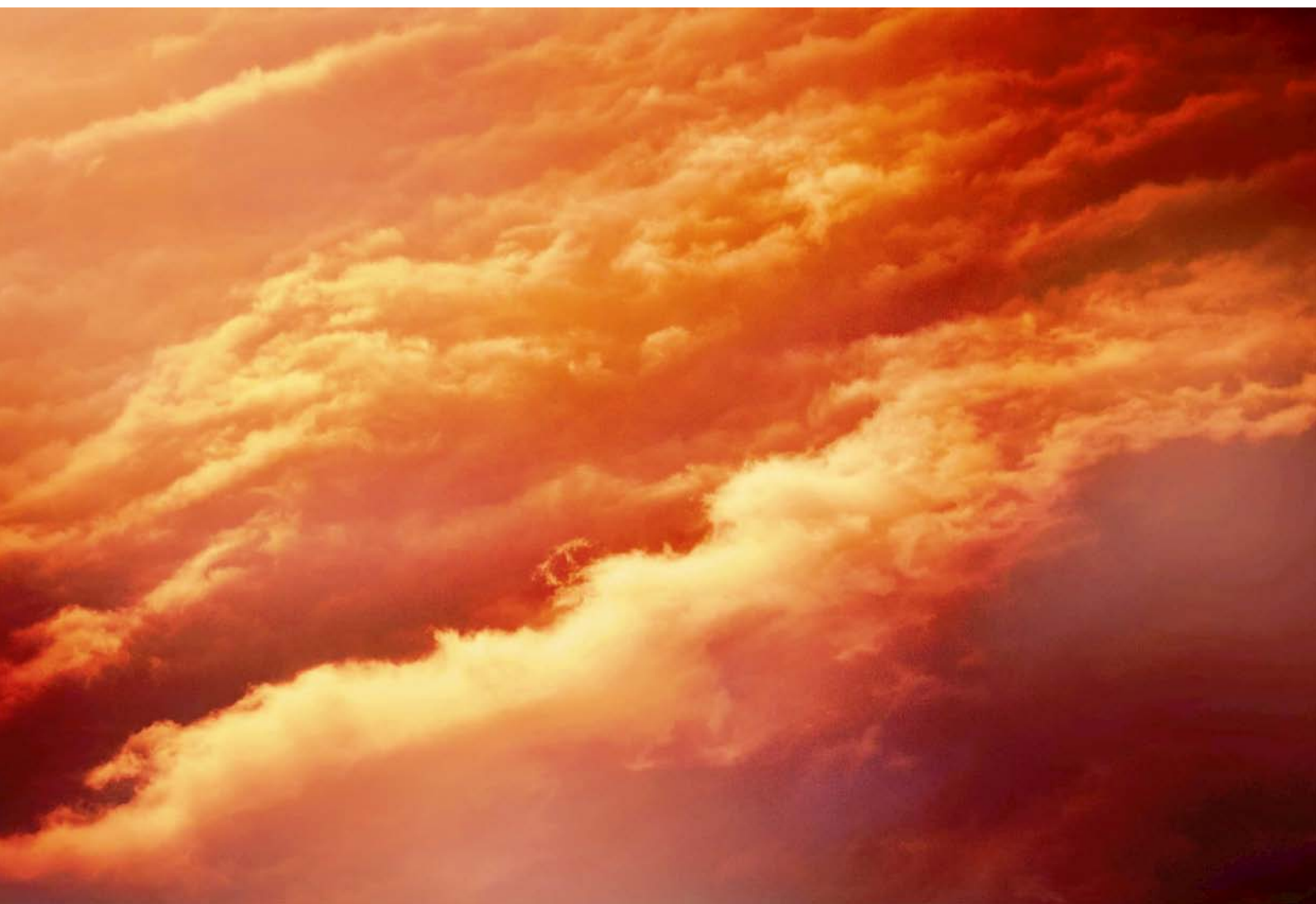
графические установки, среди них — не только «материнский капитал» или налоги на бездетность. Однако более важным является тот мир, где формируются самые глубинные мотивы жизни — её смыслы.

В 2010-е годы смыслы жизненного мира россиян, после опыта 1990-х годов, существенно изменились. По шкалам «мещанство — антимещанство» и «эгоизм — коллективизм» массовые предпочтения сдвинулись влево. При этом удовлетворительным своё материальное положение называли чуть менее половины, столько же — неудовлетворительным. Треть населения скептически оценивала свой социальный статус. Первые места в ориентациях заняли семья и здоровье, вытеснив прежние идеалы «мира во всём мире». Более 90% встревожены моральным паде-

нием нации. Большинство сегодня убеждено в господстве установки на то, что владение капиталом, финансовыми средствами обеспечивает жизненный успех, влиятельные связи гарантируют продвижение по службе, СМИ ориентированы на коммерческий успех, следствием чего является опора на низкопробные вкусы. Однако будущее страны россияне второго десятилетия века связывают с мечтой о справедливом обществе, с обеспечением стабильности, возвращением России статуса великой державы.

Отсюда виден вектор эволюции массового сознания в России в последние полвека. Он отчётливо коррелирует с демографической динамикой и тем, какой ответ получает у каждого вопрос о смысле жизни в таком социуме и о смысле жизни вообще.

В целом общий сдвиг в пользу «материализма», происшедший в 1980–2010 гг., существенно подорвал, даже переключил полюса системы ключевых ценностей, на которых строилось мировоззрение, ориентации и поведение россиян. «Раньше думай о Родине, а потом о себе» (в самых разных вариациях — от мира во всем мире до семьи и коллективизма) — такая установка была фундаментальной ценностью для большинства граждан. Каким образом из этого следует личная уверенность в будущем, большая витальная сила, наверное, можно объяснить многим. Но именно в деградации этой ценности в 1980-е годы и особенно в 1990-е коренится резкий обвал рождаемости и выход на так называемый русский крест, когда смертность резко опередила

рождаемость. Интегральным духовно-психологическим проявлением «перехода к рынку» стало обесмысливание всего того, чем и ради чего жили до этого многие, если не большинство советских людей, вмиг ставших «россиянами».

В их жизнь ворвались две новые ценности — индивидуализм с его успехом любой ценой ради власти, наживы и славы и материализм как предпочтение успеха материального успеху иному — в творчестве, семейном счастье, в поиске истин и тому подобных «идеальных материях». К чему это привело, показывает, если не вопиёт, вся известная статистика — рост преступности и числа самоубийств, вымирание населённых пунктов, пьянство, наркомания, опустыни-

вание, разрушение предприятий, распространение заболеваний и т. п. Есть и убедительные интегральные доказательства в виде статистики превышения уровня «естественной смертности» и низкой рождаемости, в том числе в сравнении со странами-аналогами.

ЦИКЛИЧНОСТЬ

Ничто не ново под Луной. Истина древняя. Для дискуссии об идеологии важно иметь в виду повторяемость, цикличность исторических ситуаций при всей уникальности каждого исторического момента. Она прослеживается не только в теории и эмпирике технологических укладов, но и в динамике стратегических вызовов. Россия периодически полу-

чает одну и ту же модель стратегических вызовов. Взять, например, зависимость от импорта технологий и иностранных инвестиций. Накануне Первой мировой страна «по уши» увязла в германских инвестициях и технологиях так, что на высшем уровне стали принимать решения об избавлении от «немецкого засилья». В 1930-е и позже курс «догнать и перегнать» опирался на массивный импорт, прежде всего, американских технологий и даже целых заводов. В 1970-е годы заглушили развитие собственной электроники и ряда других отраслей, форсировав импорт. И сейчас ситуация сходная, несмотря на усилия по импортозамещению. Это один из главных мотивов, почему так осторожно идёт обретение полноценной эко-

номической суверенности. Страна существенно зависит от импорта множества критически важных компонентов, лекарств, минералов и т.п.

Обретение экономического суверенитета потребовало мощных внутренних преобразований с огромными издержками. Но так бывает в российской истории. И поэтому продолжается поиск аналогий нашего времени, точнее — аналогий вызовам и решениям. Особенно содержательно это проявляется в тех памятниках, которые сооружают или свергают современники, и в цитатах, которые используют официальные лица в своих речах. Выбор этих аналогий бывает точным и натянутым. Но в любом случае он характеризует общность, мнимую или истинную, современности и выбранных исторических прецедентов.

Россия эволюционирует большими циклами. Но сейчас не столь важно, равны ли они 60, 80 или 160 годам. Для идеологических дебатов значимы более короткие дистанции. Главный измеритель в них — поколение и смена их. А далее получается поистине микельанджеловская мозаика: поколения людей, идей, машин, систем, инфраструктур, территорий, путей, миропорядков, не говоря уже о параллельных вселенных киберпространства... Иными словами, за поверхностями идеологических упрощений таится реальный вызов — коэволюции разнородных систем, не только человеческих и не только цифровых. Свои права заявила, как видим, весьма дееспособная популяция вирусов.

Для того чтобы произошли существенные и позитивные сдвиги, теоретически требуются два фактора. Во-первых, возрастание силы и влияния тех, за кем перспектива долгого и продуктивного жизненного цикла. Во-вторых, укрепление всего того, что благоприятствует творчеству, поиску новых решений в мире, который становится всё более рискованным и сложным. Последнее, между прочим, напрямую связано с накоплением опыта, мощи интел-

лекта и библиотек решений. Утверждение новых, особенно яростных идеологий обычно сопровождается оттеснением на обочину носителей опыта и знания, выдвижением на первые линии молодёжи. Вопрос, конечно, диалектический: «Если бы молодость знала, если бы старость могла». Но перекося в ту или другую сторону несёт угрозы. Управление преемственностью поколений с наращиванием их общей продуктивности — крайне важная сфера социальной жизнеспособности.

Формирование новой идеологии, в самом пафосном смысле, будет, наверное, связано с жизненным циклом самих мировоззренческих систем. Они ведь приходят и уходят, но иногда снова появляются как «хорошо забытое старое». Есть исследование профессора В.Г. Буданова о девяти типах, предопределяющих нашу культурную матрицу. Они включают и либеральные, и кооперативные, и княжеские, и прочие устройства власти. В определённые периоды, в зависимости от внешней среды, от усталости общества, на первый план выходит та или иная система, но другие продолжают существовать, остаются, пусть и в подавленном состоянии.

В этом смысле следует думать о фазах жизненного цикла идеологий и о том, на какой срок есть дерзновение создать актуальную конструкцию, на миллион лет, или на тысячу,

или на один избирательный цикл, или ночь простоя да день продолжаться.

В своих амбициях Вильгельм Второй замахивался на пятьсот лет господства. Третий рейх претендовал на тысячелетие. Одна из причин аллергии на всяческое идеологизирование связана именно с крахом подобных горделивых амбиций. Над этими же желаниями «управлять и планировать» иронизировал профессор Воланд на Патриарших прудах, упомянув саркому лёгкого, после которой «кончается всё ваше управление». Но идеология в любом случае должна отрабатывать понимание задач, стоящих перед поколением, в буквальном смысле слова — поколением людей и поколением социальных систем.

КАТАСТРОФЫ

Господствовавшая до сих пор парадигма опиралась на два фундаментальных принципа: безоглядную, безответственную эксплуатацию ресурсов планеты, включая человека и природу, и беспощадную конкуренцию. Разумеется, эти принципы вуалировались мифами о свободе предпринимательства, торжестве человеческой свободы, преимуществе рынка над планом и т.п. В принятии Целей устойчивого развития ООН (ЦУР ООН) отразилась обще-

В своих амбициях Вильгельм Второй замахивался на пятьсот лет господства. Третий рейх претендовал на тысячелетие. Одна из причин аллергии на всяческое идеологизирование связана именно с крахом подобных горделивых амбиций. Над этими же желаниями «управлять и планировать» иронизировал профессор Воланд на Патриарших прудах, упомянув саркому лёгкого, после которой «кончается всё ваше управление». Но идеология в любом случае должна отрабатывать понимание задач, стоящих перед поколением, в буквальном смысле слова — поколением людей и поколением социальных систем.

мировая озабоченность нарастанием кризисных процессов в социуме, техносфере и взаимодействии с природой, а также компромисс в понимании того, как справиться с ними эволюционным путём. Попытки, предпринятые ранее комиссией Джозефа Стиглица, которая была создана в октябре 2008 г. в ООН, привели к пониманию неизбежности выхода за пределы сложившихся стереотипов глобальной политики, но столь же ясно показали огромное разнообразие «идей, идеологий и интересов» и необходимость «глобального ответа на глобальный кризис».

С природой, наверное, всё понятно: мы природу будем любить всё больше. «Зелёная революция» при некоторых её странностях всё-таки более экологична, чем базаровское отношение к природе как к «мастерской, где человек — хозяин». Один из важнейших идеологических императивов для будущего — учёт того факта, что только в России есть тысячи объектов, авария на которых обернётся экологической катастрофой. Не все из них будут класса Чернобыля. Но, по статистике, во всём мире раз в десять лет происходит катастрофа, близкая по ущербу к чернобыльской аварии, а менее трагичные — ежегодно и довольно обильно.

Очень важным будет развитие антикатастрофического сознания. Оно и воспитывается, например, в новом кинофильме «Огонь». В результате идеологическое конструирование неизбежно будет смыкаться с новыми научными представлениями. И вместо абстрактных целей появятся пороговые значения. Например, уменьшение стратегических рисков для общества, государства и личности. Это всё счетные величины, которые могли бы выражать и идеологические формулы.

ОТКРЫТОСТЬ

Сам постулат, что Россия «обращена в мир», что она «душа мира», в принципе не предполагает закрытости. Её не было даже в годы Великой

Отечественной войны. Вспомним, как быстро перестроили всю идеологическую машину, чтобы от союзников не только необходимые ресурсы по ленд-лизу получать, но и решать задачи по организации совместной борьбы с общим противником. Приходилось, вопреки всем идеологическим разногласиям, союзничать. И это было в общих интересах, которые на целый исторический период совпали. Кто, как и насколько успешно, явно и скрытно для партнёров пользовался альянсом — это другой вопрос. Как говорится, «волки — санитары леса».

Страна никогда не находилась в автаркии, даже в послереволюционные 1920–1930-е годы и даже в самые жёсткие годы холодной войны. Если посмотреть экономически и технологически, то страна всегда находилась в товарообороте, притоке и оттоке товаров и капитала. Это был непростой симбиоз, далёкий от обоюдной благотворительности. Но никто и никогда «ворота» в Европу или Азию не закрывает. При всех санкциях даже с США торговля не падает, не прекратилась она и с Украиной при всех напряжениях. Главный вопрос не в том, возможна ли автаркия. Главное — как организовать развитие в быстро меняющемся мире при том, что парадигма, казавшаяся спасительной лет 30 назад — «вхождение в Европу (Запад)», трещит по всем швам, и при том, что «гравитационное поле» России как великой державы включает и космос, и радиочастоты, и вопросы эмиссии кислорода и углекислого газа, доступ к стратегически важным ресурсам, транзитные потенциалы, ответственность за энергобезопасность соседей и т. п.

В смысле технологической динамики Россия будет идти во многом по тем траекториям, по которым идёт передовая часть человечества, сконцентрированная вовсе не в какой-либо одной стране. Технологические траектории универсальны. Вопрос лишь в умелой научно-технологической стратегии, с пониманием, где надо развивать свои преимуще-

ства, извлекая максимум пользы, где можно и полагаться на других, а где такое полагание небезопасно.

СУБЪЕКТНОСТЬ

К разряду вопросов, которые необходимо тщательно осмыслить и отразить в идеологических моделях, относится помимо прочего проблематика государственности, суверенитета, взаимозависимости. Но главное в текущий момент — осознание проблематики субъектности. Идеологии создают субъекты, способные возможное и желаемое будущее осознать, спроектировать, осуществить. Это затруднительно сделать без ясного понимания жизненно важных интересов, военно-стратегических, экономических, социальных, гуманитарных, без чёткой приверженности идеалам, без сохранения святынь социума, без неуклонного подъёма воли к жизни. «Выявление истинного азимута» — лишь этап долгого пути, который предстоит пройти.

Ясно, что большой стране требуется большой народ, и в буквальном смысле, и в символическом — как большие, космического размаха смыслы жизни. Это ставит вопрос о субъектности нашего общества в целом и субъектности большинства граждан в частности. Всего 8% россиян считают, что влияют на что-то в стране. Подавляющее большинство круг влияния ограничивает собой и близкими.

Субъектность — понятие многоуровневое. Этот аспект осмысливался со времени появления античной философии, классиками немецкой философии и ранним Карлом Марксом как социально-экономическая и духовная эмансипация личности. В контексте демографического анализа это критичные тезисы. Если ни здоровье, ни семья, ни социальная и экологическая ответственность, не говоря уж о моральной, не входят в число приоритетных жизненных ценностей человека, то весь его волевой потенциал на-

правляется на иные ценности, на всё то, что называют суетой. Об этом давно сказано: **«Они кадят суетным, споткнулись на путях своих <...> чтобы сделать землю свою ужасом, всегдашним посмеянием, так что каждый проходящий о ней изумится и покачает головою своею» (Иерем. 18, 15–16).**

На уровне обобщений такой тип общества будут называть обществом преимущественно индивидуалистических и материалистических ценностей в противоположность обществам с преимущественной ориентацией на ценности социальной и экологической ответственности. В последних при внимательном рассмотрении проступят некоторые черты далёкой эпохи, когда улыбка Гагарина значила нечто неземное и значимое для многих людей не только в СССР.

Подобные взаимосвязи И. А. Гундаров обозначил как закон духовно-демографической связи. Оптимистичное следствие этого закона состоит в том, что у российского населения сохраняются «психосоматические резервы для наращивания адаптивного демографического потенциала. Для их раскрытия требуется соответствующая государственная политика, которая <...> должна включать на 80% усилия по обеспечению в обществе духовной гармонии (социальной справедливости и осознания смысла жизни) и лишь на 20% — меры по повышению материального благосостояния»⁷.

Субъектность государства и общества начинается с субъектности личности. Таких людей можно по-гумилёвски назвать «пассионариями», можно — «лидерами России», но суть в том, что только массовая энергия личностей даст значимый социальный результат в деле повышения жизнеспособности общества.

Если для демографического благополучия нации необходима

комплексная политика, охватывающая базовые вопросы безопасности, то обоснование этой политики должно быть не менее комплексным. Идеология должна быть не очередным пиар-проектом, а агрегатором глубинных смыслов жизни, приведённых к вполне конкретным образам и лозунгам, связанным с теми,

кому можно доверять, пожать руку. Залогом её успешности является понимание проблем и поиск решений на всём протяжении жизненного цикла от колыбели до погоста, а также жажда самосохранения во всех смыслах этого термина, жажда жизни — от следования традициям до энтузиазма в реализации великих проектов.

⁷ Гундаров И. А. Духовное неблагополучие как причина демографической катастрофы [Электронный ресурс] // Богослов.ru. URL: https://bogoslov.ru/journal_article/214914.

/ Сергей БАРАНОВ /

Идеология будущего И НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ уклад России

Мы на пороге новой идеологии, нового вектора развития страны, согласованного, управляемого, планируемого, быстрого и решительного перехода в будущее, к новой своей цивилизационной форме. Наша идеология возможна и продуктивна на этапе следующих 20 лет (2021–2040) лишь как динамический революционный традиционализм. Пассивный консерватизм с пребыванием в прошлом России не подходит.

РОССИЯ КАК ОСЕВАЯ ЧАСТЬ МИРА И ОСЕВАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Настоящее, прошлое и будущее России определяется её осевым положением в географии, истории, духовной структуре мира. Она пребывает в осевом времени, центром которого во внешней канве человеческой истории является явление Иисуса Христа (0-й год летоисчисления) на Ближнем Востоке. Осевое время как центральный и опорный момент человеческой истории определяется по-разному: от 5 в. до н.э. до 5 в. н.э., 10 в. до н.э. — 10 в. н.э. Может быть, осевая эпоха началась с экспансией индоевропейцев в IV тыс. до н.э., к которым восходят и славянские народы, носителей нового типа личности. Но очевидно, что осевое время в истории было не всегда, а сегодняшний мир Запада вышел из осевого времени на линию бесконечного прогресса денежной цивилизации.

Ось проходит через наше общество, его группы и коллективы, через личности людей. Это духовная ось, прежде всего, основывающаяся на цивилизационных поведенческих кодах, на религии, на вере в Бога. Мы, наше духовное «я» находимся Там. Вечная Россия как ось живёт в вечности, а как обычное общество она преходяща. Россия — центр мира, наряду с другими центрами, а не периферия.

Роль оси не означает роли метрополии мира, попытки контролировать, подчинять и направлять

мировое развитие. Традиционная роль России в мире — роль удерживающего (Катехона), борьба за многополярность как изначально данное разнообразие человеческих типов.

Россия призвана выполнить геополитическую роль объединителя Старого Света по линии восток–запад и север–юг, цивилизаций Востока и цивилизации Запада, развиваясь как самобытная цивилизация.

Из осевой природы России для нас вытекает необходимость нового, справедливого мироустройства, при котором не будет одного гегемона и одного управляющего центра мира (миропорядка), метрополий и периферии, хотя и будут лидеры и институты постоянного согласования действий стран.

Идеология России — идеология национальная, идеология русского и других народов. Русская нация — основа российской гражданской политической нации и единого народа — суперэтнуса. Русская нация никуда не уходит. Приверженность национальным ценностям, сохранение этнокультурной основы, единства и многообразия России, империи — важнейшая черта идеологии осевой цивилизации. Россия и Евразия строятся не на размывании этнокультурной системы, устранении народов и национальностей, а на их развитии.

Объединение всех русских территорий и большинства территорий бывшего СССР в одно государство, но с двумя контурами: первым, внутренним — Россия, включая территории Белоруссии и русской части Украины, и вторым, внешним — Евразийский союз (понимаемый в перспективе как государство).

Евразийская цивилизация складывается как созвездие цивилизаций на основе русской советской цивилизации и как евразийское объединение (Евразийский союз), контролирующее и развивающее территорию геополитической «осевой зоны» мира — воплощение идеи России и Северной Евразии (Евразии в узком, более конкретном смысле) как оси мира.

ГЛАВНЫЙ ВОПРОС ИДЕОЛОГИИ: НОВЫЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД БУДУЩЕЙ РОССИИ

Краеугольным и прорывным практическим вопросом № 1 для общества и управляющей группы я считаю новый социально-экономический и технологический уклад. Комплексный экономический уклад включает в себя четыре составляющие: 1) технико-технологический уклад; 2) социально-экономический уклад; 3) мирохозяйственный международный уклад, в который входит страна; 4) территориально-хозяйственный уклад, который характеризует тип размещения производительных сил и людей, соответствующий определённому технологическому укладу (городской, агломерационный, мегаполисный).

Нынешний уклад России не может удовлетворять ни с точки зрения техники, **ни с точки зрения социально-экономических отношений, ни с точки зрения территориального развития — скопления населения в считанных крупнейших агломерациях без производительной занятости и обезлюдения индустриальной и сельскохозяйственной периферии.** Технологически мы находимся в IV технологическом укладе с небольшой (15–20%) долей V уклада и значительным удельным весом III уклада, наличием также старых укладов доиндустриального типа.

Это гибридный уклад, который характеризуется: а) хроническим сжатием, «съедающим» компенсирующее расширение экономики в результате благоприятной экспортной конъюнктуры, усилий отдельных подразделений государства и частных лиц; и б) выведением части ресурсов из оборота, в том числе, через замораживание государственных денег (фактически санация денег). Всю эту систему характеризует специфический экономико-управленческий «псевдоконсерватизм», нацеленный на сжатие, снижение реальных доходов и понижение стоимости рабсилы.

Это стабильная и в чём-то слаженная система, образующая консенсусный баланс устоявшегося наследия 90-х и его частичного преодоления, которая, однако, явно буксует в том, что касается крупных геополитических и технологических задач в цивилизационных масштабах России. Не говоря уже о преодолении бедности и обеспечения конструктивной современной работой. Эта система, несмотря на ситуативную эффективность, приговорена историей. Рано или поздно от неё придётся отказаться.

Мирохозяйственный уклад России, по мнению С. Ю. Глазьева, определяет встроенность в иерархию имперского уклада западной глобальной олигархии во главе с США на правах периферийного неокOLONиального капитализма, но с определённой автономией. Это подтверждается монетарно-либеральной финансовой политикой, вывозом капиталов, преимущественно сырьевым экспортом и присутствием западных ТНК в российской экономике. Он явно проигрывает новому интегральному мирохозяйственному укладу Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии (Китай, Индия, Южная Корея, Вьетнам, Сингапур и другие), сочетающему социализм и капитализм под контролем и широкомасштабным финансовым стимулированием государства.

Нам нужно предложить свою версию совместимого с мировыми реалиями технологического и социально-экономического уклада. Я бы назвал его осевым, как и нашу цивилизацию. Главное для уклада — не форма собственности, а то, как она работает. Совершенно очевидно, что мы не можем его заимствовать ни с Запада, ни с Востока, хотя что-то бесспорно нужно копировать (например, целевую эмиссию под кредитную накачку экономики нового уклада, цифровую платформизацию управления отраслями и рынками, протекционизм, планирование отраслей с нуля).

Россия как ядро восточноевропейской цивилизации обладает социалистической и волевой государственной традицией для формирования нового,

более справедливого и эффективного уклада. Речь не идёт о социализме 2.0. Социализм, несмотря на ряд преимуществ перед капитализмом, оказался недостаточно духовной сверхчеловеческой системой, активизировав недочеловеческие черты коммуналности и бытовой конкуренции за блага. К тому же его устойчивость в перспективе оказалась относительно низкой, не соответствующей взятым цивилизационным и геополитическим сверхобязательствам и логике быстрой смены технологических укладов. Технический и социальный уклад должен соответствовать **чертам человека** нового типа — социально-гуманного, творческого, волевого и справедливого, помнящего о своих корнях.

РОССИИ НЕОБХОДИМА СВОЯ ВЕРСИЯ V–VI ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ

Без своего технологического уклада невозможны ни безопасность, ни развитие, ни снятие парового котла внутренних социальных противоречий, ни сбережение народа, ни решение проблемы высоких климатических и пространственных издержек. Нам нужна техника, которая даст нам преимущества и будет нашей коллективной собственностью — народа России — и будет соответствовать срастающимся в один быстрый процесс V, VI технологическим укладам.

Технически новый уклад России строится на новой мощной энергетике и является **альтернативой технократии тотальной «оцифровки» социума, трансгуманистического перехода посредством так называемой НБИК-конвергенции**. По сути, это стягивание истории в «трубочку» путём трансформации человека. В новом укладе очевиден приоритет энергии, силы, мощности, скорости, новых материалов над информатикой и микроэлектроникой, так как уклады создают новые принципы получения и использования энергии и транспорта, хотя новые принципы информатики, бесспорно, необходимы. Попытка

загнать человечество в мир электронной сетки должна получить альтернативный ответ, который и призван дать новый уклад, что не отменяет развитие НБИК-технологий в России. Аналогично России чужды и идеи ESG-трансформации (углеродной нейтральности), хотя с ней придётся считаться.

Осевой уклад в технологиях **строится на разворачивании спирали ноосферы человека в «космос», а не изоляция от космоса в «чистых», заикленных на охране окружающей среды технологиях. Это произойдет, в частности, по следующим направлениям:**

- космос — космонавтика в Большом космосе, за пределами околоземной орбиты;
- океан (приматериковое и более глубокое подводное пространство), совершенные надводные платформы и корабли;
- космизм как интеграция биосферы и ноосферы — построение ноосферного космоса сначала на Земле, а затем и в Большом космосе, управление климатом и биогеоценозами;
- литосфера — глубокие скважины для добычи ископаемых и энергии;
- водородная энергетика на базе собственных ресурсов России;
- ядерная энергетика нового уровня (более компактная) вместо ядерной энергетики V уклада (быстрые реакторы 3-го и 4-го поколения), ядерно-водородная;
- нанотехнологии и наноматериалы, нанобиоинжиниринг, аддитивные технологии (выращивание материалов и предметов);
- новый сверхбыстрый транспорт, связывающий страну в одну агломерацию;
- техника единичного — уникальные мелкосерийные и штучные производства необычной техники с новыми превосходящими свойствами;
- открытие и использование новых энергий Земли, космоса, тех, что меняют картину мира с обще-

принятой со времён торжества капитализма, понятие о скоростях, времени, расстояниях;

- управление временем и издержками рабочего времени, управление быстрыми процессами в обществе, хозяйстве, технике, природе, человеческом организме с целью «замедления» времени, **возвращения в осевое время от угрозы сингулярности, то есть уничтожения времени**;
- интернет нового типа с собственной ИТ-базой и квантовыми компьютерами (сегодня критический момент в переходе к полному импортозамещению ИТ-продукции в госсекторе, что создаст рынок для ИТ-отрасли в России);
- станкостроение — самообеспечение страны **производством средств производства**;
- лазеры;
- связывание в одно целое **евразийского пространства большой Евразии**.

ОСЕВОЙ СТРОЙ

Хотели мы этого или нет, но нам всё равно придётся примерить на себя какой-то новый строй, характеризующийся более высоким обобществлением средств производства и обмена и большей справедливостью и приспособленностью к сетевой архитектуре общества и экономики. Либо мы обобществим экономику России до разумного приемлемого уровня, либо нас «обобществят».

Осевой строй на базе нового уклада является более сложной взаимозависимой системой, чем социализм, или, тем более, периферийный капитализм. Он способен решать и более сложные технологические задачи, которые не под силу госкапитализму (бывший соцсектор) и частному капитализму в системе периферийного капитализма в силу нацеленности верхушки их менеджмента на примитивное присвоение прибавочного продукта.

Осевой строй — система, когда различные элементы общества и мира вращаются вокруг одной оси, при этом не образуя социальной пирамиды с геоцентрической хтонической архитектурой (**человеиника-муравейника, характерной для цивилизаций прошлого или сетевой архитектуры глобального капитализма «участия»**). Вместе с тем, несмотря на отсутствие пирамидальной иерархии, это и не децентрализованная анархия или хаотизирующаяся малоупорядоченная совокупность.

Ось проходит через личности, группы, коллективы, корпорации, социальные сети — кто-то ближе к ней, кто-то — дальше, но все они вращаются в своём жизненном цикле вокруг социальной оси. Кто-то из юридических лиц имеет частную структуру, кто-то коллективную, но все они входят в осевой строй. Ось — архитектура движения, развития, но не строительства башни. **Ось — это Россия-Ковчег на суше, спасающая себя и мир**

от потопа западной трансгуманистической цивилизации.

Глобальная архитектура мироустройства будущего и его крупнейших государств после демонтажа однополярного мира может быть только осевой, но не пирамидальной («имперско-неоколониальной»). Старая Россия до 1917 года имела структуру пирамидальной иерархии, поэтому она не может рассматриваться в качестве образца. Пирамидальная иерархия Старой России также перешла и в систему социализма СССР, с некоторыми поправками на советский строй и правящую партию КПСС, которые усилили осевые компоненты в ней. Обе системы показали свою уязвимость перед антисистемными силами и западной иерархией. В ситуации разрушения своей иерархии они оказывались «голым королём».

Имперская иерархия западного капитализма является более сложной социально-классовой иерархией с акционерной системой участия в транснациональном капитале и закрытыми клубами иерархов, а также многочисленными сетями в качестве при-

водных ремней. Некоторые элементы могут быть полезными для осевого строя, например, корпоративизм и закулисная клубная система, но в целом она слишком сложна и затратна, и строилась она слишком долго, столетия. Осевой социально-экономический уклад не является сетевым, хотя и выступает объединителем сетей общества вокруг себя. Реальные (не виртуальные) сети — это подсобный инструмент, поэтому не следует возлагать на них слишком большие надежды. Сетевая парадигма технической и социальной организации способствует поддержанию осевого уклада, поскольку отходит от пирамидальной конструкции иерархии.

Новую модель экономики (государственно-рыночный уклад) с максимально самостоятельным и замкнутым воспроизводственным циклом нужно выстраивать в рамках евразийской интеграции, создавая надёжные, защищённые рынки сбыта для российских производителей и их партнёров по объединениям.

Осевой уклад повторяет модель интегрального сходящегося уклада

лидирующих в развитии стран Азии (капитализм+социализм при преобладании общественных интересов и учёта интересов участников международного экономического обмена, то есть отсутствия имперского диктата и колониализма, и вектора развития). Однако главное в осевом укладе — сохранение духовной оси общества в проекции на развитие общества, производства и техники. Само схождение социалистических и капиталистических форм возможно благодаря идеократической оси, «сшивающей» общество насквозь через партию и корпорацию.

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНАЯ ОСЬ? ГОСУДАРСТВО-КОРПОРАЦИЯ-АРТЕЛЬ

Общество как один человек, человек как общество. Общество не горизонтальное и не вертикальное, оно «круглое». Это круг, собор, в котором все видны. Ось — государственная и государственно-корпоративная собственность с артельной коллективной системой управления и лич-

ной лидерской ответственностью. Организационно это идейное государство-корпорация, которое управляет работой и координирует другие, внешние корпорации. Государство сохраняет командные позиции, и его решение по всем вопросам окончательное. Однако государство осевого типа управляется не олигархией (частные субъекты власти и крупной собственности), как при капитализме, и не номенклатурой, как при социализме, в опоре на технократию, а корпорацией закрытого типа, рекрутируемой из различных слоёв народа и других корпораций по типу кооптации. Вместе с тем в ней присутствуют персональное лидерство и персональная ответственность. Это — носитель сверхволи, сформировавший под себя уклад. Это, бесспорно, корпоративный строй с корпоративной солидарностью — «корпорация корпораций». По схеме корпоративного делегирования осуществляется и кооптация в правящую элиту.

Осевой уклад не предполагает группу или структуру, всегда находящуюся на вершине пирамиды и всегда над другими; **он предполагает ротацию элит.** Ротации требовала и социалистическая номенклатура, чтобы не стать вершиной стагнирующей пирамиды. Вместе с тем осевой уклад представляет собой своеобразную упорядочивающую иерархию. Важно отметить отсутствие олигархической системы власти и крупной собственности как правящей группы. Олигархат будет оттеснен на периферию и вынесен за пределы ключевого уклада, в предшествующие технологические системы, а также в отдельную политическую партию.

Конечно же, в новом укладе должен быть заложен приоритет интересов общества и государства, но не интересов социальных групп, элит, частных и внешних интересов, подаваемых как общественные. Он выражается и в приоритете общественной, государственной, смешанной, корпоративной собственности над частной.

УКЛАД ЛИЧНОСТЕЙ. ОСЕВОЙ СТРОЙ ИНДИВИДУАЛЕН И СВЯЗАН С ЛИЧНОСТЬЮ

Осевой строй базируется на учёте личности каждого гражданина как добровольной части корпорации — с помощью сетевых технологий. Социальная ось — это фиксация на отдельном человеке как своей части. Работа с личностью каждого, вытягивание и встраивание её, но без насилия над ней.

Новый экономический уклад должен дать место каждой личности, создать для неё место и в то же время саму личность формировать так, чтобы она обрела своё место и ответствовала ему. Осевой уклад интегрирует все личности растущих поколений россиян, или их большинство, в свой состав, формируя из них свою рабочую силу с заданными свойствами, а именно свойствами инженерного принятия решений. Государство должно включать в свою «программу лидеров» всех молодых граждан, будет иметь место реальная творческая, а не мнимая инклюзивность как черта возрастающего обобществления производства и распределения. В отличие от социалистической идеологии СССР речь идёт не о коллективе как сверхличности, а о корпорации личностей.

РЕНТА ПО ТРУДОВОМУ УЧАСТИЮ — СВЕРХ НОРМЫ

Корпорация-ось управляет обществом как система универсальной ренты по принципу трудового участия: все получают кусочек (долю отчислений) от всего производимого. Это общие доходы, распределяемые между всеми работающими сверх обычных доходов. Кроме того, обычная рента также выделяется всем членам общества, а не только трудящимся, но не в монетизируемой и не в отчуждаемой форме (такой как не подлежащая перепродаже недвижимость, образование, здравоохранение и т.д.). Таким образом, рента достаётся не только по личному капиталу, но ещё и по общенародному капиталу, и по личному труду. Соединение нескольких видов доходов и ренты позволяет увязать разнонаправленные интересы общества в одно целое, сделать его более справедливым и не поощрять изживенчество.

СТАВКА НА НОВЫХ ЛЮДЕЙ В РАЗВИТИИ ВСЕГО ОБЩЕСТВА. НОВЫЙ СУБЪЕКТ — ТИП ПРАВЯЩЕГО СЛОЯ

Новый государственно-рыночный уклад, новые оригинальные техноло-

Глобальная архитектура мироустройства будущего и его крупнейших государств после демонтажа однополярного мира может быть только осевой, но не пирамидальной («имперско-неоколониальной»). Старая Россия до 1917 года имела структуру пирамидальной иерархии, поэтому она не может рассматриваться в качестве образца. Пирамидальная иерархия Старой России также перешла и в систему социализма СССР, с некоторыми поправками на советский строй и правящую партию, которые усилили осевые компоненты в ней. Обе системы показали свою уязвимость перед антисистемными силами. В ситуации разрушения своей иерархии они оказывались «голым королём».

гии, солидарное состояние общества требуют **продвижения людей нового типа**. Доля таких людей в социуме должна расти с 15% до трети и половины за счёт новых поколений. Речь о собирании в одну страту и формировании человека будущего как части общего качественного цивилизационного и антропологического скачка. С помощью этой идеологии нужно перехватить попытки манипулирования молодёжью и превращения её в антисистемную массу.

Свойства людей нового типа: гибкий ум, знания, низкая агрессивность, большая активность, мобильность, творческие волевые черты, социальность, духовность и эмпатия. Данный тип должен составить основу новой меритократии, перспективную часть новой элиты наряду с существующими ныне капиталистической олигархией, госаппаратом, технократией эффективных менеджеров и богемной буржуазией креативного класса, постепенно заменяя их. Нужно уметь отыскать, распознать их, снабдив идеологическим инструментом саморазвития. Идеология России — это оптимизм веры молодых в будущее страны, тех, кто вступает в жизнь.

Новый уклад нуждается в новом правящем слое некапиталистического и неолигархического типа. Он формируется из новых людей, которые, впрочем, могут быть очень старыми и даже архаичными типами, поскольку новые люди возникли в осевой архаике 5–7 тыс. лет назад. Во всяком случае, люди нового уклада — это не люди-мутанты позднего капитализма (**люди машинного типа и общества потребления**). Так было **в начале СССР, в 1920–1950-е годы**, когда из революционной части пролетариата и крестьянства выдвинулся новый тип управленцев. Каждому технологическому укладу соответствовал свой тип «хозяина» и «двигателя».

Это влечёт за собой смену субъектности, то есть перевод современной олигархии в управление обществом в отдельную партию «прошлого». Посредниками выступают наиболее спо-

собные «эффективные менеджеры» (бывшая обслуга олигархии), которые перейдут в разряд «нео-».

Сформируется коллективная новая ведущая сила общества с использованием всех конструктивных элементов. В дальнейшем это может быть политическая партия будущего (партия развития) в коалиции двух основных правящих партий: партии развития и партии вертикали. Но это не только инженеры, программисты, управленцы, но и идеологи-идеократы, обладающие искусством политического «жречества» на основе православия и цивилизационной философии. Нужно не просто воспитать из нынешних школьников и студентов качественных служебных людей, но и тех, кто будет формировать и диктовать коллективную волю.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ «ОПРИЧНИНА» НОВОГО УКЛАДА

Учитывая огромные управленческие трудности и сопротивление, по-видимому, неизбежно выведение новейших технологий в особый экономический, социальный и территориальный сектор с особой системой финансирования и управления — технологическую «опричнину», — где строительство осуществляется с нуля. Корпоративные кластеры, связанные с пучком технологий, разместятся в новых городах и «городках», техноурбанистических парках. «Опричнина» нового уклада призвана заменить и дополнить программы развития, которые отнюдь не всегда эффективны, особенно в сфере новых технологий. Подсистемы экономической опричнины должны быть полузакрытыми, а работа в них — **престижной, завязанной на высокие стандарты персональной ответственности**.

Принцип опричнины выступил в русской истории как инструмент поддержки быстрого развития прогрессивных укладов, объединяющих страну против устаревших, разъединяющих её укладов. В современной России «опричнина» может иметь

только позитивный экономический смысл, а не репрессивный (что не исключает точечных репрессий против врагов уклада в случае обострения политической борьбы). Экономическая «опричнина» опирается на логику смены укладов в больших кондратьевских циклах, в ходе которых новые уклады вытесняют старые, и это происходит неизбежно. Это мобилизационный и волевой способ управления укладами. Если этого не сделать, олигархия офшорно-сырьевого типа будет сопротивляться, а её ставленники будут разворовывать инвестиции.

Старые технологические уклады и их собственники войдут в особую страту — либо оставшейся олигархии (крупная частная собственность плюс власть), либо госкорпораций со старыми технологическими циклами. Они должны иметь особое представительство, отличное от «опричнины» нового уклада. Речь идёт не о **конфискации собственности** и доходов старых укладов в пользу новых, а скорее о том, что эти уклады постепенно «сами уйдут» в силу более низкой экономической эффективности, хотя их лоббистское сопротивление на первом этапе необходимо будет подавлять.

«МНОГОУКЛАДНЫЙ» УКЛАД. ПОДВИЖНОСТЬ И СМЕШАННОСТЬ, МНОГООБРАЗИЕ (ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ) УКЛАДА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ И ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Особенность осевого уклада в том, что он ставит под свой контроль все уклады, создавая новую многоукладную реальность. Новый уклад отнюдь не насаждает однообразие и бюрократический псевдоколлективизм, а интегрирует все формы собственности в любом соотношении, которое на данный момент наиболее подходит для целей развития. Хотя есть оптимальные пропорции доли госсобственности в экономике

на уровне 40–60%, но она может быть и меньше. Частная и корпоративная собственность интегрируется вокруг экономической оси государства. Социально-экономическая многоукладность, как показал опыт, может быть и плюсом, если она подчинена новой технологической парадигме (технологическому укладу) и поставит ей на службу разные формы собственности и хозяйствования. Пусть формула «многоукладный уклад» и оксюморон, но выражает этот смысл.

ГИБКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ЦИФРОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, БЫСТРАЯ ПЕРЕБРОСКА СИЛ И РЕСУРСОВ ИЗ ОДНОГО СЕКТОРА И ОТРАСЛИ В ДРУГИЕ

Осевой уклад — это игра вдолгую по новым правилам, которая предполагает введение долгосрочного

планирования и длинных стратегий на 20–50–100 лет. **Такое планирование — программирование будущего, технологизация мечты — введение мечты в план. «Мечтократия» — власть конструктивных мечтателей,** инструмент реализации и управления **мечтой** каждого гражданина.

Технологии V и VI укладов проникают и в систему управления, меняя её изнутри. С помощью платформ и экосистем происходит концентрация экономической власти и «обобществление» экономики, но вместе с тем и сетевое перераспределение власти и собственности, быстрый переток капиталов, рост и падение фирм. **За экономикой стоят не деньги и не юридические права, не производительные силы и ресурсы, а организованная воля как таковая, то есть личностная и социальная организация в опоре**

на технику. Управление и текущее планирование в новом укладе осуществляется на основе отраслевых сетевых платформ в виде **государственно-частных партнёрств, сведённых в единую экосистему.**

Дебюрократизация нормотворчества, сокращение количества норм, программ и процедур их внедрения (изменения, отмены), которые превысили все разумные пределы. **Нормотворческое безумие — наследие рационализированной западной цивилизации, которое мы наивно считаем благом.** Быстрое изменение планов под быстрое развитие текущей ситуации неизбежно.

Новый уклад — это «быстрый мир» как в технике, так и в управлении и распределении доходов, он базируется не на «медленных» отношениях прошлого, а быстрых волевых перестановках, меняющих экономический ландшафт за считанные годы.

Платформы могут быть не только экономические, но социальные, творческие, культурные, но все связаны с финансами и механизмами реализации. Цифровизация экономики не должна использоваться для консервации отсталости и несправедливости. России не нужны тотальная цифровая слежка, контроль, социальные рейтинги по китайскому или какому-либо другому типу — это населением не воспринимается, а в случае внедрения приведет к утрате всяческой инициативы.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФУНКЦИЙ ДЕНЕГ

Деньги в осевом укладе не являются мировыми деньгами и абсолютным мерилom ценности (стоимости). **Деньги становятся обслуживающим инвестиционным средством.** Приоритет — капитализация в основные фонды. Все фонды — на покупку и создание техники. Дешевизна денег, целевая эмиссия и кредиты под раз-

витие, целевое кредитование под проекты и под ответственность. Деньги перестают быть идолом, теряют характер фетиша; впрочем, они и сегодня не имеют такого значения для верхушки, которая ими владеет и периодически уничтожает в финансовых «пузырях». Также осевой уклад ближе к ойкономии (разумно достаточному обеспечению), чем к хрематистике (обогащению), что характеризует социалистический тип хозяйства в сравнении с капиталистической денежной цивилизацией как более сложную систему. Ойкономия считается монетаристами более примитивным натуральным укладом, в том числе, азиатского государственного способа производства, с которым сравнивали социализм, но в реальности она более эффективный способ производства, освобожденный от финансового Молоха, от омертвления труда. Абсолютное большинство россиян мыслит уклад хозяйства именно в категории ойкономии и не желает гонки накопления.

Всё это знаменует революционный выход из подчинённого состояния в мировой долларовой финансовой системе одновременно с выходом из технологического подчинения в информационных системах, то есть с созданием собственной сети и производства «железа» и программ. Выход России из западной финансовой системы в собственную — перспектива ближайшего десятилетия. Но он произойдёт **не сам по себе ради отстаивания суверенитета**, а ради смены уклада, то есть ради развития.

Осевой уклад не строится по принципу бесконечного технического и потребительского прогресса или по принципу денег как главной ценности, когда результаты движения экономики постфактум оправдывают всё, что происходит. **Осевой строй вообще вне категории стоимости как омертвлённого человеческого времени.** Тем более в ситуации, когда деньги отвязаны от реальных трудовых затрат.

СОЛИДАРНО-КОРПОРАТИВНАЯ ЦЕЛОСТНАЯ СОБОРНАЯ СИСТЕМА ОБЩЕСТВА ПРИ ЕДИНОНАЧАЛИИ. НАЦИЯ КАК БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

Новый уклад называют солидаризмом, ведь из всех устаревших идеологических «измов» прошлого века солидаризм наиболее точно выражает суть осевого строя — солидарность различных социальных групп и форм собственности ради общего блага и преуспеяния государства. Солидаризм предполагает солидарность бедных и богатых, отсутствие взаимной неприязни и пренебрежения, взаимное признание их как антропологически равных людей. Солидаризм отличается от социализма, в котором культивировалась и культивируется классовая неприязнь к богатым и преуспевающим, хотя при реальном социализме имелось обеспеченное меньшинство.

Ближе всего солидаризм к идеалу большой семьи. Идеал государства как семьи подразумевает внутреннюю иерархию, где более сильные и старшие заботятся о слабых и младших, где существуют взаимовыручка, взаимные обязательства и братское согласие. Сохраняется политическая иерархия и государственное единство во главе с единым, наделённым достаточными полномочиями правителем, но организующим управление по принципу соборности, совещательности, с правом собственных решений. В новом укладе преобладает социально-профессиональное, но не классовое деление. Корпоративный солидаризм складывается в опоре на сети и корпорации, горизонтальные связи, постоянно меняющиеся, и новые системы экономических и культурных взаимоотношений.

Стимулирование роли семьи и семейных отношений в экономике и трудовых биографиях: семейное, корпоративное, государственное, — увязано в один узел. Солидаризм предполагает преодоление отрыва семьи от доходов и профессиональной деятельности. В этом плане, бесспорно, важна трактовка В.В. Путиным

русской национальной идеи как семьи с несколькими детьми и поколениями, которая как раз отсылает к солидаризму. Именно солидаризм может быть решением демографической проблемы, когда **большинство не чувствует себя лишним на пиру жизни, где торжествует меньшинство.**

Солидаризм — это коллективизм личностей, с использованием их творческой энергии для нового уклада. Единство «я» и «мы» вместо разделения и механического подчинения. Социализм понимал и понимает коллективизм как коллективизм групп, коллективизм коллектива, класса, слоя, **в котором доминирует общее как отношение, идея.** Это и большевизм, коллективизм групп большинства, и коллективизм меньшинств в современной левой идеологии. Новый солидаристский уклад тесно связан с соборным устройством общества — добровольным внутренним коллективизмом, который присущ людям вообще, а России — в особенности. Уклад в опоре на государство и его политическую ведущую силу призван реализовать это начало. Элиты должны прекратить обособляться от остального общества и воспринять посыл о разумной достаточности потребления.

РАСТОРМАЖИВАНИЕ ЭНЕРГИИ РОССИИ

Переход к новому укладу — очередной резкий поворот в нашей истории, поворот, в первую очередь, в умах. **Отказ от линии на «подмораживание России», «охлаждения» экономики и финансов, замораживания доходов — в пользу её быстрого и качественного развития.** Я не имею ничего против К. Леонтьева, автора фразы «надо подморозить хоть немного Россию, чтобы не «гнила»», да и авторского аутентичного смысла этой фразы, ставшей вопреки самому автору всеобщим и самостоятельным «критическим» мемом эпохи, ассоциирующимся с консерватизмом и реакционностью. Это одно из сильных достижений философской мысли К. Леонтьева, осмелившегося открыто

встать на пути так называемого «прогресса» и показать, что есть и другой вариант. Но ведь слово не воробей, вылетит — не поймает!

Впрочем, интерпретаторы считают, что философ имел в виду лишь временно очистить, «продезинфицировать» Россию от либерально-западного гниения и затем направить на свой цивилизационный путь развития. Иногда подморозка для уничтожения вредителей — не повредит. Леонтьев был за развитие страны, хотя и во многом противоположное тому, что принималось его современниками и недобросовестными критиками за «прогресс», — движение по пути капитализма и пролетариата.

Идеология курса на подмораживание, «охлаждение» и тогда, во времена Леонтьева, и сейчас сочеталась с массированным вывозом капитала, офшоризацией, обескровливанием экономики и безысходной бедностью целых слоёв и регионов, крайней зарегулированностью и запретительством наряду с моральным самогнанием и потребительством, внедрением чуждой антикультуры. Консервативный синдром, бытового консерватизма, культ старины стали чертой менталитета многих простых граждан с 1990-х годов как реакция на падение, гниение, вонь периферийного капитализма, его «философию». И он сыграл свою защитную роль.

Наши статичные «консерваторы» в мечтах о прошлом иногда не понимают, как отзываются их слова «наверху». Но на носу — другая эпоха. В глухой обороне не выжить. Нужно дать людям реализовать свои таланты, дать «заработать» простым людям — не дельцам. Необходимо растормаживание энергии народа, его демографической силы, инициативы. Но делать это нужно как единый государственный проект. Объединение общей идеей — добровольно принятая интегральная идеология — **представляет собой быстро растущий символический капитал всего общества, безопасный горячий реактор будущего.**

/ Александр ЕЛИСЕЕВ /

Метаидеология как ответ на вызовы постмодерна

*Критика идеологий с позиций последовательного
консервативного революционера*

1. ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ОБНУЛИТЕЛЬ

Основатель европейской «новой правой» Ален де Бенуа утверждает: «Что касается момента, который мы переживаем сейчас, то деление на правых и левых во многом утратило всякий смысл. Либерализм сместил этикетки и перепутал все ярлыки. Те политики, которые считали себя правыми, сместились в сторону либерализма и защищают в настоящее время либеральную власть, в то же время статусные левые везде, вплоть до Франции, тоже откатились на либеральные позиции.

Поэтому сейчас говорить о непримиримом противостоянии правого и левого не имеет смысла. Для эпохи модерна было справедливо, что существовал какой-то водораздел, иногда в форме раскола, между правыми и левыми. Но это всегда были правые, во множественном числе, и левые, во множественном числе, а не левая и правая части спектра.

Всегда были очень разные правые и очень разные левые. Но что касается сегодняшнего дня, с приходом эпохи постмодерна главное деление утратило смысл. Сейчас я не определяю себя как правого мыслителя. Я ищу и в правой, и в левой идеологии какие-то здравые идеи¹.

Безусловно, **либерализм — это такой огромный Нуль, который ничтожит все идеологии**. Например, в Греции левый А. Ципрас «внезапно» стал пособником МВФ и ЕС. А в Венгрии крайне правая партия «Йоббик» так же «внезапно» стала поддерживать леволибералов, играя на руку Д. Соросу.

В принципе, либерализм — это такая нулевая идеология, которая стремится свести Правую и Левую к некоему обнулению, обесцениванию и, можно даже сказать, к «оцифрованию». (Весьма показательно, что глобальный Транснационал сегодня как раз предлагает т. н. «Вели-

кое Обнуление».) По сути, мы имеем дело с идеологией тотального **обмена**, тотальной **измены**, тотального **обмана**. Левое легко меняется (продаётся) на Правое — и аналогично.

В мире тотального Рынка, который долго выстраивается западными элитами, иначе и невозможно. Если есть Левое, то его можно (и нужно) **поменять** на Правое и — наоборот.

Тотальный Обмен давит на сознание, заставляя создавать выгодные рыночные условия — разделяя Левую и Правую. Поэтому надо сверхволевым усилием отталкиваться от этого дна социальной онтологии.

А сама идеология — «вещь» сугубо «рыночная», «капиталистическая» и пролиберальная, отсюда и такая волна идейно-политического регресса, накатывающая на всём протяжении истории Модерна.

Поэтому нужно, как правильно сказал Ален де Бенуа, не менять Левое на Правое, а искать Правое в Левом и Левое в Правом. Следует особо подчеркнуть — надо не менять «этикетки» и «ярлыки», но видеть наличие Одного — в Другом.

То есть надо создавать единую **Метаидеологию**, соединяя по мере сил имманентное единство, расколотое надвое, наращивая «бытийность бытия». И тем самым ликвидируя либеральный Ноль, ничтожащий и цифрующий это бытие.

В настоящий момент рыночный Модерн драматическим образом (через кризисы и пандемии) переходит в Постмодерн. Идёт подготовка к отмене национальных государств Модерна и замене их «мировым правительством». Создан уже и прообраз такого правительства — «Совет по инклюзивному капитализму», который составляют адепты упомянутого выше «Великого Обнуления». Сам инклюзивный капитализм выполняет функцию некоей концептуальной базы грядущего транснационального квазигосударства. Его, судя по всему, довольно-таки

скоро провозгласят. При этом далеко не факт, что именно в планетарных масштабах. Скорее всего, речь пойдет о неких значительных территориях Запада (условная «Евро-Атлантика»).

Но, самое главное, в настоящее время создаётся и утверждает **тотальная идеология Постмодерна**, в качестве которой выступает пресловутый трансгуманизм. Кстати, он черпает концептуальные энергии из новомодной и довольно-таки действенной философии «объектно ориентированной онтологии». («Экспертиза Дугина № 43: Как думает машина». // <https://www.geopolitica.ru/directives/ekspertiza-dugina-no-43-kak-dumaet-mashina>)

И здесь ставится самая последняя задача прогрессистов — **радикальное изменение человечества — с его полной и окончательной отменой**.

2. КРУГОМ ИЗМЕНА, ОБМЕН И ОБМАН

К этому и вело всё развёртывание — всех идеологий Модерна, возникших в результате «великих буржуазных революций». Они ставили своей целью не просто изменение реальности (реальность менялась и до этого), но превращение её в пространство постоянного изменения, тотального обмена. Речь шла не только и даже не столько о том, чтобы сменить существующий строй. Смена традиционного строя нужна была для того, чтобы оправдать и узаконить возможность любых изменений.

Со времён «великих буржуазных революций» процесс изменения становился всё более радикальным. Сначала можно было менять правителей. Потом — уже стали менять целые страны. В прошлом веке стало принято служить другим государствам — в том случае, если они придерживаются «правильной», «передовой» идеологии. Именно

¹ Бенуа А. Массовая иммиграция в Европу должна быть замедлена // https://www.dp.ru/a/2009/11/30/Alen_de_Benua_Massovaja

такую практику вели все ведущие идеологии — коммунизм, либерализм и фашизм (нацизм). Конечно, уравнивать данные системы нельзя — прежде всего, в морально-этическом плане. Но не признавать влияние некоего общего фактора — просто невозможно.

Советские коммунисты требовали служить «отечеству пролетариата» — СССР. Либералы побуждали своих симпатизантов служить странам западной демократии. Нацисты активно формировали колонны коллаборационистов. И всё это национал-предательство оправдывалось, а точнее, окупалось Идеей. (Любопытно, что один из основателей французского фашизма Ж. Валуа поддержал антифашистское Сопротивление — из национально-патриотических, а не идеологических соображений.)

Как видим, любая идеология ставит во главу угла своеобразную измену. Она осуществляет грандиозный Обмен, имеющий, по сути, рыночный характер. Собственно говоря, для этого и нужны были великие перемены эпохи великих революций.

Идеология, таким образом, выступает как явление сущностно рыночное (вне зависимости от своих деклараций). Идея здесь как бы выполняет функцию денег, при помощи которых один товар обменивается на другой. Она рассматривает все ценности, в том числе, и высшие (Родину, Государство, Народ) как товары, которые подлежат обмену. В результате один «товар» продается за Идею,

а на вырученные «средства» приобретается другой «товар».

Вот почему, кстати говоря, в идеологиях активно присутствует экономический детерминизм. И противостояние этих идеологий есть, по большей части, фикция, которая маскирует наличие грандиозного пространства тотального Обмена, созданного в эпоху великих перемен, и великого Обмана. По сути, это пространство и есть та реальность, что зовётся Рынком, который не следует сводить к самым рыночным отношениям. Здесь имеет место некое **глобальное пространство, в рамках которого стремительно наращивается самый разный Обмен, причём экономический аспект здесь вовсе не единственный.**

Рынок привыкли рассматривать через призму экономики, но экономика — это всего лишь один из уровней мирового Рынка. Он наиболее заметен именно потому, что здесь-то и происходят самые динамичные изменения (политические формы всегда более консервативны — поэтому нынешние буржуазные государства перестают отвечать запросам глобализирующегося крупного капитала). Но в целом глобальный Рынок есть многоуровневая реальность, где специфическая духовность сочетается со специфической материальностью. Это — целый мир, альтернативный тому миру, что возник в Творении. Созданием этого мира определённые силы стремятся вернуться к состоянию, которое было в самом начале всего: «В начале сотворил Бог небо

и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (**Быт. 1.1–2.**). Для этого, собственно говоря, и затеваются все перманентные изменения, они нужны для того, чтобы пробудить древний хаос, чьим символом (реально содержащим символизируемое) как раз и является Рынок. И хаотическое **«Великое Обнуление»** необходимо для того, чтобы создать из хаоса свой собственный мир, в котором, как верят инициаторы хаоса, они почувствуют себя настоящими богами.

Онтологические ревизионисты изрядно преуспели — ныне на нашей планете грозит взять верх реальность, которая символизирует этот самый «досветовой», изначальный хаос. Но им и этого мало — надо, чтобы весь мир объединился и официально признал эту самую реальность — как настоящую. Тогда человечество откажется от тварного мира. И его воля будет учтена свыше — таким образом, который никак не входит в планы адептов Хаоса.

3. КОНСЕРВАТИНО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ «ОТРИЦАНИЕ ОТРИЦАНИЯ»

Понятно, что многим консерваторам претит (пусть и подсознательно) любая идеология. Они пытаются удалиться от всех идеологий, найти некоторую точку неизменности. И это хорошо удаётся тем, кто принципиально не желает заниматься политикой, кто целиком и полностью сосредотачивается на духовном делании.

Но тех, кто считает себя политиком, ждёт жестокое разочарование. Ведь политика немыслима без идеологии, и когда нет последней, то не получается и первой. В результате многие наши консерваторы оказываются в некоем политическом вакууме, который они пытаются заполнить правильными, но пустыми декларациями.

Но помимо консервативного отрицания идеологий есть и другой

Любая идеология Модерна осуществляет грандиозный Обмен, имеющий, по сути, рыночный характер, выступает как явление сущностно рыночное (вне зависимости от своих деклараций). Идея здесь как бы выполняет функцию денег, при помощи которых один товар обменивается на другой. Она рассматривает все ценности, в том числе, и высшие (Родину, Государство, Народ) как товары.

подход. Он предполагает **консервативно-революционный синтез**. Консерватор, его практикующий, как бы «захватывает» идеологии в плен. Ему важно вырвать все современные идеологические системы из их контекста, использовать их против Модерна — на пользу Традиции, призванной возродиться на новом уровне. Это путь «удушения в объятиях», который намного более эффективен, чем прямое отрицание.

Консервативный революционер (или революционный консерватор, или контрреволюционер) готов взять всё самое нужное от самых разных идеологий. Но взять с важнейшими оговорками. Так, от социализма он берёт идею социальной справедливости, которая акцентирует

внимание на общественном начале. Но при этом само общественное, в оптике революционного консерватизма, не должно подавлять личное и групповое, но находиться с ним в диалектическом равновесии. Здесь Часть выражает Целое, а Целое не поглощает Часть.

От либерализма консервативный контрреволюционер берёт идею свободы, но в то же самое время он понимает под ней возможность свободно излагать мнения по важным вопросам (прежде всего, по тем из них, которые касаются нужд и запросов конкретных социально-профессиональных групп). При этом он отрицает необходимость постоянно наращивать «самостоятельность» индивидуума. Ведь в реаль-

ности это ведёт к атомизации самих индивидуумов и их ослаблению. И гонка «за свободы» уже приводит к нарастанию неототалитаризма, который будет представлять собой тиранию глобалистов. Характерны уже те ограничения, которые делаются под предлогом борьбы с пандемией. Однако не в них дело. Посмотрим хотя бы на ЕС и его структуру управления. Европарламент (единственный орган власти ЕС, избираемый напрямую населением) не имеет права на законодательную инициативу. Оно принадлежит только Еврокомиссии.

И процесс этот начался не сегодня. В 1975 году видные западные интеллектуалы (С. Хантингтон и др.) составляют доклад «Кризис демокра-

тии», написанный по заказу одного из центров мондиализма — «Трёхсторонней комиссии». В нём прямо указывается на то, что демократия (как, впрочем, и государство социального благосостояния) начинает угрожать правящей верхушке. Никакой внешней угрозы, по мнению авторов, нет, но есть угроза внутренняя, исходящая из динамики развития демократии. «Вывод: необходимо способствовать невовлечённости (noninvolvement) масс в политику, развитию определённой апатии, — пишет А. И. Фурсов. — Надо, мол, умерить демократию, исходя из того, что она — лишь способ организации власти, причём вовсе не универсальный» («Рукотворный кризис»).

Однако вернёмся к теме консервативно-революционного синтеза. Как очевидно, консервативный революционер вторгается в чуждые ему идеологии, меняет их (точнее, обращает вспять процесс обмена) и объединяет в собственном синтезе.

И там они уже служат не Модерну, но именно Традиции. Товарность перестаёт отягощать Идею, которая начинает дышать **Вечностью, а не вещностью**. Консервативная революция опирается на контридеологию, которой только и может быть Метаидеология консервативно-революционного синтеза.

4. КОРИЧНЕВЫЙ СОБЛАЗН

Первым и, пожалуй, единственным эту технологию задействовал Гитлер. Обладая каким-то невероятным чутьём, он сумел вырвать из лап Модерна левый социализм, используя его для нужд правого национализма. Результат был потрясающим. Пока «старые правые» недовольно бурчали о поруганной Германии и бросали декларативные фразы о национальном величии, Гитлер пришёл к власти — без особых потрясений, как и полагается правому. Но он же вступил в противоречие с правым,

национальным социализмом, выдвинув глобалистскую по сути идею мирового господства. Причём это господство во многом воспринималось как завоевание жизненного пространства для миллионов немцев, которых Гитлер хотел сделать нацией всемирных бюргеров-хозяев. И вот здесь он уже попал под влияние глобального Рынка с его экономическим детерминизмом. Национальный социалист «переродился» в буржуазного глобалиста.

Во многом это стало возможным потому, что Гитлер отказался «удушить в объятиях» либерализм. Он попытался удушить его в концлагерях. А с идеологиями такие вещи не проходят — слишком уж они сложны для «полицейских». В результате либерализм незаметно проник в сознание национал-социалистической элиты, не получившей прививки от этой идеологической чумы. Элита стала мыслить категориями транснациональной олигархии, рас-

смаатривающей весь мир как сферу тотального Обмена. И, что показательно, Гитлер готов был поменять германскую национальную империю на мировое господство, которое неизбежно носит космополитический характер. Не случайно же он проорочил: «Я пользуюсь идеями нации и государства по соображениям текущего момента. Но я знаю временную ценность этих идей. Придёт день, когда даже у нас в Германии мало останется от того, что мы называем национализмом. Над всем миром встанет всеобщее содружество **хозяев и господ**». Да — всемирный союз «хозяев» (обратим внимание — у Гитлера они стоят перед «господами»!) — это тот идеал, к которому сегодня стремятся транснациональные корпорации (ТНК), которые использовали для этой цели недальновидных «господ» из американского Белого дома. В этом плане гораздо более предпочтительнее выглядит линия О. Штрассера, который соединял национальный социализм с «национальным плюрализмом», предполагавшим спокойную и продуктивную дискуссию всех патриотических сил.

Бывший советник фюрера Г. Раушнинг, неоднократно общавшийся с Гитлером в 30-е годы, приводит его взгляд на судьбы мира и человечества: «Творение ещё не завершено — по крайней мере, в том, что касается живого существа по имени человек. С биологической точки зрения человек стоит на распутье. Уже начинает обрисовываться новая человеческая разновидность... Тем самым прежняя разновидность людей неуклонно приходит к биологической стадии вырождения... Но вся творческая сила уже концентрируется у новых людей. Обе разновидности быстро развиваются в противоположных направлениях. Первую разновидность я бы назвал скотомассой, вторую — Богочеловечеством... Мы не капитулируем никогда. Может быть, мы погибнем. Но мы возьмём с собой весь мир» («Говорит Гитлер»).

Коричневый глобализм был основан на «арийском мифе», который

и лёг бы в основу «нового мирового порядка» — по Гитлеру. При этом само «арийство» трактовалось нацистами весьма своеобразно и расширительно. Так, когда было нужно, арийцами объявили чеченцев, в то же самое время русских обзывали «унтерменшами». Вообще, арийство понималось как нечто очень и очень brutальное, синонимичное сверхчеловеческому. Нацистские лидеры обожали философию Ф. Ницше, который призывал людей отказать от человеческого и достичь уровня сверхчеловека (вот и один из источников трансгуманизма). Его прямо-таки вождил Гитлер, уверявший Г. Раушнинга: «Новый человек живёт среди нас! Он здесь!.. Вам этого достаточно? Я открою вам тайну. Я видел нового человека, бесстрашного и жестокого. Я трепетал перед ним».

Показательно, что любимый философ Гитлера был убеждённым противником любого национализма. И понятно почему: ведь преодолеть человеческое, значит преодолеть, в том числе, и национальное, которое лежит в основе социального бытия всех людей. Гитлер стремился именно к этому, используя национализм всего лишь как прикрытие.

Гитлер позиционировал себя как этатист и сторонник сильной национальной, имперской государственности. Но это, опять же, делалось на публику. Превыше государства (и даже нацистской партии) Гитлер ставил наднациональный орден СС, который «должен был превратиться в замкнутую корпорацию, государство в государстве. Члены ордена должны были подлежать только орденской юрисдикции, повинаться только орденским законам. Планировалось создать города и селения ветеранов СС по всему миру, как колонии в человеческом мире. В конце концов, планировалось даже образование особого эсэсовского государства на территории древней Бургундии. В своей речи весной 1943 года рейхсфюрер СС Г. Гиммлер высказался по этому по-

воду следующим образом: «На мирной конференции мир узнает о воскрешении древней Бургундии. Эта страна, бывшая когда-то землёй наук и искусств, была сведена Францией до уровня заспиртованного придатка. Суверенное государство Бургундия, со своей армией, законами, монетой, почтой, станет образцовым государством СС. В неё войдут Романская Швейцария, Шампань, Франш-Конте, Эно и Люксембург. Официальным языком будет, разумеется, немецкий. Править будет только СС, национал-социалистическая партия не будет иметь в Бургундии никакой власти. Мир будет потрясён и восхищён государством, где будут применены наши концепции». (Ганс-Ульрих фон Кранц. ««Аненербе». «Наследие предков». «Секретный проект Гитлера»».)

Собственно, вряд ли с Гитлером могло быть что-то иное. Он думал не столько о синтезе, сколько о прагматическом, по сути — рыночном, использовании социализма (при отказе от использования либеральных идей).

Между тем метаполитика — превыше политической выгоды.

Контрреволюция должна быть тотальной и охватывать все сферы политического, все идеологии (в их разных версиях). Но при этом следует избегать эклектики, которая предполагает бессистемное (хаотическое) смешение разных идей и стилей. Таковая эклектика, к слову сказать, и погубила «лимоновский» национал-большевизм, апеллировавший без разбора к самым разным политическим традициям — от фашизма и маоизма до анархизма и либертарианства.

В целом же надо иметь в виду, что ни одна из идеологий не способна бросить вызов трансгуманистической идеологии транснационального Постмодерна. Все они так или иначе находятся в поле последнего. Ответить на постмодернистский вызов можно, только создав **антиидеологическую сверхидеологию**.

Метаидеологию.

/ Сергей КАЗНАЧЕЕВ /

Этажи русской идеологии

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОПРОСА

В середине 40-х годов XIX века вышла в свет работа К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология». Поначалу двухтомный труд не вызвал интереса у издателей. Дело в том, что авторы, отталкиваясь от учений Г.В. Ф. Гегеля, Л. Фейербаха и младогегельянцев (Б. Бауэра и М. Штирнера) продемонстрировали склонность к плоско-материалистическому пониманию общественной жизни. Главный лозунг фундаторов марксистского мышления можно сформулировать при помощи нехитрого и ставшего широко распространённым слогана «Бытие определяет сознание». Это были жёстко сформулированные слова, которые звучали чересчур спорно и схематично и поэтому вызвали массивную критику со стороны философов идеалистического направления.

Последующий ход истории показал, что производительные силы (базис) и духовная система существования социума (надстройка) скорее находятся во взаимодействующих, коррелирующих отношениях, влияют друг на друга определяющим образом. И вибрация, непрерывно происходящая между ними, прежде всего, происходит на уровне выработки или выбора наиболее оптимальной идеологии.

Идеологию можно понимать как важнейшую сферу человеческих представлений о жизни общества. Они непрерывно видоизменяются в соответствии с условиями существования этносов и формулируются устами наиболее пассионарных, интеллектуально оснащённых личностей, способных концептуально обозначить прошлое, настоящее и будущее сложившихся в обществе идей, взглядов и принципов. Всё это в полной мере можно наблюдать на отечественной почве.

Эта данность нагляднее всего предстаёт на других этажах духовности. К началу 90-х годов XX столетия стало ясно, что официальная советская идеология не способна ответить на вызовы времени. В силу своей косности она не может энергично перестраиваться и обновляться, становясь колоссом на глиняных ногах, которого нетрудно спихнуть с авансцены и отодвинуть на периферию общественного сознания.

На смену ей в результате энергичных усилий радикально настроенной части постсоветского общества была вынесена, условно говоря, демократическая и либеральная идеологическая

модель. Всё происходило с молниеносной решительностью. Людям «длинных идей» требовалось время для осмысления происходящих процессов. А «реформаторы» действовали куда оперативнее консерваторов, предлагая скороспелые, часто непродуманные и заимствованные у Запада модели, которые на определённом этапе для неподготовленной публики могли выглядеть вполне привлекательно. Это был своего рода идеологический популизм: свобода личности, рыночные отношения, внеблоковый статус, отсутствие цензуры, плюрализм и т.д. Приманки оказались на виду и засверкали как яркая обёртка.

Но что скрывалось под этой ярмарочной шелухой? В то время как государство предпринимало беспомощные попытки найти нечто вразумительное и в итоге отказалось от какой-либо идеологии, новый правящий класс незаметно, но настойчиво внедрял новомодные идеологемы. На какое-то время почти аксиомами стали такие девизы самореализации, как: «Если ты умный, то почему бедный?», «Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным» и «Куй железо пока Горбачёв». Словом — «Обогащайся!»

Разумеется, и тогда находились люди, предвидевшие пагубность укоренения такого рода эгоистической морали. Понятно, что их высказывания требовали эффективной нейтрализации. Для этого потребовались яркие и всем понятные аргументы.

В разгар перестройки на экраны вышел телефильм Владимира Бортко «Собачье сердце», который приобрёл неслыханную популярность. Персонажи повести М. Булгакова и их высказывания пошли в народ, чему немало способствовала социальная и экономическая напряжённость. А когда в стране состоялись политические кризисы августа 1991 и октября 1993 годов, либерально-демократические политики, СМИ и их адепты взяли на вооружение злобный ярлык для приговора своим идеологическим оппонентам к позорному столбу — «Дети Шарикова»¹. Данное обидное прозвище звучало с трибун Госдумы, со страниц прессы, из теле- и радиоприёмников. Казалось, от этого не отмыться.

Пришлось тогда взять слово для ответа. Суть в том, что в начале 90-х настало время жёсткого диктата со стороны новых «хозяев жизни». Сторонники плюрализма на дух не переносили иной точки зрения, так как были генетическими преемниками «комиссаров в пыльных шлемах».

¹ Кстати, сегодня на Украине провластные журналисты используют этот образ для дискредитации своих противников.

(Не зря сборник их программных выступлений так и назывался — «Иного не дано».) Они действовали по законам революционной/контрреволюционной необходимости и гнобили всех и вся.

Свою статью против этой тенденции пришлось назвать «Дети Швондера» (хотя в фильме Роман Карцев несколько смягчил этот образ, придал ему некоторую человечность). Несмотря на то что публикация состоялась в скромной газете с малым тиражом, она не осталась незамеченной — свою солидарность выразили люди разных кругов. Затем внимание было обращено на выдуманный демократами «птичий» язык, благодаря чему они сразу распознавали друг друга по системе «свой — чужой». Это было отмечено в небольшой заметке «Идейно крепкий речекряк» («День», № 38, 1992).

А ЧТО СЕГОДНЯ?

Этот небольшой экскурс в прошлое нужен был для того, чтобы убедиться: ситуация в наши дни изменилась не сильно, по крайней мере, не кардинально. Если пройтись по страницам нынешней либеральной прессы, прислушаться к голосам заединщиков, звучащих в эфире телевизионных ток-шоу, легко увидеть: от своих целей и тогдашней риторики они отказываться не намерены. Практически все монологи и реплики фигурантов дискуссий с либеральной трибуны созвучны спорам тридцатилетней давности. Ничего здорового и позитивного не было и нет — ни в нашей истории, ни в её культуре, ни в её настоящем. А потому — нечего копать под сенью родных осин: свет истины, прогресса и благополучия может пролиться только с Запада, благодушного и душещипательного. Убеждать их в противоположном — дело бесполезное и бесперспективное. Формулировать позитивные, открытые лозунги — значит, подвергнуть себя оголтелым и беспринципным нападкам. Что же делать?

Всё-таки, хотя бы вкратце, изложу своё видение проблемы.

Нередко раздаются голоса, ратующие за то, что главной национальной идеей для России должен стать патриотизм. Что тут сказать? Патриотизм — как бы ни огрызался на него Булат Окуджава — начало высокое, сокровенное, таинственное. Но это — слишком широкий взгляд, особенно для такой Родины, как наша. «Россия не вмещается в шляпу!..» — говаривал генерал-майор Чарнота из булгаковского «Бега».

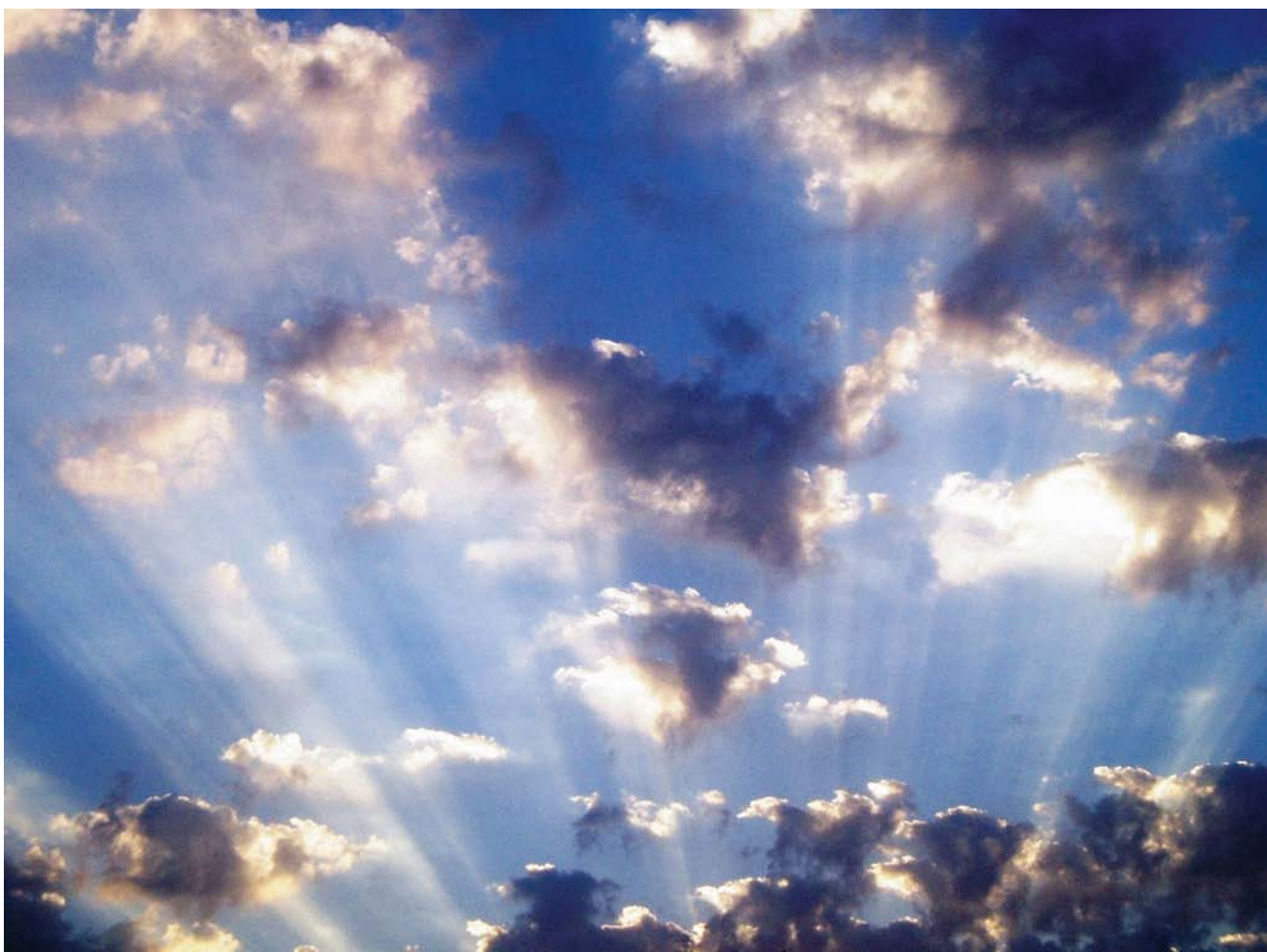
Но чувство патриотизма свойственно каждому уважающему себя народу, любому состо-

явшемуся государству, всякому нормальному человеку. Патриотизм — неотъемлемая часть полноценной, а не ущербной личности, так же, как любовь к своей матери, к роду, к отеческим гробам. Это, как говорят, не обсуждается, так как относится к области аксиоматики. Но в данном случае мы имеем дело с феноменом совсем иного рода.

Российский патриотизм — явление высокого порядка. И тут на первое место выступает такое геополитическое обстоятельство, как историческая многонациональность нашей державы. Русское государство из седой древности представало как союз племён, включавший в себя славянские, многосоставные народности, тюркские, половецкие, скифские, уральские, угро-финские, балтские, полабские, восточно-германские, романские и иные элементы единой супернции. Единство ингредиентов этого полиэтнического образования не раз подтверждали военные и иные масштабные катаклизмы. Солдаты разного происхождения, менталитета и вероисповедания, оказавшись в одном окопе, как правило, не чувствовали разобщённости и действовали в единой сплотке, в едином порыве. Почему и с завидным постоянством отбивали нападения, наголову разбивая захватчиков со всех сторон света. Достаточно вспомнить всем известные события Великой Отечественной войны, чья история достаточно изучена и описана в литературе, как в научной, так и художественной.

Но и события современности свидетельствуют о том же. Большой войны, благодаря судьбе, сейчас нет. Но, как утверждают серьёзные аналитики, и в мирное время противостояние между Россией и внешним миром никуда не делось. Одним из проявлений такого антагонизма в обычной жизни является спорт. И тут мы обнаруживаем множество красноречивых примеров нерушимого многонационального единства.

Устроители недавно состоявшихся в Японии Олимпийских игр предприняли всё для того, чтобы разрушить, разобщить российское общество. Им казалось, что, лишив страну флага, гимна, герба и прочих государственных знаков отличия, они получат горстку или даже толпу ничем не связанных, обиженных и озлобленных на своё государство людей — не помнящих о своём гражданстве, о своей родовой принадлежности суперменов. Но они жестоко просчитались: как всегда, наши недоброжелатели не учли извечной особенности русского, российского характера.

Выступая на ринге, помосте и других ристалищах, наши атлеты не только не забывали о своей национальной принадлежности — они всегда помнили о Большой Родине, которая подготовила их, собрала в дорогу и потом с честью встретила как победителей и призёров. И дело даже не в выплате солидных премиальных сумм: кто взирал на лица стоящих на пьедестале почёта триумфаторов и их тренеров, не мог не обратить внимания, каким огнём горели их глаза, с каким воодушевлением они слушали звуки духоподъёмной музыки Чайковского. Вот уж действительно: эту песню не задушишь, не убьёшь, как писал советский поэт Лев Иванович Ошанин.

Русские, татары, осетины, дагестанцы, ингуши, чеченцы, кабардино-балкарцы, представители других народов принимали свои заслуженные награды с чувством, что их победами восхищаются не только жители родного города, посёлка, села, аула, кишлака, но и вся многомиллионная семья народов. На мой взгляд, эти спортивные достижения сплотили Российскую Федерацию не меньше, чем официальные торжества и ме-

роприятия. Многие миллионы почувствовали свою причастность не просто к победоносной спортивной команде, а к могучей Державе и, если угодно, Империи!

А главное — между собой, в интервью, на пресс-конференциях, в беседах с членами других делегаций все они изъяснялись с помощью русского языка как реальной, а не номинальной формой международной коммуникации.

Нет сомнений в том, что наши идеологи должны на все сто процентов использовать этот мощный рычаг, всячески культивировать максимальную этническую пестроту нашего населения. Бережное сохранение культур, обычаев, национального своеобразия наций и народностей, сплотившихся вокруг русского центра, должны быть прописаны на законодательном уровне. Особо тонкую работу необходимо вести с националистическими движениями — в той форме, как национализм понимал великий русский философ Иван Александрович Ильин. Надо сделать так, чтобы их деятельность не вела к сепаратизму, а укрепляла дружбу между на-

родами. Нужно приложить все усилия, чтобы молодые люди в республиках мусульманской ориентации смотрели не в сторону запрещённых в РФ структур «Талибана» и ИГИЛ², а стремились к российским святыням. Все общегосударственные празднования и другие мероприятия стоит проводить с учётом национальной специфики.

Когда видишь на экране кадры из европейских стран, где молодёжь охотно красуется в национальных костюмах, невольно рождается чувство зависти: неужели наши юноши и девушки из другого теста? Конечно же нет. Нужно просто сделать так, чтобы отечественные костюмы, танцы, песни, культурные традиции стали привлекательными для наших юных сограждан, оказались, говоря их языком, в тренде. Особый спрос и госзаказ в этом деле следует обратить к домам моды, дизайнерам одежды, визажистам. Сумело же этого добиться руководство Приднестровской молдавской республики, где мне доводилось присутствовать на таких мероприятиях, когда «буйство» русских, украинских, молдавских, гагаузских, болгарских и других нарядов с лихвой затмевало радужные флажки маргинальных сообществ.

«ВСЯК СУЩИЙ В НЕЙ ЯЗЫК...»

В своё время Вадим Валерьянович Кожин с тревогой и нескрываемым удивлением писал, что XX век неожиданно для многих оказался веком национализма, причём появились такие виды национализма, о которых раньше и не слыхивали. Эта тенденция очень опасна, так как в многонациональном государстве создаёт центробежные силы, которые уже разодрали в мелкие клочья не одно территориальное образование. Пример, который у нас прямо перед глазами, — трагическая судьба Советского Союза, взорванного как снаружи, так и изнутри. Разумеется, такая возможность полураспада существовала и для России, что охотно предрекали пессимисты от геополитики. Однако этого не произошло. Почему? Попробуем разобраться.

Элементарная логика подсказывает: для того чтобы сложносоставное целое не распалось, нужны центростремительные векторы, иначе говоря — экономические и духовные скрепы. Слово это в обиходе записных русофобов приобрело резко негативное звучание. В их ограниченном понимании скрепа — вымышленная,

² Запрещенная в РФ организация.

фантомная субстанция, фикция, изобретённая патриотами для достижения своекорыстных целей. На самом деле ничего этого нет, а есть только один сплошной материализм, расчёт, выгода. Согласиться с такой точкой зрения невозможно.

То, что огромную страну связывают прочные внутренние стяжки общего хозяйства, исторического прошлого, властных структур, военных и специальных служб, понятно. Но не меньшей цементирующей силой был и остаётся великий русский язык. Как бы ни стремились редуцировать его значение на международной арене, он и сегодня играет роль надёжнейшего средства межнационального общения. И не только в странах бывшего СССР, СНГ, но и далеко за их пределами. Сегодня по числу зарубежных диаспор наша страна занимает одно из первых мест в мире. А потому при выработке новейшей российской идеологии особо важное место следует отвести дальнейшему распространению, изучению и развитию великого и могучего.

Надо признать, сегодня наша родная речь испытывает мощный прессинг со стороны западной цивилизации. Телевидение, интернет, всеобщая глобализация, развитие электронных технологий — давят на русский язык как гнёт на квашеную капусту. Что ни день слышишь новые словечки и термины-англицизмы. Латинские символы настырно лезут в кириллические тексты, взламывая их, как заветную шкатулку с драгоценностями.

Беда состоит в том, что в последние полвека русский язык очень медленно обновляется и пополняется словами, образованными от славянских корней. Почему это происходит? Ведь наша интеллектуальная и литературная общественность всегда славилась своей креативностью (вот опять иноземное словечко!). Со времён адмирала Шишкова и Карамзина, от опыта Лескова до словесных экспериментов Маяковского, Хлебникова и других футуристов наши люди никогда не лезли в карман за подручным неологизмом. Сегодня эта кладовая почти не пополняется. Ясно, что переломить данную тенденцию будет не просто. Понадобятся кропотливые и настойчивые усилия лингвистических центров: академических и учебных институтов, университетов и школ.

Но где язык, там и литература. От мастеров слова во многом зависит здоровье и крепость нашего языка. В последние десятилетия у нас практически вывелись писатели со своим собственным оригинальным стилем. Вы заметили, как усох и истончился теперь жанр литера-

турной пародии? А всё потому, что пародировать стало некого, особенно в области прозы. В стихах пародист ещё имеет шанс выловить пару-тройку курьёзных строк и оттоптаться на стилистических огрехах. А где нынче прозаики с ярко выраженной манерой, как это было, скажем, в 20–30-е годы прошлого столетия: Шолохов, Булгаков, Зощенко, Платонов, Олеша? Попробуйте перепутать одного автора с другим! А что сегодня? Большинство романов, повестей и рассказов написано как под одну гребёнку. Кроме затейливой северной прозы Владимира Личутина ничего и в голову не приходит. Не станешь ведь пародировать Виктора Пелевина или Владимира Сорокина — их сочинения порой выглядят как пародия на самих себя.

Масла в огонь подливают и модераторы литературных премий: из года в год в закрытые списки попадают одни и те же кандидаты, а через несколько лет имена авторов-лауреатов забываются и тускнеют. А ведь зачастую именно государство направляет деньги на поощрение литераторов и других деятелей культуры. И оно могло бы внимательнее контролировать эту часть литературного процесса.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Наш современник оказался в состоянии человека, который знает, что ничего не знает. Выяснилось, что у нас нет достоверных сведений о строении Космоса, Солнца, Солнечной системы, её планет и спутников. Нынешняя астрономия

Особо тонкую работу необходимо вести с националистическими движениями — в той форме, как национализм понимал великий русский философ Иван Александрович Ильин. Надо сделать так, чтобы их деятельность не вела к сепаратизму, а укрепляла дружбу между народами. Нужно приложить все усилия, чтобы молодые люди в республиках мусульманской ориентации смотрели не в сторону запрещённых в РФ структур «Талибана» и ИГИЛ, а стремились к российским святыням. Все общегосударственные празднования и другие мероприятия стоит проводить с учётом национальной специфики.

всё чаще беспомощно разводит руками; на её фоне даже астрология и другие так называемые паранауки выглядят убедительнее, приковывая к себе взгляды всё новых адептов. Мы ничего не знаем о происхождении жизни и человека, смутно догадываемся о строении земного шара, океанология честно признаётся, что не в курсе того, что происходит в 9/10 глубин мирового океана. И так далее.

Понятно, что это общечеловеческая проблема, но её надо как-то решать. Вместо того чтобы предлагать комплексные решения научных вопросов, учёные высыпают на нас кучу разрозненных сведений, фактов и концепций, которые не дают сколько-нибудь стройной картины бытия. При этом научные деятели и координаторы крепко держатся за, мягко говоря, никем не доказанные учения: теорию относительности, теорию эволюции, взгляды на строение атомного ядра... Подавляющее число учёных придерживаются строго материалистических взглядов, которые для них незыблемы. Креационная наука по-прежнему остаётся в полном загоне. Многие учёные в упор не видят точку зрения религиозных мыслителей, душа для них — антинаучное понятие. Вот интересно — гегельянский Абсолютный Дух с точки зрения философии — научен, а русская душа — нет.

Тот же В. Кожин приводит слова английской писательницы Вирджинии Вулф: «Именно душа — одно из главных действующих лиц

русской литературы... Она остаётся основным предметом внимания. Может быть, именно от этого англичанина и требуется такое большое усилие... Душа чужда ему... Даже антипатична... Она бесформенна... Она смутна, расплывчата, возбуждена, неспособна, кажется, подчиниться контролю логики или дисциплине поэзии...»³. В этом действительно кардинальное различие в менталитете России и Запада. Но вот что поразительно: русская религиозная философия спокойно и квалифицированно оперировала термином «душа», а наши современные мыслители стыдливо отворачиваются от него.

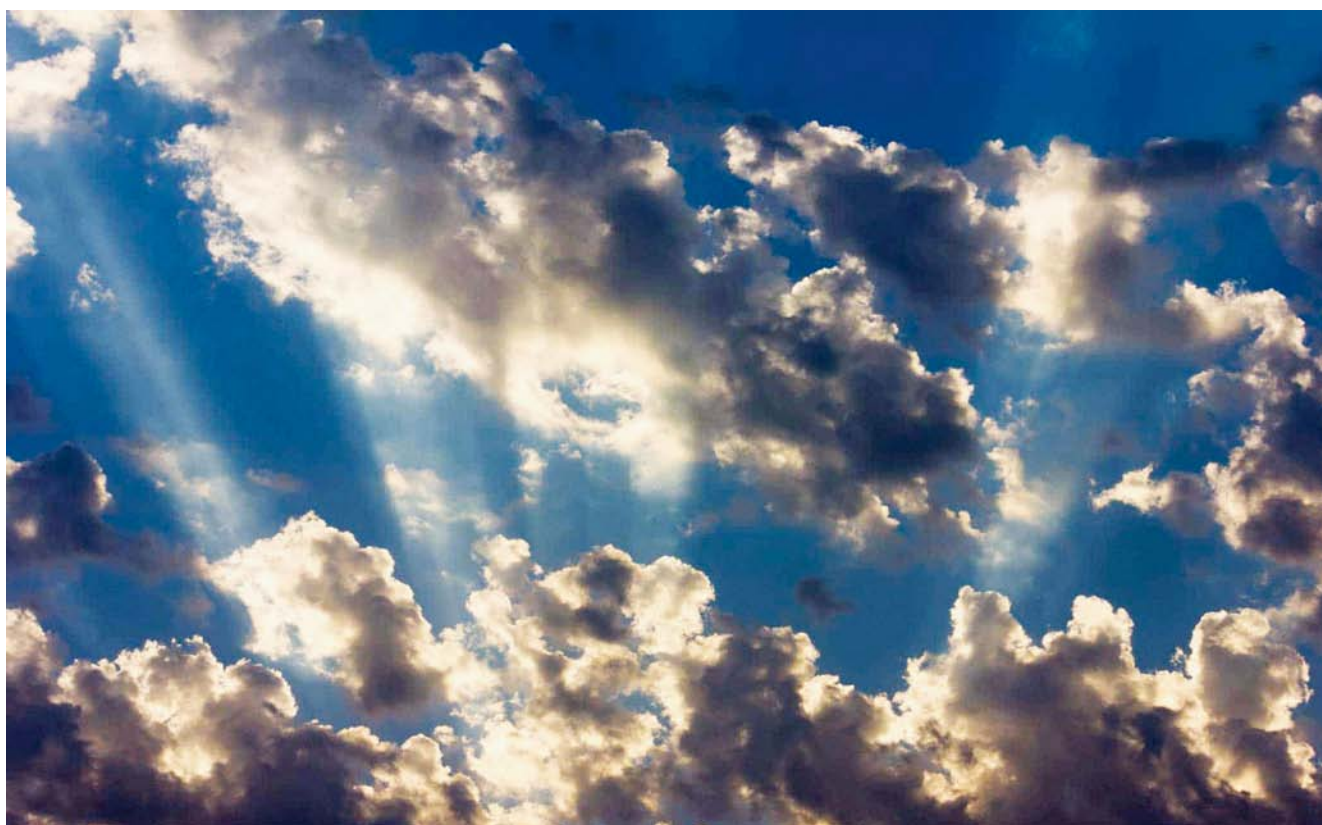
Сегодня мы практически не видим учёных такого масштаба и широты взглядов, как В. Вернадский, А. Чижевский, П. Флоренский. Одной из последних по времени личностей этого типа был нобелевский лауреат Жорес Алфёров, который в эфире без особого напряжения раз за разом щёлкал по носу телеведущего В. Познера. Кстати, именно Алфёров поделился успехами в выстраивании цепочки: «школа — вуз — научная лаборатория», которая представляется оптимальным способом организации учебного процесса.

О сфере науки следует сказать особо. Одним из критериев эффективной работы учёного-преподавателя считается наличие и количество публикаций. И вроде бы — не подкупаешься. Но тут немало подводных камней. Публикация публикации рознь и ценится по-разному. С ВАКовскими рецензируемыми изданиями всё понятно, но хорошо известно, что многие из них печатают статьи на платной основе, а значит, качество текста не играет решающей роли. Ещё один парадокс: полосная публикация в «Литературной газете» (тираж свыше 100 тыс. экземпляров) не идёт в зачёт, а статейка в каком-нибудь малоизвестном вестнике (500 копий) — учитывается как научное достижение.

Отдельно рассматриваются и ценятся публикации в зарубежных журналах. Но разве не понятно, что в нынешних условиях, когда Россию давят санкциями по всем направлениям, наши авторы там — не самые званные гости. Хорошо, если ты занимаешься изучением творчества О. Мандельштама, Б. Пастернака или И. Бродского — твои изыскания, очевидно, придутся ко двору. А если пишешь о Н. Рубцове, Н. Тряпкине или Ю. Кузнецове или других поэтах патриотического направления, к твоей работе отнесутся в лучшем случае — с прохладцей. Такая вот у них идеология.

В многотысячелетнем Китае, выдвигаясь на руководящую должность, будущий чиновник должен был преодолеть строгий экзамен. Вероятно, эту систему следует опробовать и у нас. Но подобное испытание не должно напоминать уравниловку типа ЕГЭ, а включать в себя не только проверку профессиональных, деловых качеств, но и мониторинг психологических акцентов личности, общего кругозора, умения грамотно писать и говорить. Если все эти требования будут удовлетворены, претенденту можно доверять ответственный пост, причём — на конкурентной основе.

³ Цит. по: Писатели Англии о литературе. XIX–XX вв. М.: 1981. С. 285.

СИСТЕМНЫЕ СБОИ

И наконец, о самом главном, трудном и грустном. Нынешним идеологам нужно сконцентрировать усилия на преодолении своеобразного порочного круга, дурной тенденции, то и дело проявляющейся на всех этажах нашего государственного и общественного устройства. Исходя из собственного опыта и отзывов знакомых, друзей, наблюдателей и аналитиков можно судить, что наша система функционирует таким образом, что на передовые позиции и руководящие посты у нас нередко выдвигаются не самые лучшие кандидатуры.

Деловой человек, инициативный работник, перспективный дублёр, согласно национальной традиции, подразумевающей скромность и деликатность поведения, зачастую находится в тени, не лезет вперёд, не работает локтями. В результате на освободившуюся должность выдвигаются более пробивные, нахрапистые, услужливые люди без моральных ограничений и комплексов. Вакансии заполняются не лучшими, а более удобными кадрами, такими, для которых такого «антинаучного» понятия, как совесть, просто не существует.

Могут возразить: карьеризм был всегда и везде, это общий закон жизни, и ничего уж тут не попишешь. Конечно, витальные, шустрые

и нахальные люди имеют больше шансов выйти в люди, занять более высокое место в иерархии. Но эта практика приводит к тому, что мы часто наблюдаем такое явление, как человек не на своём месте. Пробившись в начальники, такие натуры, увы, обнаруживают не самые лучшие нравственные качества, от чего страдают общее дело, движение вперёд, моральный климат в коллективе. Именно это имел в виду «наше всё» Пушкин: «Беда стране, где раб и льстец одни приближены к престолу, а небом избранный певец молчит, потупив очи долу...»

Как решить эту грандиозную задачу, сказать трудно. Но начинать давно пора, вернее сказать, — это требовалось ещё вчера. Но лучше поздно, чем никогда. В многотысячелетнем Китае, выдвигаясь на руководящую должность, будущий чиновник должен был преодолеть строгий экзамен. Вероятно, эту систему следует опробовать и у нас. Но подобное испытание не должно напоминать уравниловку типа ЕГЭ, а включать в себя не только проверку профессиональных, деловых качеств, но и мониторинг психологических акцентов личности, общего кругозора, умения грамотно писать и говорить. Если все эти требования будут удовлетворены, претенденту можно доверять ответственный пост, причём — на конкурентной основе. Решить эту задачу можно только сообща.

/ Владимир МОЖЕГОВ /

Пёрл-Харбор *XXI века:* самая масштабная провокация неоконов

«ПРОБУДИТЬ АМЕРИКУ ОТ ЕЁ ЛИБЕРАЛЬНОГО СНА»

Как ни странно, слова о «Пёрл-Харборе XXI века» прозвучали впервые не 11 сентября 2001 года и не в последующие дни, когда вся Америка переживала настоящий шок, смешанный с унижением и ужасом, а полугодом раньше.

Прозвучали они в официальном докладе, который высокопоставленная группа неоконеров положила на стол Биллу Клинтону, доживающему своё последнее полугодие в Белом доме. Доклад назывался «Перестройка обороны Америки: стратегии, силы и ресурсы для нового века» (Rebuilding Americas defenses: strategies, forces and resources for a new century). Коллективным автором доклада был аналитический центр PNAC (The Project for the New American Century — «Проект для нового американского века»). На 90 его страницах руководитель центра Уильям Кристол и его команда разъясняли мировую политическую обстановку и советовали Клинтону воспользоваться уникальной ситуацией «однополярного мира»: «Именно сегодня, когда СССР повержен, а наша мощь в десятки раз превосходит силу ближайших конкурентов, мы имеем уникальную возможность, запустив множество войн по всему миру, создать мир, благоприятный для наших принципов, — убеждал текст доклада. — Если же мы уклонимся от этого пути, то можем столкнуться с фундаментальными проблемами. Вся история XX века учит нас тому, что встретить угрозы необходимо до того, как они станут ужасными... Итак, пора отбросить сомнения и начать претворять наши принципы в жизнь. И начать следует с Ирака...»

В заключение авторы намекали на некую ужасную катастрофу, которая может произойти: «Если наша «стратегическая пауза» окажется слишком длинной, её неизбежно «катализирует» некое ужасное событие, подобное новому Пёрл-Харбору»...

Доклад лёг на стол Клинтону, однако не произвёл на него нужного впечатления. Но время его уже кончалось. На вашингтонский олимп уже всходил Дж. Буш-мл. А вместе с ним к рычагам власти взбирались те самые люди, подписи которых стояли под докладом PNAC. Скоро они окажутся везде: администрация президента, Белый дом, Пентагон, ЦРУ...

А 11 сентября 2001 г. и сам Дж. Буш-мл. напишет в своем дневнике: «Сегодня имел место Пёрл-Харбор XXI века». То же самое он

сообщит журналистам. Правда, скоро прикроет рот. О «Пёрл-Харборе XXI века» будут помнить лишь маленькие независимые издания, ещё некоторое время удивленно напоминающие, что ещё в прошлом году «в Пентагоне... задумывались над тем, что для «национального пробуждения» Америки нужно «катастрофическое и катализирующее событие — нечто вроде нового Пёрл-Харбора» (Observer). Но в общей истерии осени 2001-го их никто не услышит. А набат центральных СМИ, поющих в унисон с неоконерами, начнёт поднимать страну на «четвёртую мировую войну» (Н. Подгорец) против терроризма и «исламофашизма»...

На Ближний Восток неоконеры рвались давно. Ими в большой степени была инициирована уже война в Ираке 1991-го Буша-старшего, когда минобороны возглавлял Дик Чейни. Именно с этой войной идея «глобальной гегемонии США», заявленная «Концом истории» Фукуямы (1989), обретала плоть. Тогда же Буш-ст. провозглашает начало «Крестового похода за построение Нового мирового порядка».

Но что такое был «Новый мировой порядок» в сознании неоконеров? Не только «попыткой превратить Америку в мирового полицейского». Но и гораздо более — планами по тотальной зачистке мира от всех нелояльных режимов.

Однако отказ Буша реализовать полномасштабную наземную операцию и смести режим Хусейна сильно их разочаровал. С этого времени неоконеры с неослабевающим рвением рисовали все новые и новые планы глобальной войны. Прежде всего, на Ближнем Востоке. Но не только: продвижение НАТО на восток также осуществлялось усилиями преимущественно неоконеров...

В 1992 г. из офиса Пола Вулфовица (в администрации Буша-ст. он занимал пост замминистра обороны при Дике Чейни) произошла утечка замечательного документа, который журналисты сразу окрестили «меморандумом Вулфовица». Это была, по сути, программа превращения Америки в абсолютного военного гегемона. Она предусматривала военное доминирование США на всех континентах и нанесение превентивных ударов по всему миру при полном игнорировании международных институтов. Предупреждая каждого, кто попытался бы соперничать с США, что он «рискует навлечь на себя войну».

В воображении Вулфовица Америка представляла своего рода Мессией сил «абсолютного

добра», дающей себе полный карт-бланш на «искоренение зла» во всём мире. Понятно, что исходя из этого религиозного предиката (покоившегося на фундаменте абсолютного военного превосходства: военный бюджет США в те годы в 25 раз превосходил ближайших конкурентов) «абсолютное добро» могло позволить себе игнорировать любые международные институты и угрожать каждому, кто рискнёт сомневаться в его праве.

От экспертов не укрылся мессианский характер «программы Вулфовица». «Это какое-то трудно вообразимое сочетание утопических взглядов, присущих Вудро Вильсону и слегка закамуфлированные идеи «имперской политики» маршала фон Мольтке», — писал, например, проф. Бостонского университета Эндрю Басевич (Andrew Bacevich).

Хотя Буш-ст. и отрёкся от «меморандума Вулфовица», и о нём на время забыли, когда грянуло 11 сентября, вытасченный из-под спуда, он лёг в основу «Национальной стратегии безопасности», подписанной Бушем-мл. 21 сентября 2002 года. А спустя еще несколько лет Ближний Восток превратился в ту самую зону «перманентного хаоса» и «перманентной войны», о которой предупреждали эксперты...

НЕОКОНЫ ПРОТИВ «ИМПЕРИИ ЗЛА»

Кто же такие неоконы? Стремительное восхождение этой группы на олимп американской власти во времена Рейгана, и особенно Бушей, породило огромный интерес к феномену «неоконсерватизма» и немалый корпус исследований и материалов (трактовок, мифов

и фигур умолчания), в которых, как водится, проще запутаться, чем отыскать истину.

Прежде всего, комментаторам бросалась в глаза сплочённость и влияние этой группы, которую, ввиду её крайней малочисленности (сотня-другая голов на поверхности), трудно было назвать «движением». В то же время отсутствовала и партийная структура: не движение, не партия, скорее — закрытый клуб, неформальное объединение председателей всевозможных комитетов, редакторов газет, журналов, публицистов, политиков. Говоря обобщенно — интеллектуальных менеджеров, которых отличал крайний милитаризм и религиозно окрашенная риторика. Конечно, не ускользало от внимания еврейское происхождение большинства участников клуба и всемерная поддержка ими Израиля.

Само словечко «неоконсерватор» появилось в 1973 г. Так американский консерватор Майкл Харрингтон иронично назвал группу либеральных интеллектуалов, занявшую крайне нетипичную для евреев и либералов позицию: за холодную войну до победного конца, милитаристскую пропаганду в чисто манихейском духе и религиозную риторику «борьбы добра и зла». Группа (прежде всего, в лице своего вождя и идеолога Ирвинга Кристола) с удовольствием подхватила и приняла это имя.

В американский политический истеблишмент, уже окрещённая «неоконсерваторами», группа вошла в составе команды сенатора-демократа от штата Вашингтон Генри «Скупи» Джексона, крайнего ястреба и идеолога холодной войны.

В годы разрядки они развернут лихорадочную деятельность по реактивации холодной войны, резко выступив против политики Никсона — Форда.

В 1976 г. ими будет возрождён так называемый Комитет по существующей угрозе (Committee on Present Danger), с помощью которого им удастся собрать в кулак всех вашингтонских ястребов и переломить политику разрядки.

Другим их мощным оружием станет правозащитная тематика. Именно ими будет разработана «Поправка Джексона — Вэника» (Ричард Перл), увязывающая экономическое сотрудничество с СССР с иммиграцией советских евреев, поддержка советских диссидентов (Хельсинкская группа) и др.

Однако сенатор «Скупи» Джексон не оправдывает надежд: дважды приняв участие в президентских выборах — в 1972 и 1976 гг., — он

Главной стратегией неоконеров в войне с «империей зла» стало создание оппозиционного диссидентского движения в СССР и странах Варшавского блока: прежде всего — Хельсинкской группы, и поддержка «Солидарности» в Польше. «Мы взяли на зарплату горстку диссидентов, и страна рухнула», — будут хвастаться они позднее. Но дело, конечно, было не только в диссидентах, а, прежде всего, в глубоком проникновении в структуры власти СССР через его мощное либеральное (неотроцкистское) крыло.

оба раза потерпит неудачу. Когда же на волне культурной революции 60-х в демократической партии грянет «либеральная революция МакГоверна», неокконы по мосту «Комитета» переберутся в стан консерватора-республиканца Рональда Рейгана...

Они помогут прийти Рейгану к власти и займут в кабинете нового президента ключевые внешнеполитические посты.

Главной их задачей снова станет бескомпромиссная война с СССР. В это время, говорил позднее Ричард Перл, задача американской внешней политики состояла в удержании равновесия с СССР. Рональд же Рейган был первым, кто «предвидел конец Советского Союза». И неокконы искусно направляли его внешнеполитический курс. Именно они внушили ему идею представить СССР «империей зла». И придумали блеф «Программы ПРО». О чём позднее опять же скажет Р. Перл: «Программу «звёздные войны» многократно критиковали... за её якобы принципиальную неосуществимость. Но противник не мог знать

наверняка, и попытки ответных мер... окончательно подорвали советскую экономику».

Но главной стратегией неокконов в войне с «империей зла» стало создание оппозиционного диссидентского движения в СССР и странах Варшавского блока: прежде всего — Хельсинкской группы, и поддержка «Солидарности» в Польше. «Мы взяли на зарплату горстку диссидентов, и страна рухнула», — будут хвастаться они позднее. Но дело, конечно, было не только в диссидентах; а, прежде всего, в глубоком проникновении в структуры власти СССР через его мощное либеральное (неотроцкистское) крыло (о троцкистском происхождении самих неокконов мы ещё поговорим).

Тактика внутреннего подрыва («оранжевых революций») с этого времени станет основной их технологий в Восточной Европе. Такая тактика привела к полному успеху на Украине и в других советских республиках, Польше, странах Варшавского блока. До сих пор неоконсервативные структуры, такие как фонд NED (субсидируемый конгрессом, являющийся

фасадом ЦРУ, однако имеющий статус «независимого»), именно так организуют «цветные революции» по всему миру.

Но после крушения СССР перед неоконами встала новая стратегическая задача — тотальная война на Ближнем Востоке. Последнее всегда было важнейшим их приоритетом. С приходом в 1989 г. Буша-ст. в Белый дом в их руках (Чейни — Вулфовиц) оказывается разработка и реализация новой военной доктрины США.

Однако прежде всего победу США в холодной войне требовалось закрепить на идеологическом и даже на философском уровне. Тезисы о наступившем с концом соревнования идеологий «конце истории», а также и «исламо-фашистском море, внутри которого плавают террористы», были выработаны, по всей видимости, Кристофом и Вулфовицем. Озвучить же их было поручено молодому протеже Вулфовица Фрэнсису Фукуяме...

КОНЕЦ ИСТОРИИ НАЧИНАЕТСЯ

Идея «Конца истории» и последующего наступления миллениума (мессианского века) стала основой идеологии неоконков. Слова о «Конце истории» ворвались в ментальное пространство мира летом 1989 г., на самом сломе эпох. Перед самым крушением Берлинской стены — символа холодной войны и разделённого мира.

В статье Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?» провозглашался окончательный триумф западной идеи, объявлялось о конце философии, рисовались перспективы нового чудного мира. Наблюдаемое ныне, подытоживал автор, есть не просто «триумф Запада», но «финальная точка идеологической эволюции человечества». Иными словами, человечество ждёт «счастливый конец», как выразился один российский литератор.

Впрочем, триумфальное завершение истории и сам автор принимал не без ностальгии по «идеологической борьбе, требующей отваги, воображения и идеализма», и называл подобный конец скорее «печальным».

Статья Фукуямы, а затем книга «Конец Истории и последний человек», появившаяся на свет в 1992 г., стала главным мировым бестселлером кануна миллениума.

Однако не пройдет и двух лет, как торжественно провозглашённый Конец Истории заиграет новыми красками. Уже в 1991-м грянет война в Ираке, призванная показать миру, что гегемон собирается всерьёз защищать явленные им идеалы. А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, американский вождь, взобравшись на трибуну ООН, провозгласил начало нового «крестового похода» за построение «нового мирового порядка».

С 1991 по 1999 г. США совершат вторжения в Панаму, Сомали и Гаити; развернут войска в Саудовской Аравии; расширят НАТО до границ России; разбомбят Сербию и аннексируют Косово. К этому времени от радужных замков Фукуямы не останется и следа, а интерес будет представлять лишь последний вопрос, поставленный в конце его знаменитой статьи: не начнётся ли история снова?

И действительно, уже через год после публикации книги «Конец Истории и последний человек» в журнале *Foreign Affairs* выйдет статья, которая повторит «эффект Фукуямы» и задаст новый вектор политической мысли.

В статье (озаглавленной с тем же осторожным вопросом: «Столкновение цивилизаций?») профессор Сэмюэль Хантингтон (некогда преподававший Фукуяме политические науки) скажет: «С крахом коммунистической системы история отнюдь не кончается, но на смену борьбе идеологий модерна грядёт, возможно, столкновение мировых цивилизаций, в основе которых лежат самобытные религии».

Статья Хантингтона мгновенно вызовет новый дружный хор голосов, поддерживающих её пафос: Америка не может позволить себе, утратив бдительность, почивать на лаврах! А через несколько лет правоту Хантингтона впечатляюще докажет сама история. 11 сентября 2001 г. разделит мир на до и после События. На фоне которого будет громогласно произнесено имя нового главного врага человечества: «исламский фундаментализм» и «мировой терроризм»!

НЕОКОНЫ И МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Теперь, чтобы расставить все точки над *i*, нам придётся вникнуть в идеологию неоконеров более тщательно. Её, в сущности, определяют три человека, три примечательных личности: Лев Троцкий, Макс Шахтман и Лео Штраус. Отцом-основателем неоконсерватизма был Макс Шахтман — человек, стоявший у истоков Четвёртого интернационала, друг и помощник Льва Троцкого, один из тех людей, кто превратил США в центр мирового троцкизма.

Однако на рубеже 1939–1940 гг. мировоззрение Шахтмана и его друзей претерпевает кризис. Шахтмантинцы окончательно отворачиваются от СССР и разворачиваются в сторону американского истеблишмента. Не СССР, а США должны стать новым революционным гегемоном. И последующий захват мировой власти должен идти уже не под флагом СССР, а под флагом США. Таков был мировоззренческий переворот Шахтмана и его сподручного Ирвинга Кристола, будущего бессменного вождя неоконсерваторов. При широкой и последовательной поддержке ЦРУ группа Шахтмана пристаёт к кораблю Демократической партии. И в составе команды сенатора Джексона входит в политическую элиту.

Однако на этом пути идеология неоконеров претерпевает ещё одну важную метаморфозу, связанную с именем профессора чикагского университета Лео Штрауса. Лео Штраус был традиционалистом, консерватором и маккиавелистом. Подобно Маккиавели, он учил, что мир делится на два рода людей — правителей (избранных править) и прочие «молчаливые массы». Соответственно, существуют и два рода морали — одна для избранных, другая — для масс. Для правителей допустима любая ложь, поскольку она, в конечном счёте, идёт на благо управляемым (неспособным в силу своего невежества проникнуть в тонкости искусства управления). Штраус называл этот принцип «доктриной благородной лжи» (*noble lies*). Согласно *noble lies*, правящая элита не только может, но и обязана прибегать к прямому обману «плебейских масс».

Сам Штраус считал себя атеистом (по-видимому, и был им), однако признавал огромную роль религии в жизни и обществе. Штраус считал, что, прежде всего, религия жизненно необходима для управления массами. Ведь сознание людей управляется архетипами, самые мощные и действенные из которых — именно религиозные.

Александр Кожев, на которого ссылается Фукуяма в своей знаменитой статье как автора концепта «Конец истории», состоял с Лео Штраусом в длительной переписке. Наблюдая успехи идеологий коммунизма и фашизма, внушавшие ему страх, Штраус разделял пессимизм Кожева относительно будущего европейской цивилизации. Однако у него были собственные мысли по поводу «Конца Истории». Штраус вообще считал, что идеальной основой для цивилизации, способной успешно противостоять опасности как коммунизма, так и фашизма, может стать лишь традиция иудаизма. Будучи атеистом, Штраус был одновременно и большим приверженцем учения Маймонида, средневекового философа и учёного-богослова XII века, остающегося самым авторитетным в иудаизме комментатором мессианских текстов до сего дня.

Для самого Маймонида иудаизм был не только религией, но и общественно-политической программой, целью которой становилось открытие мессианского века. Причём, в отличие от ветхозаветных пророков, Маймонид до крайности рационализировал образ мессии, лишая его всякого мистического ореола. В его учении грядущий «освободитель Израиля» оказывался политическим вождём, достигающим вершин власти чисто политическим путём. Что же до пророчеств священных книг, то в трактовке Маймонида они оказывались скорее неким метафизическим планом действий. Успех в «захвате царства власти» ждёт того, кто сможет правильно использовать и направлять религиозные представления масс. А что может быть лучшей в этом смысле программой действий, как не исполнение библейских пророчеств? Именно формирование группы «избранных», которым предстоит захватить власть в «самой сильной стране мира», распространить её впоследствии на весь мир, — было положено Штраусом в основание его политической школы. Этой группой и стали будущие неокконы.

В сущности, исповедуемую Штраусом идеологию вполне можно назвать программой всё той же «мировой революции», правда, уже не в коммунистическом, а скорее в религиозно-консервативном духе. Понятно, почему учение Штрауса оказалось столь близко бывшим романтикам-троцкистам! Не могли они не проникнуться и легендарным образом Рамбама, который во время войн с крестоносцами служил советником при султани

Салладине здесь же, в Сирийской пустыне... Они, вероятно, и сами видели себя таким «коллективным Маймонидом», даже, пожалуй, «коллективным Мессией», который взойдёт к мировой власти в войне с «крестоносцами», правда, на плечах не Салладина уже, а армады американской армии.

Теперь нам становятся более понятными пафос и поведение неокконов в дни, предшествующие «трансформирующему событию» — 9.11 и последующие за ним: образ госсекретаря Колина Пауэлла, потрясающего пробиркой с порошком, изображающим штаммы сибирской язвы, якобы найденные у Саддама... Или авторитетные заявления Джона Керри: «Согласно докладу ЦРУ, все американские эксперты по разведке согласны с тем, что Ирак пытается получить ядерное оружие...»

Подобной информацией снабжало американские власти созданное Вулфовицем «Управление специальных планов» Абрама Шульски, ещё одного прилежного ученика Лео Штрауса.

В декабре 2001 г. Дик Чейни невозмутимо лгал в прямом эфире ТВ (имея на руках противоположную информацию) о связи террористов, направивших самолёт на ВТЦ, с иракской разведкой. Тогда же Чейни и Майкл Ледин (написавший книгу о «разветвлённой мировой террористической сети», высосанной из пальца от начала до конца) подготовили и вбросили дезинформацию о ядерной программе Ирака.

Дезинформация об ОМП в Ираке была буквально вколочена в голову обывателя ударами молотов ведущих американских СМИ. Вся страна была уверена, что Хусейн готовит чудовищное вторжение в США. Столь беспрецедентное единение «партии и народа» не оставляло Бушу выбора.

Очевидно, что «Аль-Каида», со времени её рекрутирования и вооружения в целях борьбы с группой советских войск в Афганистане, никогда не была чем-то большим, нежели рыхлым конгломератом разрозненных бандформирований, зачастую враждующих между собой и никогда не имевших ни единого политического, ни «мозгового» центра, ни финансирования, достаточных для проведения столь грандиозной операции, как «9.11». Террористической организации такого масштаба в мире вообще не существует. Столь масштабную операцию под силу осуществить счита-

ному числу серьёзных спецслужб, включая МИ-6, ЦРУ и «Моссад»...

Кстати, сама дата 11 сентября во многом символична. В этот самый день, 11 сентября 1941 года, знаменитый пилот Чарльз Линдберг, выступая на митинге America First Committee (мощной всенародной силы, противящейся втягиванию Америки в войну), наговорил лишнего касаясь сил, стоящих за этой войной. Невероятный шум, поднявшийся в прессе, заставил руководство отмежеваться от высказываний Линдберга. А последующая дезорганизация и раскол Комитета развязали Рузвельту руки. Теперь ему оставалось лишь организовать свою провокацию «Пёрл-Харбора XX века»... Жизни тысяч американских моряков были положены на алтарь готовящейся кликой банкиров, стоящих за Рузвельтом, войны. Не то же ли самое происходило 11 сентября 2001 года? Выбор даты провокации как бы красноречиво говорил: даже если вы всё понимаете, вы должны понимать и то, что язык лучше держать за зубами.

Так и происходит все эти 20 лет. Что и понятно. Любое сомнение в официальной версии способно торпедировать доверие американской власти, следовательно — пустить страну на дно. И вот со времени 11 сентября Америка представляет собой корабль, начинённый взрывчаткой. В трюмах которого в качестве заложников находится всё население страны.

Считается, что после иракского краха неокконы ушли из реальной власти и почти не подают признаков жизни. На самом деле они никуда не делись. Они стали закваской современной американской (шире — глобалистской) политики, которая всходит у нас на глазах ядовитыми грибами пандемической истерии и локдаунов — новой версии «четвёртой мировой». Многое осталось за рамками нашей работы, например, роль неокконов в формировании ИГИЛ¹ с её чисто апокалиптической идеологией. Последние же события в Афганистане дают основания полагать, что новый выход этой международной шайки на мировую арену не за горами.

¹ Запрещенная в РФ организация.

/ Максим КАЛАШНИКОВ /

Окно в будущее

(Продолжение. Начало в № 5–9)

Часть 9.
СВЕРХЧЕЛОВЕК
ПРОТИВ ТРАНСЛЮДЕЙ
Русская альтернатива чужому
безумию. Смысл «русского
полюса»

Выход в свет коллективной книги Изборского клуба «Трансгуманизм. Цифровой Левиафан и Голем-цивилизация»¹ стал событием русской интеллектуальной жизни. И сразу же встаёт вопрос: а каким будет ответ Русской цивилизации — возможного Ковчега — на сей вызов.

В Москве любят поговорить о многополюсном мире. Тем более важно показать смысл нашего «полюса».

Трансгуманизм как фактор
крушения Запада

Итак, авторы указанной книги, проведя уникальную работу, прекрасно показали, что трансгуманизм в его нынешнем виде есть античеловеческая чертовщина в духе древнего гностицизма. Стремление покончить с человеком и сделать его набором алгоритмов да компьютерных биомеханических протезов, придатком социальных платформ и огромного ИИ означает неужественное вмешательство в далеко не познанную природу хомо сапиенс, неотвратимый раскол общества и настоящую катастрофу. Эклектичная дикая смесь трансгуманизма полна внутренних противоречий. Например, агрессивного феминизма, что борется с научно-рациональным, логическим мышлением как с «засильем мужского шовинизма». Но, чёрт возьми, именно это мышление и породило современную науку, весь мир теперешних технологий, выведя нас из смрада и застоя Средневековья! Со времён первых естествоиспытателей, Ньютона, Гука, Лебница, заложивших основу для научно-технической революции, мы обязаны нашим взлётом именно рациональному, критическому, экспериментальному, пытливному уму.

Можно сказать, что трансгуманизм сам же подрывает основу собственного существования, выступая как дремучая архаика, прикрывшаяся маской технологической сверхфутуристичности. Эта квазирелигия (а иначе его назвать трудно) сама уничтожит саму способность бывшего Первого мира не то чтобы добиваться эпохальных научно-технических прорывов, а даже просто поддерживать достигнутый на сегодня уровень развития. В самом деле, если Великобритания, например, превратится в исламскую страну, то кто будет делать великолепные авиадвигатели «Роллс-Ройс», так необходимые гражданской авиации всего Запада? Допустить, что на такое способны выходцы из пакистанских или африканских деревень, весьма трудно.

Очень точно подмечено в книге: если вживить в современного постиндустриального деграданта (мозаичное мышление, хаос в картине мира, алогичность, инфантилизм, цифровое слабоумие, скверное образование) электронные устройства и напрямую связать с интернет-универсумом, то ничего хорошего не выйдет. Интеллектуальный уровень нынешнего западника сильно просел. Его невозможно сравнить с ярчайшими и многогранными личностями эпохи Возрождения (Микеланджело, да Винчи или Брунеллески) или с теми же титанами Нового времени, основоположниками современной экспериментальной науки — гениями XVII–XVIII веков. То же самое можно сказать и о сравнении теперешних «частичных людей» лёгких душонок и помыслов с великими учёными и конструкторами первой половины XX века. С теми, кто начинал создавать и поднимать в воздух буквально хилые этажерки — а заканчивал разработкой сверхзвуковых «стрел» и космических кораблей (Туполев, Хейнкель, Яковлев, Ильюшин, Мессершмитт, Лозин-Лозинский). На их фоне и «гуру

Курцвейль» — просто эстрадный актёр разговорного жанра.

У нас есть все основания полагать, что онный трансгуманизм выступит фактором крушения позднезападной цивилизации и превращения её в груды обломков. У мнения Сергея Переслегина насчёт того, что Курцвейлева сингулярность не наступит, а вместо нее мир ждёт катастрофического обрушения некогда передовой западной цивилизации, имеет крайне серьезные основания.

Самоуспокоение недопустимо!

Но сие — не повод для русского самоуспокоения. Нельзя просто пресечь трансгуманистические опыты на своей территории и ничего не делать. Прежде всего, потому, что нужно допустить и другое: часть трансгуманизма в ходе практических действий (прежде всего, хозяев США) облетит, словно шелуха, оставив истинное ядро. Что в нём может содержаться?

Первое — совершенствование самой верхушки западного мира, причём не глупое, а именно с целью достижения активного долголетия и усиления своих когнитивных способностей, обретения «магических» качеств. По сути, это — новый вариант гитлеровской «расы господ», что обретают огромное преимущество не только над подвластными, но и по сравнению с господствующими кругами прочих стран и цивилизаций. Здесь речь пойдёт явно не о бреде в виде загрузки своего сознания в нейросети и не о создании карикатурного киборга, чья личность необратимо уродуется и упрощается до набора алгоритмов. И уж, тем паче, сильные мира сего явно не стремятся стать придатками Супермозга — искусственного интеллекта.

Второе: будет формироваться кастовое общество, с полным контролем правителей над массами. Каковые и станут объектом приращения самых разнообразных

¹ Виталий Аверьянов, Игорь Шнуренко, Михаил Делягин и др. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация / сост. В.В. Аверьянов — М.: Книжный мир, 2021

технологий социального контроля. С утратой низшими классами всякой способности к самостоятельным рассуждениям и действиям. По сути, на новом уровне будут созданы этикие храмовые царства шумерского Междуречья. В ход пойдут и чипизация людей, и полное закрепощение их с помощью социальных сетей, механизма «социального кредита» и «умного города».

Третье: мы должны допустить работу по созданию специализированных «пород» людей — работников, воинов, слуг, развлекающих и доставляющих «элите» наслаждения. А здесь — аналогия уже с муравейником, где каждая особь имеет своё функциональное назначение.

Четвёртое: есть ещё и «чёрный ящик» — Китай. Там явно возводится свой вариант нового кастового социума. Вполне вероятно, с китайским же вариантом «расы господ».

Нам могут возразить, что и такая модель (модели) способна привести к краху ядра капиталистической системы, к жесточайшему системному кризису в Соединённых Штатах и Европе. Но и это не может стать поводом для «духоскрепного» лежания на печи в ожидании якобы гарантированных развала Запада и автоматической победы Москвы. Ибо у хозяев Запада может и получиться. Особенно если будут применены способы вымаривания лишнего населения в Африке, Азии и на наших просторах. Или если хозяева Запада всё-таки смогут снизить удельную потребность экономики в нефти и газе.

Введём сюда ещё один крайне малопривлекательный для нас фактор. То, что «элита» РФ относится к своим подвластным как раз в гностическом духе, рассматривая себя как пуп Земли и породу избранных, а низы — как пыль под ногами, коими можно манипулировать с помощью самых циничных приёмов. А то и просто давить силой. А это, надо признать, несёт в себе угрозу того, что бомонд РФ примет западный трансгуманизм с распостёртыми объятиями, углядев в нём исполнение своих самых заветных чаяний. Во вся-

ком случае, кто в РФ выступает глашатаями и гуру «элитной» футурологии? Греф и Чубайс, всего лишь повторяющие западные клише и концепции. Ничего самостоятельного в них нет. Они — в чистом виде агенты влияния чужеземных новогностиков, в том числе — и Римского клуба. Или взять любимое детище мэра Москвы Сергея Собянина. Его программу «Умный город», делающую москвича почти полной марионеткой системы. Кто её создавал? Исключительно западные эксперты и футурологи. Столичный мегаполис РФ — такой удобный полигон для натурных экспериментов, не правда ли? А это признание верхов РФ в том, что Искусственный Интеллект, а не передовое общество и новый человек — ключ к власти над миром? Тут и без комментариев всё ясно.

Крайняя интеллектуальная несамоостоятельность наших верхов (неспособность породить свой проект Будущего), их патологическое неверие в национальные творческие силы и буквально подсознательное преклонение перед всем западным, удивительно сочетающееся со святой уверенностью в собственном величии, — смесь крайне опасная.

Такую «аристократию» западные дирижёры трансгуманизма действительно могут подчинить себе, «освоив» нашу страну — а потом покончив с нынешней «элитой». Как говорится, проведут богатых простаков как на мякине...

Имеется и ещё одно обстоятельство не в нашу пользу. Русский космизм покуда не стал полноценной альтернативой беснующемуся трансгуманизму. В силу разных причин. Например, наш космизм действительно жил под спудом господствующей идеологии марксизма-ленинизма и потому не может дать внятные ответы на вызовы трансгуманизма. С точки зрения большинства живущих в стране основоположники космизма, Циолковский и Фёдоров слишком архаичны. Идея Фёдорова о наделении человека способностью трансформировать своё тело и ткани без всякой техники, конечно, при-

влекательна, но не слишком реальна без вмешательства в геном самого человека. Конечно же, есть примеры того, как подвижники добивались невиданных способностей, раскрывая заложенные в человека сверхспособности, причём как на Востоке (условный Шаолинь), так и у нас, в лице и отшельников, и экстрасенсов. Но всё это требует долгих лет упорного труда (самосовершенствования), подчас с уходом от мира. Или же на кучку таких необычных людей должны работать тысячи обычных, как крестьяне и ремесленники вокруг монастырей.

На сём фоне «аппаратный» метод западного трансгуманизма представляется намного более доступным и привлекательным.

Против Циолковского играют и архаичность его космических представлений, и не очень привлекательный образ перенаселённой Земли.

Значит, придётся активно обновлять и продолжать философию русского космизма. И мы просто обязаны составить хотя бы набросок настоящей русской альтернативы трансгуманистическому мраку. Как это назвать? Пожалуй — «Сверхчеловек против транслюдей».

Начало великого движения

С чего начинать?

Пожалуй, чужестранной новогностической чертовщине не может возникнуть внятной альтернативы, не соблюди мы в РФ нескольких базовых условий. Не создай мы благоприятный климат для жизнеспособной альтернативы. Это, знаете ли, как в студёную зиму нужно отапливать дом, как минимум заткнув щели и вставив новые оконные стёкла замен выбитых — чтобы горячий воздух не утекал в пространство.

Во-первых, страну нужно вновь индустриализовать, применив для сего самый разумный протекционизм и создание проектного государства со смешанной экономикой. Иначе не сохранить той самой питательной среды для науки и образования, каковые отчаянно, критически важны для нашей Победы.

Иначе не создаётся спрос на новые знания, технологии и золотые кадры. Ощетинившаяся ракетами сырьевая («энергетическая») «сверхдержава», защищающая территорию угасания и вырождения, в сём смысле совершенно беспомощна.

Сама по себе задача новой индустриализации — сложносоставная, как матрёшка, требующая решительного очищения страны от скверны: коррупции, мародёрства верхов, засилья бюрократической косной системы и прочая.

Во-вторых, необходим живой, всё время обогащаемый красочный Образ Будущего, а не беспомощный «патриотизм». Это та задача, что стоит, прежде всего, перед Академией Русской мечты.

В-третьих, русские должны переломить тенденцию к собственному вымиранию и старению, добившись демографического роста. Более того, показав пример не оглупления и угасания своего народа, а сохранения в нём жизненной силы, интеллектуального роста, роста пассионарности. Так, чтобы двинуться в противоположную сторону от западного мэйн-

стрима: дебилизации и упрощения основной массы населения.

Всё прочее органически ложится на такую почву/фундамент.

Самоделкин против тёмной богини

Например, лишь в таком случае можно использовать явные слабости и просто сумасшествие палладинов трансгуманизма. Ах, они намерены дать бой рациональному, научному, логическому мышлению? Чтобы над миром возникла Тёмная Богиня? Ну-ну. Женские божества отнюдь не всегда добры и полны любви, история полна примеров кровавых, изуверских женских культов. То, что дамы не любят техники и какому-нибудь механическому орудию убийства предпочитают яд, дела не меняет. Итак, интуиция и мистические озарения, эмоции и сильные чувства должны не дополнять рациональное мышление, а полностью его заменить? Так сказать — Вагина против Самоделкина? В добрый путь, так вы скорее разрушите собственную техноквилизацию и расчистите путь нам.

Мы же, проведя новую, прорывную индустриализацию, спасём наши науку и образование. А значит, сохраним ту самую «мужскую» и «шовинистическую» способность открывать новые знания, строить на их основе прорывные технологии и конструировать самые волшебные машины и устройства. В самом деле, разве прекрасные нейлоновые чулки и косметика для дам — не последствия развития тех самых растреклятых «мужских» технологий?

Хорошо, будет вам русский Самоделкин против трансгуманистической Вагины. (Прошу понять правильно, женщин мы очень любим.)

Вы намерены превращать людей в полукиборгов, в существ с пограничной психикой, низведённых до положения примитивных и слабоумных придатков социальных платформ, да ещё и с непонятной половой идентичностью? В рабов Алгоритма? В существ, полностью лишённых какой-либо свободы воли? Скатертью дорога, как говорится.

Мы же создаём сильных, умных, уверенных в себе Людей, наделённых и мужеством, и творчеством.

Обитателей наших футурополисов. Тех, которые при этом любят женщин и производят на свет здоровое и сильное потомство. Обитателей наших футурополисов с их Нейромиром — динамичным народовластием (социогуманзмом по Игорю Гундарову). Крепкие телом и духом, футурополиты с помощью развитого нейросамостоятельного становятся полноценным коллективным разумом, кончая с коррупцией и бюрократией. И они становятся той самой жизнеспособной альтернативой «овощам» из «умных городов», коим каждый шаг диктует огромный Искусственный Интеллект — куда свернуть на прогулке, когда пойти к врачу, как вести автомобиль (если ещё сохраняются машины с ручным управлением). Овощ должен летать над городом в беспилотнике. И даже как голосовать ему подскажут.

Вместо этого мы создаём племя действительно сильных, способных отвечать за себя и других повелителей пространства и времени. Волевых творцов с отличным интеллектом. И даже массовая авиатизация футурополисов решает задачу не только новой транспорт-

ной связности страны и не одного лишь будущего для русского самолётостроения. Берите выше! Нация летунов — это народ действительно окрылённый, с особым взглядом на мир. Люди отваги и доблести, нонконформисты, романтики и пассионарности. С космическим охватом мышления, со вселенским взглядом на родную страну. Бесполое примитивные овощи с двух ног станут лёгкой добычей для народа лётчиков! Крылатое племя — мечтательное и деятельное — одно только и может подхватить знамя человечества и поведи его к звёздам, создав новый мировой порядок.

Аморфные и безвольные придатки к соцсетям останутся на земле. В тесноте вымирают мегаполисы. Как существо, что так и осталось на уровне младенца — в памперсе и своих нечистотах. Побьюсь об заклад, но такая же участь ожидает и китайцев с их системой социального кредита. Ведь не мнение сограждан, а некие безликие силы в КНР определяют репутацию и статус человека. Потому они сформируют послушное конформистское стадо, а мы — народ непокорных, само-

стоятельных творцов. Ещё страшнее, если рейтинги и баллы людям начнут определять частные структуры. В своей же модели мы сие полностью отрицаем. В самоуправлении и становится ясен истинный статус каждого. Особенно если это — самоуправление людей летающих.

Сохранив сложную промышленность, науку и образование высокого уровня, опираясь на первостатейный человеческий потенциал, Русская цивилизация-Ковчег обретёт множество полезных качеств. Например, способность к нетривиальному решению проблем и созданию альтернативного научно-технического развития. То есть русские смогут опережать время и создавать новую технику на иных принципах, обходясь миллионами там, где наши соперники тратят миллиарды. (Мы уже приводили пример архидорогих аэромобилей с вертикальными взлётом-посадкой, разрабатываемых на Западе, — и дешёвой альтернативы в виде русского автожира-винтолёта.) Всё это — огромное преимущество в борьбе за грядущее и возможность, наконец, использовать национальную особенность русских гениев на десятки лет опережать своё время.

Прорывающий реальный сектор, наука и образование, способность делать науку реально огромной производительной силой — без всяких «забытых» направлений в НТР! — это ключ к активной демографической политике. К способности футуристически проектного государства обеспечить принцип «Трое детей в каждой семье». К возможности растить таких чад в прекрасной отрасли «человекостроения». Спасая себя от вырождения и угасания, сохраняя высокую пассионарность и создавая подлинную элиту, мы одновременно сможем и омолодиться, покончив с унылой тенденцией на старение и вымирание.

Кузница лучших и архетип воинов

Более чем уверен, что полная цивилизация Империи-Ковчега не обойдётся без принципа инициации людей в полноправных гражданах. То есть, дабы обрести полноценный статус, должны проходить с детства воспитание в специальных школах, закаляя свои душу, ум и тело, преодолевая трудности, подвергаясь испытаниям-инициациям. Напомню, что у столь разных визионёров-фантастов, как Роберт Хайнлайн («Звёздный десант») и Иван Ефремов («Туманность Андромеды»), мы видим институт посвящения в полноправные члены общества. Если у первого это — добровольная служба в армии, то у второго — «12 подвигов» (по аналогии с Гераклом).

Такой принцип обеспечит нам очень волевые поколения. Во-первых, в специальных школах дети получат доступ в интернет лишь с 14 лет, до того научившись читать, запоминать, самостоятельно фантазировать и мыслить. Это уже создаст им мозг с обилием нейронных связей к моменту, когда они выйдут в большой интернет-мир и смогут использовать информационные технологии так, как и мечталось когда-то. Для развития человеческих способностей, а не для деградации нашего вида в цифровых слабоумных.

Во-вторых, мы используем здоровую милитаризацию — вековечный архетип русского воинского, обобщённого сознания. Итак, мы не просто развиваемся, мы сражаемся со страшной чумой трансгуманизма, надвигающейся на род людской. А крепкие военные возможности нам и в деле объединения русских земель сгодятся.

Нам не стоит стесняться того, что в ход пойдёт и позитивная евгеника — поощрение союзов между самыми умными, творческими и энергичными мужчинами и женщинами. Причём именно наши футурополисы, сложные научно-промышленные предприятия, университетские городки, технопарки и секции по интересам, превратятся в евгенические очаги. Такая евгеника просто необходима, особенно после чудовищных демографических потерь нашего народа, когда мы потеряли самых благородных, смелых, не боящихся идти против толпы и самостоятельное разумение иметь. Ведь в Великую Отечественную погибали, прежде всего, те, кто не стремился в тылу отсидеться. Но оной теме мы посвятим отдельную работу.

Сотворив такую цивилизацию, русские становятся представителями хомо сапиенс высшего разряда. И могут породить могильщиков трансгуманизма — сверхлюдей.

Русский извод сверхчеловека

Ну а теперь попробуем определить облик возможного русского сверхчеловека.

Итак, нам не нужно уничтожать человеческое, превращая технические протезы в главное. Нет, наше вмешательство в тело человека не меняет его психики. Оно скорее подобно процессу надевания экзоскелета, что удешевляет силу обычного хомо сапиенс. Мы используем средства стимуляции активности центральной нервной системы и всё, что может укреплять наше здоровье, активное долголетие. По желанию можем создавать и человеко-машинные группы для решения проблем.

Мы можем — когда пожелаем — прибегать и к выходу в Сеть. Но именно когда сочтём сие нужным. Но всё это мы отлично совмещаем с методиками, позволяющими максимально использовать возможности своего организма. Сюда органично ложится и выращивание запасных органов из твоих же стволовых клеток, и прочие передовые биомедицинские технологии, и технологии обострения интеллекта.

Уверен, что должна подвергнуться испытанию концепция двужизния. Нужно попробовать на добровольцах, чья физическая жизнь подходит к концу или же смертельная болезнь грозит им, пересадку мозга в искусственное тело. То есть необходимо проверить, какую личность мы получим в итоге. Ибо в случае успеха люди, побывав в ипостаси обычного сапиенс (познав радости и горести становления, труда и творчества, любви, родительства), получат шанс вторую половину своего пути (а мозг способен жить гораздо дольше нашей брэнной плоти) пройти как человек нового типа. Продолжив, скажем, свою работу, научные исследования, космические полёты и т.д.

Мы не можем сейчас с уверенностью судить, насколько успешна может быть такая практика и способен ли мозг вмещать в себя личность. Для этого нужны серьёзные междисциплинарные и реальные исследования. Но если они окажутся успешными, то наша цивилизация обретёт весомый ответ на трансгуманистическую «гностику».

Думается, в Империи-Ковчега появятся и свои «шаолини», где люди поведут вторую — биологически эволюционную — линию создания сверхлюдей. Именно за счёт полного раскрытия своих естественных способностей.

Именно русским удастся создать и Кодекс человечности, и систему права для взаимоотношений между сверхлюдьми разных типов и обычными сапиенсами. И — главное — привить этику высокой гуманности для сверхлюдей, что предот-

вратит появление злых, глядящих на человека кроманьонского типа как на низших существ. (Этика ответственности сильного и доброго.) Считаю, что христианские идеалы вполне совместимы со следующей стадией эволюции человека. Наша цель — сделать людьми следующей ступени эволюции весь наш народ. Всех представителей Русской цивилизации. Для того, замечу, и нужны процедуры инициации, создающие очень ответственных граждан. Как, впрочем, и идея русской великой борьбы с мировым Злом.

Получить преимущество изначально!

Высший пилотаж национального мегапроекта «Русский сверхчеловек» — получить колоссальное преимущество перед всеми прочими буквально с самого начала. И речь не о банальном «бабле». Берите выше! Прежде всего, необходимо покончить с вековым проклятием России: когда её самые сильные умы способны опережать век свой в разработках да изобретениях, но собственная страна их не принимает, выталкивает за границу, а то и просто погребает под каменным монстром бюрократии. Увы, всё это свойственно и царской, и советской, и постсоветской России.

Давайте возьмём пример Якова Модестовича Гаккеля (1874–1945 гг.). Выдающийся русский и затем и советский инженер, увлекшийся авиацией, он в 1912-м построил и представил на конкурс аэроплан «Гаккель IX». Первый в мире моноплан с обтекаемым аэродинамическим корпусом. Здесь он опередил время на двадцать лет. Скоростные монопланы начнут строить лишь в начале 1930-х (Хейнкель в Германии, Бартини в СССР). Но верхушка Российской империи так и не уразумела, какое преимущество получает. Поддержки Гаккель не нашел. В России тех времён предпочли копировать западные громоздкие бипланы или закупать их. Не помогло даже существование рынка и частного промышленного капитала.

Отсчитаем более чем полвека. Уже социализм, причём с претензией на футуристичность и планами превзойти Запад по производительности труда и новаторству. Итак, русский советский инженер-изобретатель Леонид Иванович Куприянович (1929–1994 гг.). В 1959–1961 годах он создаёт первые в мире образцы мобильных телефонов, доведя их вес до семидесяти граммов. Показывает в расчётах: всего 10 базовых станций могут покрыть всю Москву, обеспечивая связь не только с сотовыми аппаратами, но и с обычными городскими телефонами. Казалось бы, решается жгучая проблема страны: можно в кратчайшие сроки снабдить телефонной связью всех. Не тратя огромные объёмы кабелей, использующих дорогую и дефицитную медь, сэкономяв десятилетия и миллиарды рублей. Одним махом опередив весь мир и создав (как мы теперь знаем) не просто инновационный товар для экспансии на мировых рынках, но и поистине товар-вселенную.

Но советское руководство не смогло этого осознать. Сорвался даже план пилотной телефонизации техникой Куприяновича одного из микрорайонов Москвы. Нет, начальство предпочло переть по накатанной — копать тысячи километров траншей, класть медножильные кабели, строить громоздкие АТС. Мол, радиотелефоны по триста рублей за штуку — это слишком дорого для советского гражданина. Глупость несусветная! Люди были готовы платить намного больше, чтобы им провели проводную связь, стояли за ней в очереди долгими годами. А потом, кстати, в СССР охотно платили те же три сотни за стереомагнитофоны.

А потом то же руководство с визгом приветствовало западную мобильную связь. Почти тридцать лет спустя.

При желании можно продолжить печальный список подобных примеров. Для конца 1980-х он особенно велик: ни поздние вожди СССР, ни бонзы «независимой» беловежской России даже не попытались

отыскать, отобрать и реализовать запас прорывных разработок или изобретений отечественных гениев. Но изобретения и прорывы, просто похороненные в бюрократической пыли, — еще полбеды. Ведь иногда наши гении попросту уничтожались. Причём своими же. Страшный пример тому — участь Александра Леонидовича Чижевского (1897–1964 гг.). Создатель не только гелиобиологии и философ-космист, но и разработчик ионных технологий (повышение продуктивности в птице- и животноводстве, лечение туберкулеза у людей), он, несмотря на поддержку правительства СССР, оказался буквально уничтожен, втопан в грязь и познал участь лагерника. (Кстати, во время шельмования ему ставили в вину статьи о возможных полётах в космос и дружбу с Циолковским.)

После расправы над проектом Александра Чижевского пролетит ровно полвека — и в Батарейной тюрьме Таллина 5 сентября 1985 года скончается выдающийся изобретатель эстонец Йоханес Александрович Хинт. Человек, подаривший миру новый строительный материал, причём очень дешёвый — силикальцит. И Хинт окажется уничтоженным завистливой серостью, работавшей рука об руку со старыми монополистами. А изобрёл он революционный строительный материал из песка да извести — силкальцит. Полезен он был тем, что заменял собою очень дорогие, энергоёмкие цемент и, естественно, бетон. Хинт применял метод очень мелкого размол материалов на своих роторных мельницах с ударными «пальцами» — дезинтеграторах. После войны изобретатель трудился на небольшом заводе по производству силикатного кирпича. СССР лежал в руинах, надо было быстро и с наименьшими затратами поднимать страну. Как создать технологию быстрого и дешёвого строительства, используя буквально «подножные» материалы? Проводя в 1948 году опыты по измельчению смеси для кирпичей в дезинтеграторе (мельнице с роторами), Хинт

столкнулся с необъяснимым эффектом — прочность кирпича немного увеличилась.

Свои чудо-мельницы (с роторами, крутившимися навстречу друг другу) Хинт назвал дезинтеграторами. За ним к концу жизни будет 62 зарегистрированных в Советском Союзе изобретения и 28 иностранных патентов. В 1961 году Йоханес Александрович создаёт Технологический институт силикальцита, до 1966-го работая его директором. В 1974-м он — основатель хозрасчётного, работающего уже на рыночных началах предприятия: СКТБ «Дезинтегратор» (SKTB Desintegraator). Именно «Дезинтегратор» с австрийской фирмой Simmering-Graz-Paucker в 1977 году основали международную компанию Dessim. Механохимик Хинт удостоился Ленинской премии в 1962 году, в 1963-м — стал доктором технических наук. По всей стране открывались заводы с его силикальцитной технологией.

С самого начала он столкнулся с «цементно-бетонной мафией». С теми, кто совсем не желал списания в архив старых технологий. Она начала обвинять его в шарлатанстве.

Финал борьбы Хинта с силами косности и зависти наступил в 1981-м. Враги подвели его под уголовную статью. Он якобы превысил свои полномочия, возглавляя СКТБ «Дезинтегратор». Мол, воровал он и взятки давал.

Оно и немудрено: своими теоретической работой, впечатляющими практическими результатами в деле получения дешёвого и прочного строительного материала без использования цемента Йоханес Хинт вступил в открытую борьбу с маститыми учёными из Академии строительства и архитектуры СССР, со специалистами Комитета по делам строительства СССР. Они-то и выступали ярыми противниками силикальцита и всего, что с ним связано. Отца потенциальной революции в строительном деле отдали под суд. 13 ноября 1981 г. Йоханнес Хинта арестовали. На суде в 1983 г. он был признан виновным в превышении должностных полномочий и приговорён к тюремному заключению на 15 лет. К самому большому сроку, наравне с убийцами и насильниками. Полученные Хинтом за изобретение силикальцита

Ленинская премия (1962 г.), премия Эстонской ССР (1949 г.) и степень доктора технических наук (1963 г.) были аннулированы Верховным Советом СССР в 1984-м.

Что может дать проект «Русский сверхчеловек» в самом оперативном плане? Острый ум новых представителей рода людского, создающих новую цивилизацию и жадных до всего, что может решить проблемы с наименьшими затратами сил и средств. Новая индустриализация плюс самоуправление в футурополисах тоже породят неутолимую жажду на прорывные технологии подобного рода. Создание «комбайна» из государственных центров финансирования прорывных проектов и частных производственных компаний обеспечит скорейшую коммерциализацию и доводку гениальных находок. И тогда буквально вселенский мегапроект с самого начала начнёт дарить новой России огромную силу, богатство, влияние...

Но до воплощения таких набросков — дистанция поистине огромного размера. Возьмём ту же сеть «челове-

костроения», россыпь специальных школ воспитания и образования полноправных. Могу представить их в СССР 1930-х, знаю их аналоги (хотя и с чуждой нам человеко-навистической идеологией) в Германии тех же лет. Но в нынешней РФ? Пока это в корне противоречит имеющейся системе. Даже сама постановка цели на государственном уровне — создание сверхчеловека — в теперешней РФ просто немыслима. Пока что даже порочный социально-экономический курс не сменён, даже само слово «индустриализация» не произносится на самом высоком уровне. И если трансгуманизм — порождение неолиберализма с его страстью в виде Вашингтонского консенсуса и глобализацией с полной свободой торговли (никакого протекционизма!), то Москва не отказалась от принципа «встраивания в глобальные кооперационные цепочки».

Побороть всё это и пойти на немыслимое — адски тяжело.

Но без всего этого у нас просто нет будущего!

Часть 10.

НОЧЬЮ НАД КОДЫМОЙ
Авиатор, еще не отойдя от выплесков адреналина в кровь, стянул с себя лётный шлем. Расстегнул и сбросил комбинезон на походную кровать в модульном домике. Напряг мышцы до хруста в суставах. Потом потрогал микросхему, умело — заподлицо — врезанную в макушку бритого наголо черепа. Сощурился от лучей встающего солнца, бивших в окно модульного домика
Первый бой в его новом качестве...

Последние конвульсии

Те самоходки ВСУ, что пробовали вернуться к северу от реки Кодымы, как бы отсекающей север Одесской области от Западной Украины, долго не прожили. Киев, уже отчаявшись восстановить контроль над черноморским побережьем, теперь был способен лишь на редкие укусы. После того как в Донбассе прогремела

операция «Электрический пёс», большинство ВСУ перестали существовать как какая-то значимая сила.

...Авиатор возвращался к пережитой сегодня боевой горячке.

Вспышка света. Время превращается во что-то подобное тягучей струе стекающего меда. Мысли и чувства стремительно разворачиваются, разделяются на несколько потоков. Они струятся параллельно, иногда пересекаясь.

Вот они, враги. Коробочки бандеровских самоходных орудий. Целый дивизион установок типа «Мста-С». Ого! Не пожалели! Авиатор, сидя в кабине большого винтолёта — командного пункта, видел их как восемнадцать причудливых существ, похожих на смешных слоников с огромными угловатыми головами и длинными тонкими хоботками стволов. Хотя глаз у Авиатора было очень много, как у сказочного существа. Одну картинку давали два беспилотных самолёта «Сириус» с «шапками» радаров над фюзеляжами. Свои взгляды передавали в систему и стаи дронов G-1, распластанные, словно мор-

ские скаты-хвостоколы. Они вились стаями, тихие и невидимые для локаторов врага. Довершали всё изобретения со спутников разведки. Управляющая система мгновенно всё суммировала, выдавая картинку, светящуюся приятным зелёным. С белыми контурными образами целей и своей техники, с радиусами поражения, расстояниями и лаковыми колонками цифр.

Всё это, словно в замедленной съемке, проходило перед глазами Авиатора. Специальные очки погружали его в мир дополненной реальности, в целое пространство. Стаи патрульных дронов представлялись косяками рыбок над дном «аквариума». Точно возносясь в стратосферу, Авиатор видел всё свыше. Свои самоходки ярко алели, разворачиваясь среди пологих холмов и балков врагов левого берега. Ах, Кодыма, ты — не Колыма, здесь — благодатный Юг, Новороссия. Танково-механизированные группы и патрули на броневых автомобилях светились жёлтым. Так, свои танки — в возможной зоне поражения. Чужие дроны-разведчики выются ярко-белой мошкаррой.

...Отдать команду на подъём дежурного звена «сухих» из Тирасполя. Есть! Не мешает сейчас иметь их в воздухе. Вместе с каждым пилотируемым самолётом пойдёт стая из четырёх реактивных БПЛА «Гром». Зарницей — команда своей артиллерии. Хотя они и так всё видят на своих дисплеях и в очках аугментированной реальности...

...Зачем они выдвигают свои драгоценные самоходки? Явно от чего-то отвлекают. Ищи, думай...

...Часть ударно-разведывательных дронов — на вражеские САУ. Пусть атакуют сами, стаями. Фас! Другие — в резерве...

...Ага! Они явно хотят прикрыть переход пеших групп диверсантов на территорию Одесской области. Блиц — на наземный командный пункт. Следить за берегами реки, засекать движение наземного транспорта с той стороны.

С трёх полевых парков стали срываться в небо новые аппараты. Бар-

ражирующие бомбы типа «Ланцет» и разведчики — вперёд...

...Так мы отрабатываем контроль над территорией. Это ещё пригодится на обломках Европы, где придётся охранять анклавы. Дроны, высокоточная артиллерия, подвижные маневренные группы, авиация. Аналоги древнеримских военных лагерей в провинциях империи...

...Беспилотники бросились на цель, как стаи пираний. Выбросили пучки противотанковых ракет, озарив всю картину. Другие просто помчались с разных сторон на обречённые самоходки. Заполосно брызгают в небо трассы крупнокалиберных пулемётов. Поздно. Полноценные установки ПВО противника давно уже выбиты. Самоходки врага успевают сделать всего несколько выстрелов, но по ложной мишени — макету танковой группы и бутафорскому полевому парку беспилотников. И сразу же трассы их снарядов ловят станции радарной разведки, в ответ летят ответные залпы наших САУ. Впрочем, оное почти избыточно — «слоники» с длинными хоботками один за другим исчезают с поля, поражённые летающими роботами...

...Чу! Они явно включили установки радиоэлектронной борьбы. Ах черт, вот они, хорошо они их замаскировали. Часть «мушек» наших дронов гаснет, высвечиваются красные конусы электромагнитных помех. Но поздно. Летящие в ответ снаряды наших пушек они не соьют с траекторий...

...Зеленоватое пространство перед Авиатором подёргивается рябью. Не беда. Силой мысли — отдать команду на постановку своих помех! Пусть гаснут роящиеся отметки чужих дронов. Переносим огонь пушек и атаки беспилотников на их проявившиеся станции управления. В крови разливается кипяток адреналина. Встроенный чип усиливает его приток, стимулирует разные зоны головного мозга, повышая сосредоточенность Авиатора и скорость межнейронных процессов.

А! Вот и пара истребителей идёт «оттуда»? Неужели у них ещё что-то осталось?

Не понадобилось даже команды. Комплекс «Бук-М4» сам заметил опасность с помощью двух «Сириусов» — дозорных — и его самоходные огневые установки, связанные радиолиниями через дроны-ретрансляторы, выбросили навстречу атакующим огненные змеи ракет. А тут и звено наших «сухих» на подходе.

Почти равнодушно Авиатор наблюдал, как чужие самолёты превращаются в россыпь светящихся меток-обломков. В наушники ворвался растянутый восприятием, похожий на речь мультяшного великана голос:

— Обнаружены пешие группы противника...

Авиатор словно ринулся к земле в своем виртуальном мире. Ясно увидел неровные берега Кодымы, попросили камыша по ним. Приблизил изображение, что система моментально обвела ярко-синим контуром. Шевелящиеся неясные силуэты крадущихся в ночи. И хотя они одеты в комбинезоны, не пропускающие тепло, мини-радары дронов-часовых их высветили. Хорошо, едва успели — люди стали видны лишь после уничтожения неприятельских установок РЭБ. Слава богу, их тоже мало. Теперь — следить за кордоном с помощью сети наземных РЛС типа «Фара-Экстра».

Ближайшую стаю из G-1 — к месту перехода. Хорошо, снова артиллерия сама сработала — дала залп по засечке. Тут даже могут не понадобиться и дроны. Вся линия разграничения поделена между пушкарями, их дивизионы представлены по всей линии соприкосновения, перекрывая её радиусами обстрелов.

Осторожнодвигающиеся силуэты скрываются в рваных белых пятнах разрывов. Есть! Если кто-то и уцелел, то добьют дроны.

В мозгу бешеной круговертью проносятся образы. Маневренная группа с собаками садится в вертолёт. От псового чутья не уйти даже в Третьем тысячелетии, никакие комбинезоны не спасут от него. А если преследователи сели на хвост нарушителям, то им не спастись — к погоне подоспеют дроны, охотники на квадроциклах и на автожирах-винтолётах.

...Оппоненты не имеют никакой возможности сосредоточить сколь-нибудь большие массы войск и техники. Всё моментально засекается и громится ударами с воздуха, рассеивается. Стаи дронов, крылатые ракеты, фронтовая авиация, дальнобойные пушки — всё это оружие стремительной хирургической войны.

У бандеровцев имеются ещё свои дроны. С ними бороться трудно, БПЛА-истребителей у нас маловато. Надо решать проблему. Они чаще всего автономны, но данные с них последователям УНА-УНСО реализовать трудно: нет больших подходящих средств поражения...

Звено Су-57 из Тирасполя зашло с фланга, добывая обнаруженные цели в 50-километровой полосе демилитаризации вдоль линии разграничения. Тонким комариным писком дал знать о себе центральный компьютер управления, вспыхнула колонка цифр подсчёта поражённых целей и расчётов вероятности поражения ещё «живых». Лётчики, впрочем, мало чем рисковали — впереди летели управляемые ими дроны «Гром», расчищающие им путь. По сути, маленькие реактивные самолёты со скоростью на уровне МиГ-15 в далёкую Корейскую войну. А больше и не надо.

«Донн!» — система просигналила об атаке на одну из русских самоходок. Усовершенствованный мозг Авиатора выдал образ вражеского миниатюрного октокоптера, смахивающего на паука, летящего с растопыренными лапами. Всё оружие — одна кумулятивная бомбочка на основании кумулятивного заряда КЗ-6 ещё советского производства.

Но это — всего лишь укусы отчаяния.

В мозгу Авиатора одновременно вспыхнуло несколько образов.

Похожий на косой андреевский крест беспилотный конвертоплан «Пластун», летящий во мраке совершенно бесшумно — к базе добробата «Азов». Тонкая красная линия паутиной пересекает карту — трасса полёта стаи тех, кто несёт возмездие...

Содрагающаяся земля от реального подземного ядерного взрыва на Новой

Земле. Со мишистых суровых скал осыпаются камни...

...Открытие морской лаборатории в Одессе, лето 1979-го. Ракета в небе, гонки на шлюпках. Задорный голос сурового на вид капитана, гремющий из мегафона: «Форма одежды — обнажённый торс с брезентовые брюки!» Солнце и много счастья...

Сам юный Авиатор, несущийся на велосипеде по бетонному желобу-спуску от санатория имени Чкалова — вниз, к морю. Юные мечтания. 1981-й, Рейган грозит отправить СССР на свалку истории. Зябкие порывы ветра нового витка холодной войны. Грёзы мальчишки о том, как достать мерзкого врага, не рискуя ядерным концом света. Атаки на США из какого-то четвёртого измерения — на телеуправляемых мини-самолётах в виде советских штурмовиков и бомбардировщиков времён Великой Отечественной, несущих на борту мини-ракеты и небольшие бомбы. А у пульта управления сидят мальчишки Советского Союза, и он — тоже. Стремительные тени охотятся на американские танки и их песивых вояк.

...Детские мечты, что стали реальностью нынче, но совсем в другой войне...

Авиатор сдвинул очки на лоб, возвращаясь в естественный ход времени. В маленький, но умно сконструированный салон большого винтолёта «У-250». Три оператора, пристёгнутые к креслам, почти не двигали головами. Хорошо поработали ребята! Отвлечь их не нужно, пускай заканчивают.

Да, не самая трудная проверка его, Авиатора, нового качества. Тут спрашивалась бы любая хорошая нейросеть. Но главное-то не в этом. В сём обращённом в труху старом мире русские могут делать почти всё, что пожелают. Нелепые ограничения исчезли, нет больше собственного, мерзко-корыстного страха того, что кто-то отберёт кубышку с «кровно нажитыми», лежащую на Западе. Просто надо было понять, что никто нас не в силах остановить — и следует твёрдо и непреклонно делать то, что нужно великому

народу. Готовясь к жизни на развалинах прежнего порядка, созидая совершенно иную реальность. А что крики? Да Лига Наций тоже в тридцатые кричала, и что? Реальные ядерные испытания на Новой Земле возымели потрясающее действие. Как и успехи обновлённой России на поприще развития. Эрдоган-Турецкий первым понял, что возможно очень многое и в числе первопроходцев бросился творить свой вариант грядущего. Ну, русские его быстро нагнали...

«Устинов-250» продолжал описывать гигантские восьмёрки в ночном небе Новороссии.

«Электрический пёс»

С чего всё началось? С операции «Электрический пёс». По мере того как прежний мир испускал дух и рассыпался, пока вчерашние великие державы, потрескавшиеся и обтрёпанные, слово куклы из папье-маше, с головой уходили в собственные проблемы, власть бывшей УССР впала в полную невменяемость. Вступление в Евросоюз, членство в НАТО — всё это воспринималось как горькая шутка. Как нечто, что гораздо дальше от реальности, нежели планы построения коммунизма в старые добрые времена.

Правление президента сатирика и шоумена поминали с язвительностью, как пору прощания с последними иллюзиями. Но по мере того, как новая Директория стремилась показать свою крутость и решительность, обстрелы отколовшейся части Донбасса усиливались. Опасаясь начать прямое наступление — ещё не забылся «северный ветер» лета 2014-го, — новоявленные бонзы-автократы предпочитали пальбу с безопасного расстояния.

Но и Москва была уж не та, что прежде. Сперва — грозная нота предупреждения. Не смей! Там живёт много граждан Российской Федерации. Потом — быстрый отзыв дипмиссии. ВСУ приводятся в стадию полной боевой готовности. Запад привычно вопит, но не более того. А дальше начинается хорошо — похлеще крымского — подготовленный экспромт.

В один прекрасный зимний день в ответ на обстрел территорий двух непризнанных республик на осадную группировку обрушился мощный удар. Нет, не случилось никакого студёного ветра, с огненным валом и наступлением танковых и механизированных масс на позиции супостата. Просто по штабам и складам, по артиллерийским батареям, танкам и самоходкам ударили стаи самых разнообразных беспилотных аппаратов.

Одни, почти бесшумно жужжа моторами, метали в цели огненные змеи противотанковых ракет, заходя с разных направлений. Другие, начинённые взрывчаткой, сами бросались на врага, вскрывая броню, как консервную банку. И если атакуемые пробовали включать мощные установки радиоэлектронной борьбы, «сводя с ума» рои дронов, последние всё равно успевали навести на цели не менее разящие залпы дальнобойной артиллерии. Тем более что над линией фронта висели длиннокрылые «Сириусы», зорко и точно «просве-

чивая» всё пространство операции. Любой снаряд или мина, вылетающая из стволов бандеровской артиллерии, засекались радаром — с фазированной решеткой! — старых добрых комплексов «Зоопарк-М». И в ответ тоже летели снаряды, прямо в цель, и никакие радиоэлектронные ухищрения не могли сбить их с траекторий.

И ведь всё делалось изнутри котла, в который превратились обе республики Донецкого края. Чего оппоненты никак не ожидали.

Всего лишь три часа спустя гигантская неправильная «подкова», охватывавшая край с севера и запада, превратилась в свалку разбитой и искалеченной техники. Поднимались к низкому облачному небу дымные столбы — полыхали склады горюче-смазочных материалов. Гул и дрожание земли говорили о том, как взлетают на воздух склады боеприпасов. Потрясённые наблюдатели видели танки и самоходки с крышами, буквально разорванными ударами сверху. Жутко закручивались

обгорелые стальные листы. Валялись опрокинутые зенитно-ракетные комплексы, чадили дымно машины с остатками антенн. Цели в глубине позиций добивали какие-то необычные, не числящиеся ни в каких справочниках крылатые ракеты, фырчащие прямоточными воздушно-реактивными двигателями. В этой войне гибли в основном не люди, а техника и генералы противника.

Нескольких часов хватило на то, чтобы вся осаждающая группировка превратилась в скопище никем не управляемых, насмерть перепуганных и ничего не понимающих людей, верящих самым диким слухам и впадающим в приступы дикой паники. Никакой связи, никаких приказов, всё тяжёлое вооружение выведено из строя. В эфире — сплошной электромагнитный вой. Всего лишь двух ударов танковыми группами из района Донецка, всего лишь слухов о заходе чужих войск с тылу хватило, чтобы паника лесным пожаром распространилась на то, что некогда было войсками.

Затем вся эта деморализованная, но вооружённая масса бросилась от линии фронта, сея по дороге страх и смятение. Утекали пешком, бежали на автомашинах, забивая пробками дороги. С воздуха их никто не атаковал — с другой стороны считали бегущих пускай и заблудшими, иной раз насильно мобилизованными, но своими, русскими людьми юго-западной ветви Большого народа.

А затем состоялось признание мятежных республик их исторической родиной — и вхождение их в состав РФ. Всё это вкупе и стало острейшим внутренним кризисом на Украине. А что Запад? Он лишь бессильно выл. И что означала агония Антироссии в момент, когда весь прежний миропорядок летел в тартарары? Сильнейшая смута, охватившая Незалежную после «Электрического пса», дополненная умелой работой Москвы на малороссийском поле, и стала началом раздела экс-УССР. К чему в общем-то всё и шло.

На волне чужого безумия

Авиатор очнулся от быстрого сна. В мозгу вспыхнула звёздочка вызова. Стрелец на линии.

Генерал вызывал его, стоя в светлом машинном зале — новой водородной электростанции под Белгородом. Сжимаемая одной рукой поручни помоста, Стрелец любовался рядами кожухов поршневых мотор-генераторов. Работали они на удивление тихо. Сюда, на силовую станцию, тек водород со скважин на трёх «аномалиях Ларина», обнаруженных близ города. Углекислотные трубопроводы направляли летучий газ, истекающий из недр, в сверкающий нержавеющей сталью цилиндр центрального накопителя, где водород очищался от примесей и закачивался в непроницаемые баллонеты, подобные дирижабельным. А уж оттуда питалась сама силовая станция.

Авиатор ответил на вызов.

— Приветствую тебя, старик! — сказал ему генерал. — Как ночь прошла?

Авиатор рассказал точно и сжато. И добавил:

— Думаю, это уже последние конвульсии. Дальше только повторение первой бандеровщины: мелкие группы, схроны в лесах, конспиративные ячейки в городах. Но не думаю, что в большом масштабе. Особенно если предпринять необходимые воздействия и спецоперации.

— А как там работы на Тираспольском аэродроме?

— Скоро закончим. Аэроузел получится что надо. Но звонишь ты явно не по его поводу, верно?

— Верно, — улыбнулся Стрелец. — Как впечатления от проверки самого себя?

— Да как тебе сказать? Задачи на таком оппоненте — что твои семечки. Щёлкай не хочу. Тут и простой игровой компьютер справился бы.

— Рад это слышать! — хохотнул Стрелец. — Нам стоит снова собраться да обсудить кое-что. У костра на Днестре, как всегда.

— Тогда будем готовить поляну, друг мой. О твоих успехах в Белгороде знаю, конечно. А как следующий шаг?

— Мы его скоро сделаем, друже...

...Стрелец помнил тот давний доклад его штаба, предсказавший крах из-за сочетания экологического безумия с надвигающимся мировым кризисом. Дай бог памяти, когда это было? Кажется, в 2021-м.

Точно... Тогда Еврокомиссия родила план Fit for 55 — грандиозный проект снижения углеродных выбросов на 55 процентов к 2030-му. Тогда Стрелец просто не поверил своим глазам: такой подарок судьбы!

Европейцы вознамерились добиваться своего, во-первых, расширив список квот на выброс углекислого газа на авиацию и морские перевозки — причём с урезанием таких квот! С новыми налогами на авиакеросин! С созданием рынка допустимых объёмов выбросов для автодорожного транспорта и строительства.

Стрелец тогда рассмеялся. Эти идиоты вознамерились погубить свой торговый флот и гражданскую авиацию заодно? За долгие годы — а Стрелец читал прогнозно-футурологическую литературу с 1970-х — эти богатые выродки так и не смогли создать даже гражданских атомомобилей, подводных и надводных. Хотя такие перспективы взахлёб обсуждались ещё в шестидесятые. То же самое касается и высокотехнологичных парусников.

А гражданская авиация? Электрическая тяга хороша для винтовых самолётов лёгкого класса. Но не для больших пассажирских и грузовых лайнеров! Заставлять самолёт тащить огромные аккумуляторы, которые, в отличие от керосина в баках, не облегчаются в полёте. Да ещё и заряжаются долгими часами. Они хоть понимают, на что они обрекают авиацию? А этот бред с электрическими реактивными моторами? Характеристики такого прости-господи-флота резко обрушатся, тарифы на перевозки улетят в небеса.

И опять образуется огромная масса аккумуляторов, чертовски экологически грязных в производстве

и утилизации. Ведь надо добавить ещё и сотни миллионов батарей для легковых и грузовых авто. Они понимают, как начнут загрязнять воздух даже при их перезарядке? И не надо говорить, что можно поставить ветроэлектростанции и солнечные панели. Вы представляете хотя бы, сколько для того потребуется земельной площади, при том что Европа — никак не солнечная Сахара. Но даже в ней нужно обслуживать поля сверкающих солярных батарей, удаляя с них пыль. А переброска тока через Средиземное море по кабелям? А накопление энергии в суперконденсаторах? Вот уж поистине — заставь дурня богу молиться, он и лоб себе расшибёт.

Что они там ещё запланировали? Новые налоговые льготы и субсидии для возобновляемой энергетики и запрет на продажу автомобилей с бензиновыми моторами к 2035 году? Видимо, им мало бунтов «жёлтых жилетов» во Франции, которые совершенно не желали оставаться без штанов, покупая электроходы вместо дизельных легковушек. Им же приходится ездить на работу за сотню с лишним вёрст — гримасы деиндустриализации! — а электрическая машинка с инвалидку величиной стоит столько же, сколько два авто с движком внутреннего сгорания. И ещё надо натывать зарядных станций через каждые 60 километров. А если тем же французам ехать из глубинки в Париж на работу, как русским из области — в Москву, а дорога в оба конца будет больше, чем запас хода электрической машины? Её нужно перезаряжать где-то рядом с местом работы. А это и дорого, и мест может не хватать. А какие счета будут приходиться за освещение и обогрев жилищ! Да, «зелёный курс» обернётся массовым обнищанием, а значит — и политическими бурями.

Простая мысль о том, что нужно, прежде всего, создать крайне рациональную конструкцию авто — без бесполезного длинного капота, с вагонной компоновкой и задним расположением мотора. Причём не только электрического, но и ДВС с низким уровнем токсичности выхлопа —

до мозгов не доходит. Но от этого пути отказались в шестидесятые — всем подавай машины классического вида. Хотя можно было бы драконовскими налогами заставить перейти на гораздо более экономичную компоновку, тут и ДВС можно было бы оставить, сэкономив на гигантской зарядной инфраструктуре, на грязной промышленности по выпуску батарей...

Каким же надо быть узколобым, чтобы не понимать, что борьбу с выбросами углерода в воздушный океан надо начинать с прекращения производства гор одноразовых и недолговечных вещей, буквально поедающих зазря энергию и ресурсы! Разве их производство и доставка не требует сжигания сотен миллионов тонн нефти? Разве не задыхается планета от того, что в угоду всему этому под корень вырубаются тропические и субтропические леса, буквально — лёгкие Земли?

«Однако история посылает нам редкий шанс. Всё это экологическое безумие по узколобости да сектантской упёртости напоминает то ли «сухой закон» в Америке 1920-х, то ли горбачёвский аналог. Только с куда более страшными последствиями, — сказал тогда про себя Стрелец. — Если они своими руками готовы ввергнуть экономику Евросоюза в тяжёлый кризис «зелёной» перестройки, то на всё это ляжет тяжёлая волна всемирного системного кризиса, который произойдёт с лопаньем огромных пузырей на американском фондовом рынке и рынке недвижимости, причём не только США, но и всех стран богатого мира... Да, выйдет настоящий обвал. Вот оно, полное развязывание русских рук в геополитике. Полная свобода манёвра! И, черт возьми, огромные возможности для экспансии русской модели развития, нашего Ковчега. А на водородном маразме мы ещё выгодно сыграем...»

Он в тот момент ещё не знал, насколько окажется прав. И насколько богатым на сюрпризы окажется грядущее. Подобное змее, что бешено бьёт хвостом и свивает кольца...

(Продолжение следует)

Александр ПРОХАНОВ. Заветные люди. —
М.: Наше Завтра, 2021. — 328 с.

В качестве журналиста Александр Андреевич Проханов побывал во многих горячих точках и написал очерки об острове Даманском, Мозамбике, Кампучии, Анголе, Эфиопии, Никарагуа, Намибии, Афганистане... Горячей точкой стала и сама Россия в Смутное время конца XX века. Эта книга Александра Проханова посвящена людям, с которыми свела его судьба. Среди них писатель Михаил Шолохов, художник Илья Глазунов, писатель и политик Эдуард Лимонов, генералы Игорь Родионов, Альберт

Макашов, Лев Рохлин и Александр Руцкой, адмиралы Сергей Горшков и Валентин Селиванов, афганские лидеры Мохаммад Наджибулла и Гульбеддин Хекматияр, президент Сербии Слободан Милошевич, глава КНДР Ким Ир Сен, лидер ХАМАС Халед Машаль, «прораб перестройки» Александр Яковлев, член ГКЧП Владимир Крючков, митрополит Иоанн (Снычёв), схиархимандрит Пётр (Кучер), протоиереи Димитрий Дудко и Лев Лебедев, политик Виктор Анпилов, олигарх Борис Березовский...

Александр ПРОХАНОВ. Сыны Виссариона. Крым. (Романы) —
М.: Вече, Наше Завтра, 2021. — 384 с.

Романы Александра Проханова «Сыны Виссариона» и «Крым» — о современных людях, изведённых невзгодами, несправедливостью, утративших смысл существования и бегущих от этой жизни кто в непроходимые чащи, кто в закрытые секты, кто — в безумные разгулы. «Сыны Виссариона» — о секте, похожей на ту, что недавно разгромили. В эту секту собираются люди, мечтающие о звёздах, о космическом чуде, о преображённом человеке.

Это роман о столкновении жестокого, земного — и эфемерного, небесного. Роман «Крым» — о чуде. Не о реальном Крыме с боевыми кораблями, приморскими пляжами и святынями Херсонеса. Крым — это образ Русского чуда, которое посещает каждого из нас в минуты беды, упадка и спасает от духовной гибели. Герой романа с вершин своего успеха срывается, летит вниз и вот-вот разобьётся. Но случается чудо, и он воскресает для земных трудов и свершений.

Александр ПРОХАНОВ. Паола Боа. Цифра. (Романы) —
М.: Вече, Наше Завтра, 2021. — 448 с.

Александр Проханов продолжает удивлять, поражать, а временами — намеренно шокировать читателей, но именно так и должен вести себя талантливый писатель. Его новый проект «Книга снов», открытый издательством «Вече» и издательством «Наше Завтра» выпуском романов «Сыны Виссариона» и «Крым», — прекрасное тому подтверждение. Этот проект пополняют завораживающие романы «Паола Боа» и «Цифра», которые в аллегорической форме про-

рочествуют о судьбе России. В них смешаны сатира и лирика, бескомпромиссное обличение пороков российского общества и горячее признание в любви к Родине. Дан яркий художественный слепок с того натиска цифровизации, которому подвержен весь мир — и который, как прозревает писатель, нацелен на аннигиляцию Царствия Небесного, высших смыслов человеческой жизни.

Ни один из читателей не останется равнодушным!

Вызов глобальной Антисистемы / под ред. В. В. Аверьянова. — М.: Наше Завтра, 2022. — 240 с.

Сборник докладов Изборского клуба посвящен остро актуальной и завораживающей загадке антисистем (термин Льва Гумилева). В XX веке антисистемные, «химерические» субъекты начали сливаться в единую сетевую транснациональную Антисистему, на данный момент уже достаточно зрелую. Это явление представляет собой глобальный вызов и самую настоящую угрозу для человечества, что и обосновывают идеологи и эксперты Изборского клуба.

Доклады были созданы в последние пять лет, при этом их точность и прицельный характер лишь увеличиваются в самое последнее время, когда мир скатился в бездну ползучей гибридной войны, ведущейся транснационалами против классических государств и культурных традиций. Мы вступили в эпоху, когда стали явными признаки глобальной деградации и контркультурной революции, начались процессы «Нового Потопа», уничтожающего самые основы старого мироустройства.

Юрий ПОЛЯКОВ. Совдетство. (Роман) — М.: АСТ, 2021. — 384 с.

Новая книга известного русского писателя Юрия Полякова — это уникальная возможность взглянуть на московскую жизнь далекого 1968 года глазами двенадцатилетнего советского мальчика, наблюдательного, начитанного, насмешливого, но искренне ожидающего наступления светлого коммунистического будущего. Автор виртуозно восстанавливает в мельчайших подробностях тот, давно ис-

чезнувший мир, с его бескорыстием, чувством товарищества, искренней верой в справедливость, добро, равенство, несмотря на встречающиеся еще отдельные недостатки.

Не случайно новое произведение имеет подзаголовок «книга о светлом прошлом». Читателя, как всегда, ждет встреча с уникальным стилем Юрия Полякова: точным, изящным, образным, насыщенным тонкой иронией.

Максим КАЛАШНИКОВ. Крылья над преисподней. Россия и мегакризис XXI века. — М.: Яуза, 2021. — 448 с. (Серия «Особое мнение»)

Одна волна глобального кризиса в XXI столетии сменяет другую. Причём каждый новый пенящийся вал становится всё тяжелее по геополитическим последствиям. Российская Федерация претерпела огромный спад экономики и в итоге десяток лет топталась на месте, а едва восстановив докризисный уровень — опять впала в застой... Но все эти штормовые валы — всего лишь цветочки на фоне «ягод» Мегакризиса середины XXI века,

чья чёрные тучи поднимаются на горизонте...

Что ожидает нас и всё человечество в грядущие тридцать лет, к середине XXI столетия? Каковы русские возможности и вероятные сценарии будущего? Что делать русским в мире, который рушится, раскалывается и вопит от адской боли? Как провести новую индустриализацию России в условиях бурь и потрясений? Ответы на эти вопросы — в новой книге футуролога.

/ Иван КОНОНОВ /

Период полураспада

(поэма)

ИЗОТОП ВРЕМЕНИ

(о поэме Ивана Кононова)

Время — физическая величина. Материя боится времени. Время обволакивает материю — облучает её ветхостью и старостью. Частицы материи цепляются за время, примагничиваются к нему, стремятся обрести бессмертие, обратившись в события, дела, стихи. Так физическое время становится историческим. Историческое время — энергия: и волна, и свет. Набежала волна, и прошлое стало будущим. Разлился свет, и озарилось померкшее в веках.

Поэт Иван Кононов знает всё о времени. В своих поэмах он порой летописец, что меняет местами древние листки, исправляет даты, и оттого из минувшего в настоящее время приходит иным. Порой поэт — волхв, кудесник: он выдаёт мираж за реальность, а реальность за морок.

В поэме «Период полураспада» Кононов ставит физический эксперимент над историческим временем, создаёт водородную бомбу истории. Он учёный, обнаруживший ядро времени, генератор времени, накопитель времени, где года и десятилетия вот-вот сдетонируют. Подмосковный дачный посёлок Жуковка, куда несли свой исторический заряд раскулаченные крестьяне, революционеры, лётчики, полярики, академики. Ежов, Шостакович, Глазунов, Сахаров, Солженицын, Ростропович, Фурцева — все они сконцентрировались здесь частицами истории с положительным или отрицательным зарядом. Эти частицы сближались, сталкивались, разлетались, и траектории их движения определяли направление империи.

Герой поэмы оказывается в Жуковке, уже лишённой былого советского аристо-

кратизма, в пору перестройки. В общей компании с ним сын академика Сахарова и внук генсека Брежнева...

Между ними нет отцовско-дедовских противоречий: новая эпоха подвела всех под общий знаменатель, уравнила силы. Но Жуковка по-прежнему источает неведомую энергию, её не измерить никаким прибором, не уловить никаким датчиком. То ли хмель, то ли бред, то ли прозрение, то ли перезагрузка, но время утрачивает последовательность, необъяснимая сила пронзает годы насквозь, бросает героев из десятилетия в десятилетие: *«Мы враз оказались и здесь, и повсюду, / Былое возникло везде и нигде»*.

Из перестроечного периода полураспада герои переносятся в 70-е. И брежневская пора видится им теперь **не застоём, а настоём**. Здесь концентрировалась энергия, каждый атом казался мирным или миротворческим. Но именно здесь академик заложил бомбу под империю, как под могучую гору. Гора вздрогнула от взрыва всем своим телом, будто сделала резкий неглубокий вдох, и в её нутре явилась небывалая, изменённая материя. Казалось, в самоцветах, будто из сокровищницы хозяйки Медной горы, открылось лучезарное будущее, но от сказочной красоты исходило смертоносное излучение.

Ещё рывок — и герои уже в 90-х, в эпохе полного распада. Здесь водородная бомба приняла иной вид — телевидение. Останкинская башня — *«злодейства и гения ось»* — непрерывно впрыскивала в атмосферу горячую, дурманящую энергию, и кто-то испытывал наслаждение, а кто-то корчился в муках. Бомба телевидения разрывалась, и возникали изотопы политиков, художни-

ков, рождались недотыкомки, от имперского материка откалывались острова республик.

Ещё рывок — и вот уже нулевые. Будто началось новое летоисчисление, будто обнулились все времена и сроки. Информационная бомба телевидения мутировала и превратилась в загадочное существо — Интернет. Оно, словно спрут, охватило весь мир, начало то ли издавать тяжёлые хрипы, то ли твердить диковинное слово: хайп! хайп! хайп!

Интернет уподобился сети над миром. Каждой оказался ячейкой этой сети. Не осталось незаряжённых частиц, все влились в поток истории. Казалось бы, сбылась блаженная мечта Вернадского о ноосфере, появилась особая оболочка Земли, в которой могли бы гармонично слиться научная мысль и вера. Казалось, отныне людям есть, где концентрировать добросердечие и многомилобие. Но в ноосферу, в бессмертный мир, ворвалась смертоносная сила, неодолимый вирус — *zloba*. Он обратил людей в социальные страницы, поменял имена на ники, лица на аватары. *Zloba* расщепила людей, вынула из них всё дурное: зависть, корысть, похоть, ненависть. *Zloba* добыла из людей частицы тьмы. Именно ими начинил в своё время академик водородную бомбу и оцепенел от содеянного ужаса, *«почуял смертельную бездну»*. Бомба никуда не делась — она взорвалась в интернете.

Финал поэмы — кафкианское превращение. Главный герой после взрыва — муха. Мир в его глазах распался на восемь частей, на восемь мониторов, и в каждом из них обломок истории. Истории некуда деться, потому что времени теперь нет. Появилось новое вещество, которое тоже будет длиться и течь. Изотоп времени.

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вы молоды, разнузданная муха,
Вы значимости собственной полны,
Когда чуть свет терзаете мне ухо,
Мечась от потолка и до стены.
Я старше вас, но в схватках сам не промах,
Самонадеян, смел, и потому
Среди других крылатых насекомых,
Пожалуй, лучше всех я вас пойму.
И вы меня, беспутного, поймёте,
Низы освоив вместе и верха,
Я научу вас, как не спать в полёте,
В компании порока и греха.
Нам с вами ни к чему авторитеты,
Но я люблю согрешников своих,
Фамилии, что будут мной воспеты, —
Не самые последние из них.
Я поманю вас в дальние пределы
И тюль откину, в путь отправить чтоб.
Надеюсь, что останетесь вы целы
И об стекло не расшибёте лоб.

1

— Эй, Брежнев! — кричал он с крыльца своей дачи,
Будя всю округу чуть свет. —
Ты там похмелился уже, не иначе!
— Чего тебе, Сахаров?! — слышал в ответ.
У них были общими листья на клёне
И вид на верхушки осин.
Один из них — внук того самого Лёни,
Другой — академика сын.
— Андрюха, давай! Я разлил тут по дозе!
— Ой, Димка! Не рано ли?
— Жду!
Их предки, успешно почившие в бозе,
Имели друг с другом вражду.
Как многие жившие рядом другие,
Что вряд ли запомнятся вам.
Я часто бродил тут, в плену ностальгии
По доблестным тем временам.
Партийные бонзы, народные слуги,
Герой, вертухай, интриган.
Не знаю и сам, за какие заслуги
Я был в это общество зван.
Их слава скончалась. Дома обветшали.
Назад заколочен был ход,
И стен, и заборов, и окон скрижали
Хранили Отечества код.
Далёкий потомок, истории бури
Поди разгляди-ка сумеи!
Тут Сталина враз развела Ибаррури,
Тут пчёл разводил Челомей,

Учёные Фурцевой спирт подливали,
Лабал Шостакович «Май лав»,
И прятал Исаича в полуподвале
Влюблённый в Галину Мстислав.
Мутили они, сообразно апломбу,
Кремлёвский болотистый ил,
А тот, кто родил водородную бомбу,
Её же под нас подложил.
То — Жуковка. Правящей шайки отрада.
Свидетель побед и утрат.
Наследие прошлого полураспада.
Грядущего полный распад.

2

Смеркалось. Была перестройка в разгаре,
Ещё не случился Союза обвал,
Мы пили. А кто-то играл на гитаре.
А кто-то кого-то в кустах обнимал.
И здесь, на исходе двадцатого века,
Эпохи большой закрывался раздел,
Где сын диссидента со внуком генсека
За Родину ту, что кончалась, радел.
— Что, Димка, — смеялся один, — веселуха!
Целуй иностранцев поганных своих!
— Да нет! Мы уж как-нибудь сами, Андрюха! —
Другой отвечал, не по-пьяному тих.
А я был причастен, пречестен, причислен
К среде небожителей, видевших то,
Что было превыше засаленных истин,
Что больше (так вышло) не видел никто.
Они в этой самой среде подрастали.
Они наблюдали эпоху вблизи,
И ржавые пятна в стальном пьедестале,
И золота россыпи в липкой грязи.
И хоть мы гуляли и пили гурьбою,
Но каждый в отдельности был нелюдим,
Им не было с кем поделиться собою,
Сомнением, болью и страхом своим.
— Что, Сахаров? Съешь ты соседа и брата? —
Один говорил. — Надают тебе розг!
— Ох, Брежнев, — другой отвечал виновато, —
Мои диссиденты проели мне мозг.
А я был с обоими искренне дружен,
И хоть по эмоциям сдержанно вял,
Но счастлив сполна тем, что общий наш ужин
Свободным поэтом мне быть позволял.

3

— Что, Кононов, всё телевизору служим?
— Ему.
— Ну и как?
— Потихоньку окреп.
— Не тошно?
— Без нас был бы мир сильно сужен!
— И как занесло тебя в этот вертеп?

— Да, ящик, конечно, коварная штука,
Но в нём — и злодейства, и гения ось.
Могу поэтапно. Рассказывать?
— Ну-ка!
— С соседского телика всё началось.
Я вряд ли сумею простыми словами
Поведать о страсти, возникшей во мне.
В экране под линзой фигуры сновали,
Любую мечту доставляя извне.
Родители эту презрели заразу,
Но знать не могли ни они и ни я,
Что душу мою безнадежно и сразу
Вберёт в себя век теле-виде-ния.
Бродил в тех местах я мальчишкой вначале,
Останкинской башни росло остриё,
И в поле туманном зловеще торчали
Бетонные мрачные части её.
Царил вертолет на этой площадке,
Как будто Господь возводил интеграл,
И кубики складывал в нужном порядке,
И в детский конструктор азартно играл.
Я рос и с восторгом смотрел, и с испугом,
Как рядом взрастал телецентра оскал,
Раззавивший пасть. И в неё друг за другом
Шли те, кто немедленной славы искал.
Не ради корысти, престижа и грошей,
А токмо по воле записки одной —
«Возьми на работу мальчишку. Хороший» —
Вошёл я в команду, мне ставшей родной.

4

— Хороший! — прервал меня Брежнев с усмешкой, —
Пора бы к застолью вернуться, прости.
Давай, наливай-ка, Димуля, не мешкай!
Ты ж знаешь, прости у нас не в чести.
— А ты не части! Предлагаю забаву.
— Какую?
— В слова поиграем.
— Сдурел?!
— А что ее бестолку трескать, отраву?
Язык свой родной разовьём между дел.
— Но как?!

— Мы вот пьём и взахлеб, и с размаху,
А нужно со смыслом распахивать рот.
Пусть каждый, свою поднимая рюмаху,
По-своему этот процесс назовёт.
Найдёт, так сказать, адекватный синоним,
Чтоб выразить всё благолепие в нём.
Допустим: «Давайте, друзья, влупензоним!»
— Шарахнем!
— Царапнем!
— Бульбулькнем!
— Вомнём!

Темнело. Страну чем-то мрачным накрыло.
Стекала за шиворот холода слизь.
В нас было уже по поллитру на рыло.
Игра не кончалась. Друзья завелись.
— Прокапаем!
— Вздогнем!
— Втолкнём!
— Забубеним!
— Девиз поколения: «Мочим до дна!»
И тосты стреляли уже по коленям,
И явь становилась почти не видна.
Я грезил. И мысли, что были так горьки,
И сны, от которых я был нездоров,
В мерцающий шар превращались в подкорке,
Плывущий в потоке таких же шаров.
Скукожилось время, закуклилось в точку,
Грядущее прошлым разбавив, оно,
Компании нашей приняв оболочку,
Вдруг, стало с попавшим вовнутрь заодно.
Я ром откупорил, я выпустил джинна.
Он мне подмигнул и сказал: «Бомбанём?» —
Я выпил. И наша рванула машина.
Мелькнул год за годом, помчал день за днем.
Мы ищем, куда не бьёмся об оземь,
На дне своих рюмок извечный ответ.
Зачем нам всё это? У времени спросим.
Оно нам ответит. А может, и нет.

5

Часы и секунды метнулись под ноги,
Нас время скрутило, прожгло, понесло,
Как будто каноэ на горном пороге,
Воды зачерпнуло, сломало весло.
Мы враз оказались и здесь, и повсюду,
Былое возникло везде и нигде.
Друзья со стола убрали посуду,
А я вдруг увидел осу на ногте,
Партийных апостолов сдобные лики,
Оракулов перхоть, кумиров зады,
Хоромов останкинской тени и блики,
Где баре чернявы, а слуги — седы.
От ужасов тех до сих пор цепенею:
Прямые эфиры, редактора вой,
То диктор Кириллов несёт ахинею,
То Брежнева ставлю я вниз головой.
Эфир свиристит, сам собою всё кроет,
Весь мир предо мною, вся прелесть, вся гнусь,
И я по нему, как шальной астероид,
Ношусь и от собственной важности прусь.
В тот год, когда стал я помощником Бога
И в поле для титров крутил барабан,
«Союз-Аполлон» стартовал от порога
Той студии, где был поджопник мне дан.

И я полетел вместе с ним, вместе с теми,
Кто так же, как я, от макушек до пят,
Светился эфиром, в курсах был и в теме,
Кто властью его был и поднят, и смят.
Весь полон амбиций, свершений и планов,
Я влать проворачивал месиво слов.
Учили меня Летунов, Голованов,
Вселяли надежду Синицын, Белов.
Их множество было, причастных к опеке,
Кто был жесткосерден, а кто мягкотел.
Сменялись главреды и мёрли генсеки,
А я, матеря, скучнел и скучнел.
Но бросила в мир телесеть своё семя,
В мозгах до сих пор её оттиск несущу.
Прости же, программа по имени «Время»,
За то, что ногтём я прихлопнул осу.

6

Ты думаешь, что-то решал телевизор? —
Спросил меня Сахаров. — Ну ты даёшь!
Бубнилки картонные! Творческий высер!
— Всё верно. Но рос ты под этот бубнёжь!
— Да клал я на вас!
— А когда перестройка
Папашу вернула?
— Молчи, сукин кот!
Давай лучше «Грантс» тот литровый открой-ка!
Мы снова заправили свой вездеход.
И, свойства пространства и времени руша,
Доставлены были немедленно им
На дачу в Заречье, где Брежнев Андрюша
Сидел возле телика с дедом своим.
Тот был, как обычно, у мира на страже,
Ему были рамки квартиры тесны.
Он жадно смотрел про себя репортажи,
А также «Семнадцать мгновений весны».
Когда медсестра приходила, чтоб приступ
Внезапной мигрени купировать льдом,
— Есть три супермена: я, Штирлиц и Иствуд, —
Шутил он, слова сочленяя с трудом.
Вообще он в общении был просто душа,
И близких своих беззаветно любил.
Пронзительно вдруг зазвенела вертушка,
Явился с докладом дежурный дебил.
— Кому же неймётся там?!
— Сулов на связи.
— Чего тебе, Миша?
— Да снова они!
— И кто ж?
— Солженицын и Сахаров, мрази.
Опять выступают!
— Ответь. Приструни.

— Уже. Все писатели в главной газете
Сплотят против них благородный редут!
— И как реагируют ироды эти?
— Они теперь в Жуковке рядом живут.
— Постой, там же Юрий мой!
— В курсе ваш Юра!
Писателю дал Ростропович приют,
Его поддержала Вишневская, дура.
— Артисты? Они ж у меня запоют!
И этим же вечером главной программы
Набат осуждений услышал народ,
И стал возмущённые слать телеграммы,
А думать, как водится, наоборот.
Паны, мол, дерутся, холопам — отрада,
Из нас хоть не станут тянуть наших жил.
А я в это время всё делал, как надо,
Свой долг отдавал и в стройбате служил.

7

Опять унесло нас в минувшее, что ли?
На сердце — заруба, у памяти — шрам.
Хоть тело не помнит страданий и боли,
Но помнит, как было нам сумрачно там.
— Особенно мне! — востепенулся вдруг Димка.
И рюмку поставил на стол, не допив.
Висела над Жуковкой странная дымка,
Звучал незнакомый тревожный мотив,
— Мы с сёстрами — дети врага, диссидента.
Страх, гордость, обида, тоска на душе.
И чувства мои — чёрно-белая лента —
Готовы разрушить любые клише.
Пока телевизор бровастого Лёни
Показывал лажу (Андрюха, прости!),
Отец наш метался, как лошадь в загоне,
В пространстве, где честность была не в чести.
Брошюра о мире, события в Праге,
И где-то в Калуге, борца и вдовца,
На пике отчаяния и отваги
Хитро заарканила эта овца.
— Да ладно тебе! — мы воскликнули оба.
И снова налили. И Брежнев, и я.
— Не сможешь простить ей до самого гроба?
— Давай лучше мчать по волнам бытия!
Мы чокнулись, вздрогнули и полетели.
Москва Олимпийская — полупуста,
В пресс-баре Останкино — супер-коктейли,
Но только для избранных есть тут места.
Зато в аппаратных мы смотрим ночами,
Чужой, непонятный, запретный эфир,
И страшная правда встаёт перед нами,
И нашу страну осуждает весь мир.
Вот Лёня целуется страстно и пылко
С таким же вождём престарелым, как он,
Кровавый Афган, академика ссылка,
И Боннэр о чём-то кричит в мегафон.

Потом передач зарубежных рулоны
Тайком достаём из-под шкафа в углу,
И праздник, который не тронули шмоны,
Звучит и сияет сквозь мрачную мглу.

8

Ковёр-самолёт, сапоги-сорокоходы,
То — мчим, то — буксуем, то — взад, то — вперёд.
Ну вот и доклюкались мы до свободы!
Страна — наизнанку. Ликует народ.
— Да, — буркнул Андрюха, — свобода, что надо!
Вдруг дождь сыпанул. Мы накрылись плащом.
— Не зря катафалков прошла кавалькада,
И Сахаров был Горбачёвым прощён.
Мы с вами сейчас, как судебная тройка.
Что Гоголь писал там? Русь, дай мне ответ!
Куда ты несёшься, скажи, перестройка?
Зачем ты всё рушишь, что строил мой дед?
— Опять выступаешь ты, брат, не по делу! —
Сказал ему Димка.
— Ты сам не о том!
Я кое-кого расписал бы к расстрелу,
Мы ж знаем, что Меченный сделал потом.
Кончалось горячее. Наши порывы
Во времени путались.
— Речь не о нём!
Спасибо ему. Мы теперь не пугливы, —
Сказал я, внезапно трезвея,
— Пыхнём?
Вдохнем полной грудью, споём или спляшем,
Пусть дождь колошматит, пройдем между струй.
Скажу однозначно — в Останкине нашем
Житуха настала — трынди не горюй!
Ни дня не живём, комуник не обаяв.
Трудяга воспрянул, чиновник обмяк.
Нам гласностью плешь всю проел Сагалаев.
С утра от сухого закона — сушняк.
Речами и руганью все перегреты,
Трансляция — главный источник потех,
И вы, как хотите, но наши тенеты
Углубить и начать заставили всех.
— Вообще-то «тенеты» — облавщиков термин,
Вы гнали толпу под охотничий рог
В ловушку, к обрыву, в бессмыслицу, в темень.
— Не слишком ли, Димка, ты к времени строг?
История-мать — это край унитаза,
Кому-то он — плаха, кому — пьедестал.
Вон Брежнев в гробу повернулся два раза,
Когда твой папаша при гимне не встал.

9

— Отсюда давай-ка теперь поподробней!
Есть город, которого нету. Саров.
Там чудо явил Серафим Преподобный,
Там папа наделал чудес, будь здоров!

Пионы под окнами, матушкин ситец,
И папа — в расчётах и формулах весь.
Саровская пустынь и ядерный синтез
Для бомбы — святая и адская смесь.
Разъяв, оседлав этот мир, этот атом,
Возделав космический Армагеддон,
Став Сталина с Лениным лауреатом,
Вдруг бездну почуял смертельную он.
Всё понял про строй и хождение строем,
Про кару за грех и расплату расплат,
И вот, уже будучи трижды героем,
Он в синтезе ядер увидел распад.
— Давай объясни-ка, что это за штука?
— Любая частица имеет финал,
Но длится по-разному гибели мука.
Прозрел он её. Потому и не встал.
— Да, длинным период был полураспада, —
Сказал я, наполнив фужеры в ответ. —
Пора подзаправиться!
— Может, не надо?
— Не надо снижаться. Тут выбора нет.
Ведёт нас орбитой наука и вера,
Я лично — сторонник обеих опор.
— И что в результате?
— Нас ждёт ноосфера!
Там живы и счастливы все до сих пор!
— Тебе бы служить искусителем-змеем.
— Да, Димка, там — чудо! Дави, брат, на газ!
— И как мы познаем его?
— Как сумеем.
Но чокнемся прежде. За мой «третий глаз»!

10

— К экрану! Смотреть мне в глаза,
бандерлоги!
Сейчас в зоне копчика станет тепло!
В эфире — провидцы, пройдохи и боги,
Плацебо и чудо, душа и бабло.
Все медиа — в нашей подкорке, поверьте!
Эгрегор сознания — круче всех СМИ.
Особенно если дыхание смерти
Колышет бессмертный простор над людьми.
Пронзали вибрации космоса дали,
Колбасили волны, меняя размер,
Волхвы ворожили, шаманы камлали,
Молитвы и мантры шли к музыке сфер.
Для френдов своих мироздания крохи
Могли лишь поэты суммировать сметь.
Жрецы, трубадуры, шуты, скоморохи
Творили свою социальную сеть.
То были прообразы кибервселенной,
Их пестовал всячески мой «третий глаз»,
Живой, вездесущий, всеильный, нетленный.
Так выпьем, что есть, за него и за нас!

— Ты что-то увяз окончательно в тостах —
Слегка ошалева, мне сказали друзья.
— Ну да, я забыл. Мы пока в девяностых.
Понять все детали без хайпа нельзя.
— Без кайфа? Кто б спорил!
— Без хайпа.
— Без скальпа?
— Ребята, есть термин грядущего — «хайп».
Когда интернет, на манер телетайпа,
Уже до французских дотянется Альп.
— А нафиг нам Альпы-то?
— Там олигархи.
— Кто-кто?
— Олигархи. Курорт Куршавель.
Они — богачи. И не просто, а архи.
В руках их Россия, что твой журавель.
Их с Ельциным вместе запишут в анналы,
Он даст только им путеводную нить,
И, прежде всего, они скупят каналы,
Чтоб бабки рубить и мозги всем крутить.
— Что ж, — Брежнев сказал, — пусть простит мне дедуля!
И папа твой тоже простит пусть, Димуль!
— Андрюха! Твой дед ездил лихо, как пуля,
Но всё же не тех посадил он за руль!
— Ребята, остыньте! Не надо полемик.
Они предрекли всё. Был магом Генсек.
И с бомбой не зря колдовал Академик!
Поверьте, ещё не окончен их век.

11

Мы встали. Андрей раскраснелся, как домна.
— За вечность! - сказал он. — Димон, не совет!
Наш дружеский вечер стал выглядеть томно.
Защёлкал, запел, заблажил соловей.
Под яблоней Ева смущала Адама,
Он делал одно, а мечтал о другом.
Шли годы, столетия... В Жуковке драма
Творилась нон стопом за каждым углом.
Любовь — скоротечна, измены — нередки,
Но живо бессмертие в мыслях срамных.
Вот делится клетка. И жизнь наша — в клетке,
И сами мы — в клетке. Себя же самих.
— Как много сетей и каналов, смотрите!
И каждый — к другим измерениям лаз!
Друзья мои стали плутать по орбите.
— Что скажешь о будущем, «третий наш глаз»?
— Продлятся в пространстве блаженство и мука,
Наш вклад в эту вечность — почти невесом,
Чтоб быть бесконечной, фруктовая муха
Имеет такой же набор хромосом.
То будет без нас, что без нас уже было.
Ты — тот, кто был раньше. Тем будешь и впредь.
Взгляни на себя. Если ты — дроздофила,
Тебе дроздофилой дано умереть,

Ты — ноль, ты — никто, но ты — мира основа,
Ему преподнесшая свой нарратив.
Ты мухой родишься немедленно снова,
Набор своих генов с собой прихвати.
— А как же волшебники наши и маги?
— Они все предвидеть смогли наперёд,
Горячих желаний полны и отваги,
Творили нас с вами. Настал их черёд.
Догматы науки, могущество веры,
Жестокая воля вождей и мощны,
В глазах ноосферы — сплошные химеры
А битвы богов и престолов смешны.
Из бездны сетей, из глубин мониторов,
Как массовый тролль, коллективный замес,
Воскрес Академик, являя свой норв,
Блаженный Генсек со всей дури воскрес.

12

Я взвешу слова, как лекарство провизор,
Старясь найти в этом хаосе связь,
Вот был «се ля визор», теперь — «тело визор»,
В мирах параллельных вся жизнь пронеслась.
Стоп, время! Закрою все окна и двери,
Усядусь за стол и компьютер включу.
Я с детства мечтал побывать в ноосфере,
Шагнуть по ведущему в космос лучу.
Теперь она тут, повсеместно, повсюду,
Сканирует мозг от зари до зари,
То к чуду делаешь сноску, то к чуду,
И вместо рассудка процессор внутри.
Наполнится памятью новая SIMка,
«Delete» удалит раздражающий вид,
Как прежде, в компании Сахаров Димка
У дачи, ещё не снесённой, стоит.
Ещё две-три кнопки, воистину пруха!
Вот — полон энергии, статен и мил,
Потомок Генсека.
— Здорово, Андрюха!
Чего-то ты рано из жизни свалил!
Мы снова в бредовой своей круговерти,
Нам истина всех поколений видна,
И самое главное — жизни и смерти
Здесь нет. Как и нас. Только вечность одна.
Картинки вселенной забавны и жутки,
Гляди-ка: любитель заброшенных шайб,
Наш Лёня. Едва говорит, но ведь шутки
Его до сих пор собирают свой хайп!
Теперь-то ты знаешь, что это такое.
Вот — Сахаров старший, мальчишка-мудрец,
Лишивший навечно планету покоя,
Подвесивший ловко весь мир за конец.
Его бесконечно делящийся атом
Всё глючит и глючит, в процессоре — сбой,
А дети меж тем исключительно матом
В онлайн общаются между собой.

Любые любое в компьютере ищут,
И каждый находит, что следует, в нём.
Считается, веб — это типа для нищих,
А типа богатым всё нужно живьём.
Но всем поголовно снесло уже крышу,
И войны, и бабки, всё слилось сюда,
И так же, как я от вас, братцы, завишу,
Так вы все зависнете тут навсегда!
Но что это?! Машут нам истово предки,
Пророчат распад, череду катастроф.
Всё рухнуло. Выдернут мир из розетки.
Закончен онлайн, начинается «офф»...

13

Из мрака и тьмы, словно битые фары,
Слепят полукружья. Туман и дымы.
И стук монотонный сквозь страх и кошмары
Всё громче и громче. Из мрака и тьмы.
И вот — после проблесков, грохота, гуда
Снаружи становится мир нарочит,
И ты сам себя достаёшь ниоткуда,
Поняв, что в тебе твоё сердце стучит.
Лежу, зубы сжав, не стону и не ною,
Пространство в подкорке сжимает кольцо.
С трудом открываю глаза. Надо мною
Склонилось знакомое чьё-то лицо.
— Иван! Слышишь, видишь?! Ну как ты?
— Терпимо.
— Ты так напугал всех! Меня узнаёшь?
— О господи! Сахаров! Что со мной, Дима?!
— С тобой — ничего. Но повсюду — падёж.
— Ковид?
— Нет. Мир в более страшных оковах.
— Куда уж страшнее?
— Опасней в 100 раз.
Ты в Жуковке был. У друзей своих новых.
Вот там и случилась зараза зараз.
Она для талантов опасна особо.
Всё то, что питал электрический ток,
Вдруг стало источником вируса «zloba».
У многих — конвульсии, мозга отёк.
Беда сторожит у любого порога,
Ко всем без разбору приходит подряд.
И стоит кому-то подумать немного,
Его в тот же миг ударяет разряд.
Он полон идейности, этот убийца.
Без жалости бьёт, видя в каждом врага,
Разит, невзирая на пол и на лица,
Из гаджетов, лампочек, плит, утюга.
А было всё так: ты увидел алóz
(Мне это поведал хозяин Арчил)
И стал философствовать, вспомнил былое.
Меня и Андрюху. И тут получил.

Ты, видимо, жертвой одним стал из первых.
Спасибо, что мой был задействован тыл.
Уже третий месяц мы все тут на нервах.
А ты — без сознания. Всё пропустил.
— Что «всё»?
— Смерть розеток. Пришлось технократам
Начать исчисление новых времён,
И гением папы стреноженный атом
Для нужных задач, наконец, применён.
— Каких таких нужных?
— Для квантовых родов.
Мы — новая эра и новый народ.
Всё то, что ты видишь, — есть мир углеродов.
Долой всех уродов! Виват, углерод!
Он поднял мою бестелесную руку.
— Сейчас и в тебя углерод я вдохну!
И я, подчиняясь сердечному стуку,
Поплыл, словно шарик воздушный, к окну.
Под нами планета живыми кишела,
Своей не предвидя похмельной судьбы,
И справа, и слева росли то и дело
Прекрасные, словно проказа, грибы.
Он знал, что противиться был я не в праве,
Без удержу в эту воронку влекло,
И я, не узнав в сновидениях яви,
Всё бился и бился лицом о стекло.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Где шла дуэль моя на швабрах,
Где был жесток я, хоть и прав,
Погибла муха смертью храбрых,
Жужжаньем жизни жизнь поправ.
Она, наверно, не хотела
Лишаться жизненных жужжил,
Но я её младое тело,
Что твой Отелло, придушил.
И сам наполнился жужжаньем,
И захотел лететь на гать,
И цветом тела баклажанным
Стал соплеменников пугать.
Вся жизнь — в дерьме, и я — не в духе,
Мой глаз навывкате сетчат,
Ещё немного — и от мухи
Меня совсем не отличат.
Чья мухобойка наготове?
Кем сделан в воздухе кульбит?
И кто ж оставил каплю крови,
На стенке будучи прибит?

